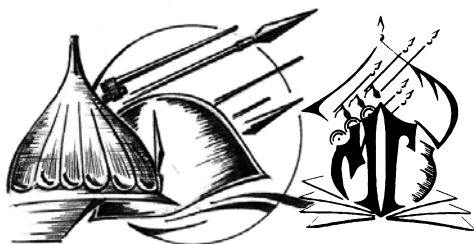

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2014

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Западная цивилизация и Россия	3
Юрий МАРКОВ. О национальном государстве	86
Галина КУСКОВА. Сегодня русская идея называется белорусской	104
Владимир МЕНЬШИКОВ. Духовная война с Россией	142
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни	191
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. О «нашей» интеллигенции»	207

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Шестьдесят пятая осень. Стихи ...	17
Юрий ВОРОТНИН. Соловьиная свирель. Стихи	22
Владимир СМЫК. Над радостью земного бытия. Стихи	120
Михаил ТИМОНИН. Вхожу я в русский лес. Стихи	124
Алексей КОРНЕЕВ. Мой костёр. Стихи	161
Олег ЧУПРОВ. Становлюсь постепенно рекой. Стихи	165

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Казачья засека. Роман.	
Окончание	27
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы	128
Ямилъ МУСТАФИН. Стригунок. Рассказ-быль	170
Иван НИКУЛЬШИН. Вечер любви. Рассказ	184

РУССКИЙ ВОПРОС

Александр ШУМСКИЙ. Наступит ли эпоха «просвещённого сталинизма»?	215
Андрей ГОРШКОВ. Закрепить статус государствообразующего народа	221
Андрей ПШЕНИЦЫН. Статистическая погрешность	225

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Диктатура «просвещенных»	229
Людмила РЯБИЧЕНКО. «Азбука смерти» новейшего времени	261

ДОСЬЕ «МГ»

Валентин КАТАСОНОВ. Афера тысячелетия	265
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Михаил ФРОЛОВ. «Стереть с лица земли»	270
--	-----

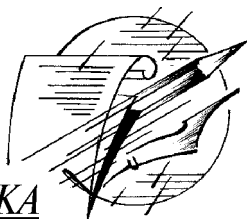
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Андрей РУМЯНЦЕВ. Зарницы. Миниатюры	280
--	-----

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН

«ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И РОССИЯ

Разрабатывая стратегию уничтожения России в лице Советского Союза, внешние и внутренние враги нашего Отечества свои злодеяния прикрывали чудовищной ложью о свободе и демократии. Для достижения этой цели зарубежные и российские либералы предлагали и до сих пор предлагают России входить в так называемую западную цивилизацию. В своих монографиях «Пока не поздно» (1991 г.), «Возродится ли Россия» (1994 г.), «Свеча: сгорая сам, свети другим» (1999 г.), «К свободе призваны вы» (2002 г.), «К воскрешению России» (2009 г.), основываясь на уникальном труде гениального русского учёного Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885 гг.) «Россия и Европа», мною разъяснялось, что никакой западной цивилизации как таковой не существует. Тем не менее современное либеральное высшее руководство страны — президент, его администрация и правительство не оставляют своих усилий защитить нашу страну в западный цивилизованный рай. И не только призывают, но и делают практические шаги на этом гибельном пути, о чём, в частности, свидетельствует преступное присо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

единение к Всемирной торговой организации (ВТО), стоившее для российского государства полной потери экономического суверенитета.

В этих условиях приходится ещё раз разъяснить, что есть в действительности «западная цивилизация» и какова её трагическая роль в жизни человечества. Поскольку моего научного авторитета для некоторых читателей может оказаться недостаточно, это разъяснение я сделаю с помощью трудов трёх выдающихся учёных — двух русских и одного немецкого. Начну с немецкого философа Освальда Шпенглера.

Своё философское мировоззрение Освальд Шпенглер изложил в книге «Закат Европы», 1-й том которой на немецком языке в Германии был издан в 1918 году, 2-й том — в 1923 году. На русском языке книга впервые была издана в 1922 году (том 1-й) и в 1998 году (тома 1-й и 2-й).

Шпенглер основное внимание уделяет рассмотрению трёх исторических культур — античной, европейской и арабской. По его убеждению, этим культурам соответствуют три «души» — «аполлоновская», «фаустовская» (западная) и «магическая». Первая из них в качестве идеала рассматривает в совершенстве развитое, чувственное тело человека; вторая имеет своим символом жизнь человека в беспредельном пространстве; а третья выражает постоянное противоречие между душой и телом человека. Для Шпенглера все культуры равноправны, и каждая из них не может быть оценена с позиций другой культуры. Шпенглер считает, что каждая культура имеет не только своё искусство, но и своё собственное естествознание и даже свою уникальную природу, поскольку природа воспринимается человеком посредством культуры.

Культура, по Шпенглеру, «непосредственно связана с религией. Любая культура развивается во времени». Автор считает, что она имеет свой конец. Её жизнь завершается отмиранием. На смену культуре приходит цивилизация. Цивилизация как исключительно технико-механическое явление, противоположное культуре как царству всего органически жизненного. Цивилизация, утверждает автор, есть смерть духа, на котором зиждется культура. С потерей души созидательные смыслы культуры уже не вдохновляют людей к созиданию духовных ценностей, поскольку теперь они свои усилия направляют на достижение утилитарных целей, выражающихся в так называемом комфортном благоустройстве жизни. Культура становится цивилизацией, которая «как засохшее дерево в лесу ещё долгое время может сохранять и ронять свои гнилые сучья».

Это происходит потому, что культура религиозна по своей основе, цивилизация же — безрелигиозна. Культура национальна, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий. Цивилизация интернациональна, она механична, равнодушна к духовным ценностям и базируется на количественном увеличении так называемых благ и услуг. Шпенглер подводит итог своих суждений лаконичной формулой: «Культура — аристократична, цивилизация — демократична».

«Культура жива до тех пор, — подчёркивает Шпенглер, — пока она сохраняет глубоко интимную, сокровенную связь с человеческой душой. Душа культуры живёт не сама по себе, а лишь в душах людей, живущих смыслами и ценностями своей культуры. Всякое искусство смертно, смертны не только отдельные творения, но и сами искусства. Настанет день, когда перестанут существовать последний портрет Рембрандта и последний такт музыки Моцарта. Хотя раскрашенный холст и нотный лист возможно и останутся, но исчезнут последний глаз и последнее ухо, которым был доступен язык искусства».

Важно отметить, что возможность сохранения и развития культуры на европейском пространстве автор книги «Закат Европы» связывал с жизнью России, способной примирить культуру с техническим прогрессом и благосостоянием людей.

Учёный скончался в Мюнхене 8 мая 1936 года, в возрасте 55 лет, оставив учеников и последователей в Германии, Франции и других странах.

Представляет большой интерес рассмотрение генезиса-происхождения взглядов и убеждений немецкого учёного. Здесь неизбежно следует обратиться к учению упомянутых выше двух русских учёных.

Первый из них — выдающийся русский писатель, философ и общественный деятель Одоевский Владимир Фёдорович (1816—1869).

В 30-е годы XIX века в Западной Европе получила распространение философия утилитаризма, основоположником которой был англичанин Иеремия Бентам. Он разработал примитивную теорию, в которой сводил мотивы поведения людей к удовольствию, а их мораль — к полезности. Эта теория отличалась антихристианством и неспособностью людей к взаимопониманию, добру и подвигу. Она отвечала коренным интересам англосаксов-индивидуалистов, оправдывала конкуренцию и погоню за собственной выгодой.

Это антигуманное предложение Бентама было с готовностью принято английской буржуазией, воспитанной на эко-

номическом учении Талмуда. Удовлетворение частного интереса («принцип эгоизма») провозглашалось средством обеспечения наибольшего счастья («принцип альтруизма»). Польза сводилась к выгоде, а выгода — к прибыли. Это было прямой апологией капиталистического строя, где погоня за максимальной прибылью стала основным экономическим законом. Эту идеологию Одоевский подверг жестокой критике.

В новелле «Город без имени», входившей в состав книги «Русские ночи», описывается ситуация на острове, заселённом колонистами, последователями Бентама. Новую страну они назвали Бентамией, где всякий принимался за своё дело в интересах увеличения выгоды и приращения богатства. Вскоре бентамиты вышли за пределы своей страны. Неподаляку они обнаружили другой остров, где люди жили по старым правилам, и завели с соседями торговые отношения. Руководствуясь соображениями пользы, они задерживали разными хитростями провоз к «партнёрам» необходимых вещей и продуктов и продавали им свои втридорога, применяли к ним банкротства, вовлекая в биржевую игру, от которых у тех упали фабрики, что послужило обогащению бентамитов. «Когда соседи, благодаря нашей мудрой политике, вполне разорились, — утверждает главный герой новеллы «Город без имени», — правители наши, собравши выборных людей, предложили им на разрешение вопрос, не будет ли полезно для нашей колонии уже совсем приобрести землю наших ослабевших соседей? Все ответили утвердительно. Засим следовали другие вопросы: как приобрести эту землю — деньгами или силою? На этот вопрос отвечали, что сначала надо испытать деньгами, а если это средство не удастся, то употребить силу».

Внимательному читателю излишне объяснять, что описанные В.Ф. Одоевским отношения между страной Бентамией и её соседями, один к одному характеризуют отношения Запада и прежде всего США к современной Российской Федерации.

Труд В.Ф. Одоевского «Русские ночи» занимает очень важное место в развитии русской национальной философии. Учёный утверждает, что «в человеке слиты три стихии — верующая, познающая и эстетическая, поэтому в основу философии должны быть положены религия, наука и искусство». При этом Одоевский в своём учении о человеке придаёт особое значение православной вере.

В своих рассуждениях Одоевский ожидает возникновения новой науки, которая преодолет узкую специализацию и

охватит природу и человека как целое, как живое единство. Основание для такой науки он видит в творчестве М.В.Ломоносова. Автор «Русских ночей» за 70 с лишним лет до Освальда Шпенглера предсказал неизбежное падение так называемой западной культуры, основанной на приоритете материальных ценностей перед духовными. При этом даётся более глубокое понимание этого разрушительного процесса. Если Шпенглер говорит о закате Европы, то русский философ предсказывает гибель Европы.

В «Русских ночах» он пишет: «Осмелимся же выговорить слово, которое теперь, может быть, многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет». И далее: «Как в своё время христианство внесло новые силы в дряхлеющий мир античности и обновило жизнь, так и ныне спасение Европы возможно лишь в том случае, если на сцену истории выступит новый народ со свежими силами». Таким народом, по мысли Одоевского, является русский народ, ибо «мы поставлены на рубеже двух миров — протекшего и будущего; мы — новы и свежи; мы не причастны к преступлениям старой Европы; перед нами разыгрывается её странная, таинственная драма, разгадка которой, быть может, таится в глубине русского духа». Обращаясь к русскому народу, В.Ф.Одоевский подчёркивает: «В святом триединстве веры, науки и искусства ты найдёшь то спокойствие, о котором молились твои отцы. Деятнадцатый век принадлежит России».

Гениальные мысли В.Ф.Одоевского послужили основой для дальнейшего изучения и развития науки о взаимоотношении России и Запада. Это, в частности, нашло отражение в фундаментальном труде «Россия и Европа» русского историка, естествоиспытателя и философа Н.Я. Данилевского (1822—1885).

В своем фундаментальном труде «Россия и Европа», созданном в 1871 году, Данилевский развивает теорию культурно-исторических типов человечества. По его учению, общечеловеческой, в том числе и «западной» цивилизации нет и быть не может. Существуют её различные культурно-исторические типы: египетский, китайский, ассирийский, финикийский, еврейский, греческий, римский, германо-романский, славяно-русский. Каждый из этих видов цивилизаций непосредственно связан с религией и поэтому развивается по своим законам. Эти законы, по Данилевскому, в обобщённом виде следующие:

- 1) Общность языка;
- 2) Общность экономической жизни;

3) Дух и природа народа, не передаваемые другим культурно-историческим типам;

4) Разнообразие этнографических элементов, обуславливающие достижение цивилизацией своей полноты и зрелости.

Николай Яковлевич показал не только наличие этих закономерных признаков у русской цивилизации, но и раскрыл её уникальность, коренное отличие от других цивилизаций. Он решительно опроверг широко распространённую мысль западников о наличии некой единой нити в развитии человечества. В числе характерных особенностей славян и, прежде всего, русского народа с их православной верой является терпимость к иным вероисповеданиям, быту и культуре народов. Такой терпимости не найти во взглядах и мировоззрении Западной Европы, изначально насильственной и властолюбивой в своих умственных и нравственных суждениях и практических действиях, в частности, в многовековой русофобии.

Труд Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» — не только глубокое теоретическое исследование, но и гражданственный патриотический подвиг. Он написан с позиции славянофильского направления русской общественной мысли, яркими представителями которого были выдающиеся мыслители А.С.Хомяков (1804—1860), И.В.Киреевский (1806—1856), К.С.Аксаков (1817—1860). Иметь и отстаивать такую точку зрения было отнюдь не просто, поскольку учёные, писатели, общественные и политические деятели второй половины XIX века в подавляющем большинстве своём держались западной ориентации, доходившей до национального нигилизма, охаивания всего русского, граничащего с беспардонной русофобией. Не случайно то, что книга Н.Я. Данилевского встретила отрицательную и даже злобную оценку этих представителей российской интеллигенции. Такие оценки носили явно политическую окраску. Автора обвиняли в национализме, шовинизме, в том, что своим трудом он поддерживает имперскую политику царизма.

Хотя книга Н.Я. Данилевского вышла в свет 140 лет назад, основные её положения и выводы не утратили своей актуальности и в наше время. Более того, в нынешнем смутном для России времени рекомендации Николая Яковлевича должны восприниматься патриотическими силами России как призыв к действию против разрушительных мер, осуществляемых правящими в стране «демократами» и их средствами массовой информации под диктовку их американских и западноевропейских работодателей и покровителей.

На призыв этих ненавистников России следовать нормам «западной цивилизации» Н.Я. Данилевский отвечает предельно ясно и чётко: «Любые социальные преобразования будут безуспешными, хуже того разрушительными, если они осуществляются по сомнительным рецептам, вопреки национальным интересам, под действием чужеродных сил, и тем более — давлением извне».

Как суровое и прозорливое предупреждение звучат для нас, русских людей, вещи слова Николая Яковлевича о непрестанном хранении чести, достоинства и независимости народа в любых экстремальных исторических условиях. Вот они: «Если же нация по каким-либо причинам утрачивает самостоятельное развитие своих начал, то ей придётся вообще отказаться от всякого исторического значения и опуститься на ступень этнографического материала для чужих целей».

Россия потому и оставалась на протяжении многих веков великой державой, что русский народ свято хранил православную веру и осуществлял самостоятельное, независимое духовное, культурное и материальное развитие. Именно народ в его многомиллионной массе оставался хранителем, тогда как просвещённые водители в лице аристократии и интеллигенции нередко отступали от отечественных ценностей, предпочитая им призрачные блага зарубежного образа жизни. Хотя, конечно, такая нигилистическая антирусская позиция была характерна не для всех аристократов и интеллигентов. Были, разумеется, среди них и подлинны патриоты России, поборники её уникальной духовно-нравственной культуры, сознающие, что её подлинным и единственным носителем является народ.

В этом свете имеет смысл обратить внимание на суждения русского историка, академика Петербургской Академии наук Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897), почитателя и единомышленника Н.Я. Данилевского. В работе «Теория культурно-исторических типов», написанной в 1888 году, Бестужев-Рюмин писал: «Не только великая умственная сила Данилевского, но и громадное трудолюбие придаёт такую увлекательность, можно даже сказать, неотразимость его исследованиям, конечно, не для тех, которые заранее решились не принимать его результатов».

Учение русского мыслителя Н.Я. Данилевского о цивилизации оказало принципиальное воздействие не только на Освальда Шпенглера, о чём говорилось выше, но и на научную позицию английского историка и социолога Арнольда Тойнби (1889—1975), автора 12-томного сочинения «Постижение истории», над которой он работал с 1934 по 1961 год.

В конкретной его работе о сути цивилизации, изданной в России в 1996 году под тем же названием, отмечается сугубо отрицательное отношение автора к так называемой западной цивилизации. Вот его высказывание на этот счёт: «Тезис о единстве цивилизаций является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды». Как видим, это вполне согласуется с концепцией Н.Я. Данилевского, сформулированной за несколько десятилетий до английского учёного.

Впрочем, этого «сильного влияния социальной среды» не избежал и сам А. Тойнби. В его перечне содержится 21 цивилизация, существующая в мире, но среди них не нашлось места русской цивилизации, он чисто формально относит её к христианской цивилизации. В действительности, русская цивилизация базируется именно на православной вере, а не на католической или протестантской, в которых произошло кардинальное извращение учения Иисуса Христа. В подтверждение этого вывода свидетельствует современная практика жизни католической церкви, о чём будет сказано ниже.

Последние два десятилетия своей жизни Н.Я. Данилевский проживал в Крыму, где он приобрёл имение неподалёку от Ялты. Был директором Никитского ботанического сада. Здесь у него бывали славянофилы Н.Н. Страхов, И.С. Аксаков. Бывал здесь и Л.Н. Толстой, который с интересом относился к его учению о цивилизации. В последнее время Николай Яковлевич продолжал естественнонаучные исследования с позиций православия. Критикуя дарвиновскую теорию естественного отбора, учёный объясняет происхождение организмов деятельностью Высшего разума, стремясь рассмотреть природную эволюцию, исходя из единства материи и духа.

Выше было отмечено, что все учёные, занимающиеся проблемами развития цивилизации — В.Ф. Одоевский, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер и А. Тойнби были единодушны в том, что это развитие базируется на особенностях религиозного мировоззрения. Так называемая западная цивилизация первоначально формировалась под воздействием христианства. Однако уже в первой половине XVI века усилиями реформаторов Жана Кальвина и Мартина Лютера истинное учение Христа было искажено. Приоритет был отдан материальным интересам людей в ущерб духовным ценностям. Этот процесс искажения христианства особую интенсивность получил с развитием капитализма. Экономика западных стран стала развиваться под влиянием идей иудаизма,

провозглашающих обогащение людей главной целью их жизни. Либерализм объявил богатство символом свободы, понимаемой как вседозволенность.

Обществу была навязана пресловутая демократия. Главная задача буржуазных просветителей состояла в том, чтобы отлучить народы от Бога, погасить в них стыд и совесть, заменить заботу о душе убажанием собственной плоти. Вместо истинного христианства была провозглашена новая религия, религия насилия, обмана, культа тела и денег. Внимание людей было сосредоточено исключительно на стремлении к увеличению собственного богатства и присвоению чужого достояния. Поклонение новой религии завершилось созданием гильотины, с помощью которой стало возможно не только обезглавить королей, но и залить страны кровью миллионов людей, ввергнутых в братоубийственные революции. За образец демократии современные российские либералы выдают Соединённые Штаты Америки.

А вот что о демократии в Америке думал и писал выдающийся её гражданин, талантливый поэт Уолт Уитмен (1819—1892): *«При беспримерном материальном прогрессе общество в Штатах испорчено, развращено, полно грубых суеверий и гнило. Во всех наших начинаниях совершенно отсутствует или серьёзно ослаблен важнейший элемент всякой личности и всякого государства — совесть...»*

Чего только не обнаруживает под личиной проницательный взгляд! Ужасное зрелище. Мы живём в атмосфере лицемерия. Мужчины не верят в женщин, женщины не верят в мужчин. Презрительная ирония господствует в литературе. Цель всех литераторов — найти предмет для насмешек. Бесконечное количество сект, церквей и т.д., самые мрачные призраки изо всех, какие я знаю, присвоили себе имя религии. Разговоры — одна болтовня, зубоскальство. От лживости, коренящейся в духе, — матери всех фальшивых поступков — произошло несметное потомство...

Испорченность деловых кругов в нашей стране не меньше, чем принято думать, а неизмеримо больше. Общественные учреждения Америки во всех ведомствах, кроме судебного, изъедены взяточничеством и злоупотреблениями всякого рода. Суд начинает заражаться тем же. В крупных городах полно грабителей и мошенников — и респектабельных и нереспектабельных. В высшем свете легкомыслие, любовные шашни, лёгкие измены или полное отсутствие каких бы то ни было целей, за исключением одной: убить время. В бизнесе (всепожирющее новое слово «бизнес») существует одна только цель — любыми средствами добиться барыша. В сказке один дракон сожрал

всех других драконов. Нажива — вот наш современный дракон, который проглотил всех других. Что такое наше высшее общество? Толпа шикарно разодетых спекулянтов и пошляков».

Эта оценка была дана Уитменом в 70-х годах XIX века, а 50 лет спустя гениальный русский поэт Сергей Есенин во время своей поездки в 1921 году в Америку высказался об этой стране с её западной цивилизацией более категорично. В своём письме к А. Мариенгофу поэт признаётся: «Милый Толя! Как я рад, что ты не со мной здесь, в этой Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься». Свои впечатления об этой стране Есенин изложил в очерке с красноречивым названием «Железный Миргород», в котором написал о высоких технических достижениях и показал духовное убожество людей, трагическую опустошённость их душ, изъеденных властью денег и потребительской моралью. *«Лучше всего, что я видел в этом мире, это всё-таки Москва. В Чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире. При этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу».*

В настоящее время католическая церковь окончательно уходит от учения Иисуса Христа под натиском либеральной толерантности — терпимости к греху. В 2012 году римский папа Бенедикт XVI получил доклад, в котором содержался компромат на гомосексуалистов, засевших в папской курии. В докладе был призыв к папе прореагировать на это событие. Однако оказалось, что этот доклад был делом рук самого гомосексуального лобби, которое показало главе католической церкви, что у них всё под контролем и поставило его перед выбором — признать их главенство или уйти. Как известно, Бенедикт XVI принял второе решение. Новый папа Франциск на одной из конференций признал, что в курии работает гей-лобби, но не осудил его. Римский папа, именуемый католиками наместником Бога на земле, заявил: «Кто я такой, чтобы осуждать гомосексуалистов». Как видим, вполне либеральная позиция.

Вместо этого было решено разослать опросник, призванный выяснить отношение верующих к самым важным семейным проблемам. Епископы и миряне должны сообщить о своём отношении к разводам и абортам, однополым бракам и возможности усыновления такими парами детей. Папа Франциск — член ордена иезуитов, а миссия ордена — приспособливать католическое богословие к реальностям жизни. Итак, католическая церковь отдалилась от христианства

и интегрировалась в политическую, экономическую и финансовую систему, базирующуюся на либерализме, забыв о нравственности. Произошёл кризис католической церкви не как института, а как кризис христианского мировоззрения. Было провозглашено, что истина есть во всех религиях, что иудеи — действительно избранный народ. Тогда встаёт вопрос: зачем вообще нужно христианство? Всё это согласуется со стратегией мирового банковского капитала о глобализации социально-экономического развития, главной целью которой является демонтаж национальных государств и передача власти мировому правительству.

В современных условиях Россия является островом в мировом пространстве, где ещё сохраняется энергия народа, способная противостоять губительному системному кризису, охватившему Запад. Распаду личности и общества, насаждаемому в рыночной «западной цивилизации», может противостоять только Русская цивилизация. Её неповторимой особенностью, созданной русским народом за многие века, являются её высокие духовно-нравственные ценности, выражающиеся в трудолюбии, добротолубии, нестяжательстве, сострадательности, взаимопонимании, артельности, жертвенности, в высочайшей любви к своей Родине. Русская цивилизация, по определению известного учёного-экономиста, социолога и историка, нашего современника О.А. Платонова, это «целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание».

Именно непреходящие ценности этой уникальной цивилизации позволили русскому народу построить величайшее в мировой истории государство, объединив многочисленные народы и народности, создать великую культуру, искусство, литературу, церковное и гражданское зодчество, развить передовую науку, обогатив этим всё человечество.

Важно подчеркнуть, что вся эта созидательная деятельность русского народа протекала в постоянной жестокой борьбе с врагами-захватчиками и стоила ему неисчислимых потерь и жертв. Русский православный народ совершил беспрецедентный исторический подвиг, создал уникальный суперэтнос — многонациональное государство, во многом определяющее ход мировой истории на протяжении многих веков.

В чём же великое и всемирное значение исторической миссии России? Народы, как и люди, неповторимы. Волею Божией каждому из них определена роль и место в истории человечества. Русскому народу определена обязанность хра-

нить в чистоте духовные и нравственные начала, привнесённые на землю Господом Иисусом Христом, и послужить всем другим народам на планете. Русская история принимает характер мирового события со времени Крещения Руси, совершившегося тысячу лет назад. С этого события начинается формирование уникальной общности людей, получившей название «народа святорусского».

Выдающийся богослов второй половины XX века, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Иван Матвеевич Снычёв (1927—1995) так оценивает процесс формирования мировоззрения русского народа как ядра мощного российского суперэтноса: «Смысл русской жизни окончательно и навсегда сосредоточился вокруг богослужения в самом высоком и чистом значении этого слова — служения Богу как сосредоточению Добра и Правды, Красоты и Гармонии, Милосердия и Любви. Цель народной жизни окончательно определилась как задача сохранения в неповреждённой полноте этой осмысленности личного и общественного бытия, свидетельствования о ней миру, защите её от посягательств и искажений».

Реализации великой миссии спасения мира от безнравственного либерального мрака способствует наличие в мире сил, которые отвергают либерализм и диктат мирового правительства с его бесчеловечным рыночным фундаментализмом и аморальностью. Ещё в 2008 году Организация Объединённых Наций собрала вместе 20 ведущих экономистов планеты и попросила их разработать предложения по преодолению кризисных явлений. Возглавил соответствующую комиссию выдающийся учёный, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц. Комиссия подготовила доклад, главный вывод которого сформулирован жёстко: «Современная западная экономическая модель исчерпала себя и не является образцом подражания. Кризис выявил пороки теории рыночного фундаментализма, согласно которой ничем не стеснённая деятельность рынка якобы ведёт к созданию эффективности и стабильности экономики. То же самое касается и идеи саморегулирования рынка, она не более чем блеф».

Но самое главное, что в Европе идёт погром семьи, материнства, отцовства, душевных отношений детей и родителей. На государственном уровне уже в детских садах и яслях прививают ранний секс и другие немислимые пороки. В Германии, Италии, Франции отменяют мужской и женский пол, считают, что, став взрослым, человек сам выберет свой пол, определит сексуальную ориентацию и кем ему быть: мужем, лесбиянкой, бисексуалом или транссексуалом. Это

и есть толерантность, которой учат детей в западных школах. Министр образования Норвегии хвастается, что в скором времени он сделает гомосексуалистами 90% жителей страны.

И в этих условиях российские либералы призывают нас воспользоваться благами «западной» цивилизации. Русский православный народ и Русская Православная Церковь не приемлют эту содомскую идеологию, поэтому в последнее время на них либералы обрушивают грязную клевету. К несчастью, в этом гнусном деле участвуют некоторые «инженеры душ» — писатели. Небезызвестный Виктор Ерофеев в интервью немецкому журналу «Шпигель» заявил: «В России сейчас главная опасность таится в Православной церкви. Усиление церкви опаснее таких жупелов, как коммунизм и фашизм вместе взятые». Таким «писателям» место в дурдоме. Но дело не только в них.

Беда в том, что пропагандой «западной» цивилизации занимаются представители высшей власти РФ. Так, премьер-министр Д. Медведев то и дело высказывался о необходимости удаления государства из экономики, ставит задачу полного уничтожения государственной собственности. Неужели премьер, призывая Россию входить в «западную» цивилизацию, не знает о том, что в европейских странах государственная собственность составляет 50—60%, а в России её доля сведена до 12—15%. По-видимому, ему важно окончательно разрушить государственное управление, усугубить хаос в стране.

Государство, конечно, не исключает рыночных отношений. Оно как субъект собственности имеет свои экономические интересы на рынке. Смысл этих интересов, в отличие от частного интереса, состоит в получении и концентрации ресурсов (прибыли) для успешного решения фундаментальных проблем в жизни страны — укрепления обороноспособности, развития фундаментальной науки, образования, здравоохранения, обеспечения благосостояния недееспособной части населения.

Прочный союз Российского государства, Русского народа и Русской Православной Церкви способен противостоять усилиям мирового правительства по вовлечению нашей страны в рыночную глобализацию и превращению её в колонию мирового финансового капитала. Эту зловещую задачу активно пытался решить в 30-е годы Джон Дэвисон Рокфеллер-старший, мультимиллионер, глава нефтяной компании «Стандард ойл компани» (с 1973 года «Эксон»), когда финансировал гитлеровскую фашистскую Германию. Эту же

сатанинскую задачу в мировом масштабе в наше время пытается решить Дэвид Рокфеллер, шеф «Комитета 300», на базе «достижений» науки. Когда на одном из заседаний указанного комитета его спросили, какова самая главная задача, стоящая перед комитетом, банкир ответил: «Всем на планете поставить чипы». Вот оно, электронное рабство, в которое пытаются нас загнать российские либералы.

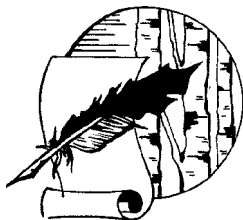
Только при объединении энергии вышеуказанной великой триады Россия может не только сохранить себя, но и выполнить свою историческую миссию по спасению человечества от либеральной чумы.

Над статьёй о «западной» и русской цивилизациях я работал в ноябре 2013 года. В эти же дни, а точнее 23 ноября, исполнилось 210 лет со дня рождения моего великого земляка, гениального поэта, выдающегося дипломата и философа Фёдора Ивановича Тютчева. Поэтому я решил завершить эту статью его высказыванием по данной проблеме. Русский мыслитель в своих работах «Россия и Германия», «Папство и римский вопрос», «Россия и Запад» считал необходимостью религиозно-нравственное противостояние славянского мира во главе с Россией разрушительной идеологии Запада. Эти свои убеждения поэт в сжатой форме выразил в стихотворении, посвящённом тысячелетнему юбилею со дня рождения равноапостольного Кирилла.

Приведу здесь лишь одну строфу из этого знакового произведения поэта.

*Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости
Иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам.*

Показательно, что это стихотворение было написано 13 февраля 1869 года, то есть за два года до публикации фундаментального труда Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа».

Валерий ХАТЮШИН

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ ОСЕНЬ...

БЕСЫ

Бесконечны, безобразны...

А.С. Пушкин

Неотступно, неустанно
травит нас эфирный яд,
и, гнусавые, с экрана
смачно бесы голоса.

Словно вырвавшись из бездны
в превкушенье барыша,
воют бесы, стонут бесы,
извиваясь и дрожа.

Ржут, свободные, ликуют,
в лики скорбные плюют,
то Чубайса коронуют,
то детей распродают...

Свет померк от воплей рока.
Скотский блеск у них в глазах...
И антихристово око
в голубых парит лучах...

НА ВОЙНЕ

Не осознало наше поколение
свою вину.
Народное распалось ополченье.
Квачков в плену.

И нам самим себе признание это
нужней вдвойне.
Квачкова ныне рядом с нами нету.
Он на войне.

Да, на войне. А кто-то, как в Ташкенте,
сопит в тылу.
И кто-то видит в хитром президенте
преграду злу.

Хотел полковник вырвать нас из пасти
большой тюрьмы —
который год в плену у зверской власти
не он, а мы.

Да, это мы — под неусыпной стражей —
заключены.
Квачков не рядом с нами, он всё там же —
в тисках войны.

И пусть простится подлая измена
пустых совков,
когда безвольных вызовет из плена
герой Квачков.

ВЫБОР

Судьбой всегда даётся выбор нам —
льстецам и жертвам дьявольского века.
Кому служить — решает каждый сам.
Идёт война, война за человека.

Парадным стадом однополюй скот
диктует миру скотскую свободу.
Европу оседлал моральный сброд —
она сменила пол ему в угоду.

Что ж, выбор сделан. Нет пути назад.
Содом Европы станет новым адом.
Там будет вход и выход через зад.
Вернуться в скотство можно только задом.

Нам суждено в последнем веке жить.
И выбор должен быть уже сегодня.
Коль не решил еще, кому служить,
готовь себя для службы в преисподней.

* * *

Зацвёл чубушник — молодой жасмин.
И сожалеть о прошлом нет причин.
Оно шумело, пело и цвело,
оно иную жизнь себе нашло.
В той жизни мы красивы, веселы,
мечты и мысли всё еще светлы...

Цветёт чубушник... Сладкий аромат
заполнил сад и растревожил взгляд,
и я увидел ближе и ясней
ту белизну черёмуховых дней,
тот неумелый, первый, озорной
наш поцелуй под ласковой листвою...

Совсем немного летних дней пройдёт,
жасмин душистым снегом опадёт,
и, недвижимы, сонны и легки,
уйдут в иные сферы лепестки.
Там ничему былому не истлеть.
Не надо нам о прошлом сожалеть.

Цветёт жасмин, и облетает цвет...
Изменчив мир в движении планет.
Текут столетья, и бежит река.
Жизнь коротка и вечна у цветка.
Всё повторится в волнах новизны,
моим вискам добавив белизны...

* * *

В летнем лесу аромат и прохлада,
лиственный свет.
Милая, думать о прошлом не надо,
прошлого нет.

В летнем лесу соловьиное пенье,
стрёкот дроздов.
Милая, нежного сердца волнение
слышно без слов.

В летнем лесу даже воздух недвижим.
День не угас.

Милая, всё, что мы видим и слышим,
только для нас.

В летнем лесу провиденьем природы
мы сведены.

Милая, прошлые мёртвые годы
нам не страшны.

* * *

Не жалей ты листья, не жалей...

Н. Рубцов

Пусть на деревьях редееет листва.

Листья жалеть ни к чему.

Больно бросать золотые слова
в сонную мёртвую тьму.

Был я весёлым, красивым, шальным,
сильным и щедрым в любви.

Смелость вела по дорогам крутым,
страсть бушевала в крови.

Ясность живую глаза сберегли.

Сердце сумело остыть.

Те, что любили меня, не могли
блеск этих глаз позабыть.

Лягут слова золотые под спуд,
чтоб не вернуться ко мне.

Те, что любили меня, не дадут
им потеряться во тьме.

* * *

Осыпался жасмин, и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...

Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..

Мы со своей весной расстались насовсем...

Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

* * *

Я знаю: то Бог меня снегом занёс...

А. Блок

Всё пройдёт, всё пройдёт, всё прошло...

Ничего, никого не вернуть...

Чёрным снегом навек замело
в мерзлоте проторённый мой путь.

От любви до враждебных щедрот,
от мечты, что по жизни вела,
до последних сердечных невзгод —
всё ночная метель занесла.

Я смеялся и солнцем дышал,
слабых духом я вёл за собой
и не думал, не верил, не знал,
что метёт и метёт за спиной...

Всё былое сгорит без следа,
даже память умрёт в свой черёд,
и свершится мгновенье, когда
вечным снегом нас Бог занесёт...

* * *

Новый снег ляжет на землю,
из-за туч вырвется просинь...
Словно дар Божий, приемлю
шестьдесят пятую осень.

Что-то в ней было такое,
отчего верится очень,
что вернёт время былое
шестьдесят пятая осень,

где меня жизнь не состарит,
где с висков сыплется проседь...
Блеском глаз щедро одарит
шестьдесят пятая осень.

Но зима всё ж не минует.
Мокрый лист шмякнулся оземь.
Первый снег в щеки целует
шестьдесят пятую осень...

СОЛОВЬИНАЯ СВИРЕЛЬ

* * *

В безбожном детстве, как в загоне,
Я жил по правилам иным,
И Бог на бабкиной иконе
Мне дедом виделся родным.

Его земля не удержала,
И не спасла моя слеза,
Но в Божьем образе державном
Сияют дедовы глаза.

ДОМ

Часы не идут. Вязнет сырость в углах.
И окна крест-накрест забиты.
Но скрипнула дверь, будто соль на зубах,
Душа поднялась до молитвы.

Качается месяц сквозь доски в окне,
Полы лунным светом протёрты.
И силы мои возвращаются мне,
И жизнь возвращается мёртвым.

СПАС

Как виноватый пёс ползёт к хозяйской плети,
Так август мой ползёт к осеннему костру.
Такая тишь в саду, что слышно на рассвете,
Как падают плоды, цепляясь за листву.

Нас тоже ждёт с тобой осенняя дорога,
Ещё совсем чуть-чуть покатымся с горы,
Хватаясь на ходу за куст чертополоха,
За глину да песок, за крики детворы.

Но это всё потом, пока же утром ранним
Спешу умом понять, спешу душой принять,
Что наша жизнь всегда — терпенье со стараньем,
И по-другому нам её не разыграть.

И пусть Медовый Спас поманит губы мёдом,
Пусть Яблочный отдаст все яблоки свои,
Нерукотворный Спас простит перед уходом,
И осень соберёт нас в Спасе-на-Крови.

* * *

На просторах великих
Мы ветшаем роднѣй,
Наших мёртвых таджики
Присыпают землѣй.

И дьячок безбородый —
Голосок, как слеза —
Ниже грани загробной
Опускает глаза.

* * *

Жизнь свою никому не поставлю в вину —
Грех точить по минувшему лясы.
Память снова меня соберёт на войну.
Ей собрать меня — как подпоясать.

Отвоюю и в сон ворочусь, как в туман,
Прозеваю рассвет петушиный,
И увижу песками шипящий Афган
И Советский Союз нерушимый.

* * *

И пока здесь на Троицу дождь
По полянам идёт длинноного,
Та земля, где ты с миром живѣшь,
Охраняется волею Бога.

И пока здесь на день Покрова
Будет снега отпущено в меру,
Чудодействуют Божьи слова,
Обращая отчаянье в веру.

А ещё по негаданным дням
Облака выпускают светило,
Чтобы в землю с лучей по корням
Нисходила небесная сила.

Да и мы все в упряжке одной
Край родимый, как можем, голубим —
То в крови кипятим ледяной,
То слезами горячими студим.

* * *

И когда под ногами весы задрожат в укоризне,
И начнут отбирать, кто невольно запляшет в огне —
Эти люди со мной, я их знаю по прожитой жизни.
Я за них попрошу, и попросят они обо мне.

Эти люди — как я, нами можно заделывать брешы,
Сбереги нас Господь, как последнюю волю Свою.
Мы в строю до конца, даже если он реже и реже,
Мы умеем стоять, не качаясь, в железном строю.

Сзови наш отряд, разошли по родимым просторам,
Чтобы мы, открестясь от идущей по следу молвы,
Повели за собой тех, кто сгинул в неверии хвором,
Кто под лютым дождём не поднял от земли головы.

Мы покажем им жизнь, отучив от вина и бессилья,
Встанут братья на равных в упрямые наши ряды,
И окрепнут сердца, за спиною прорежутся крылья,
И глаза оживут, словно в вербное утро цветы.

И лишь после победы прости нас, как всех мы прощали,
И опять позови в Судный день постоять на весах.
Мы придём, как один, и не будем просить о пощаде,
И без срока заблудимся в райских незримых лесах.

* * *

На добро отвечаем добром
И, жалея, прощаем недобрых.
Нас предзимье чернит серебром,
Чтоб зима отбелила в сугробах.

От тепла к холодам переход
Совершается в слове и деле,
И, как будто у Царских ворот,
Мы толпимся в предзимнем приделе.

Затянуть, задержать этот путь,
Замереть перед бездной порожней,
И в метель ледяную шагнуть,
Зачитавшись своей подорожной,

И у самой последней черты
Зацепиться за холмик родимый,
Чтоб суметь, как дрозды и клесты,
Прокормиться промёрзшей рябиной.

* * *

Юг цветущий не сравнивай с Севером,
Не кори перемётной сумой,
Посмотри на меня по-осеннему
И порадуйся жизни со мной.

Осень яркая вышла и ярая,
В предвкушении крепкой зимы
Все деревья гуляют боярами,
Погуляем с тобою и мы.

Чтоб потом под сугробами сонными
Снился сон нам один на двоих,
Как ладони твои невесомые
Замирали в ладонях моих.

* * *

Дом в средней полосе, засыпанный сиренью,
Окошко на звезду с калиновым лучом,
И сад, где соловей поёт живой свирелью...
Чего ещё желать? Печалиться о чём?

Полжизни, как глоток, но жажда не иссякла,
И верен каждый вздох, и меток каждый взгляд,
И сладостно тянуть остатки дней по каплям...
Но отчего тогда тревога и разлад?

Что знаешь ты про жизнь? Что думаешь о смерти?
Что прячешь на свету? Что ловишь в решето?
Опять твоя тоска пронзительна, как ветер,
Такое б рассказал — не слушает никто.

И смотришь на звезду, как будто ты — оттуда,
Поклоны бьёшь земле, как будто ты — туда.
И ввысь летит сирень в движенье безрассудном,
И тянется лучом к сырой земле звезда.

* * *

Затяну свою песню потуже,
Закушу на морозе губу,
Чтобы вытерпеть лютую стужу,
Чтоб не вылететь с ветром в трубу.

Осеню себя знаменьем крестным,
Укреплю свою веру постом,
И дорогой пойду поднебесной,
Чтоб очнуться в краю золотом.

Там тепло, там цветные деревья.
Только сердце знобит невпопад,
И колотится в крепкие двери,
И кричит: «Отпустите назад!»

Пожалеют меня и отпустят,
От ворот мне дадут поворот,
И по звонкому плачу в капусте
Поутру меня мама найдёт.

ЗЕЛЁНАЯ ПЕСНЯ

День-два — и откроются реки,
Затеют леса перегуд.
Мы жили в серебряном веке,
Теперь нас в зелёный зовут.

Зелёный огонь зажигаем,
Гуляем в зелёных садах,
Но трудно к теплу привыкаем,
Ведь выросли мы в холодах.

И в памяти контуром резким
Живут и пылают стыдом
Под снегом твои перелески,
Озёра мои подо льдом.

* * *

Память, память! То время, то место
Вылетают из мрака на свет.
По слогам возвращаемся в детство,
Разметаем засыпанный след.

Как темна и протяжна дорога!
Как метели метут широко!
Как далёко-далёко до Бога,
Как до смерти еще далеко...

КАЗАЧЬЯ ЗАСЕКА

РОМАН

Остаток дня и весь вечер, как только уехала Валентина, Бунтов приходил в себя, словно раскручивал невидимую пружину, раскрутив которую, он по-настоящему понял бы, что с ним произошло, ради чего, и чего теперь дальше ожидать. Все эти размышления и вопросы свалились на него разом, почти без видимых щелей и зазоров, и текли широким потоком, освободиться из которого у него не хватало сил.

На второй день пребывания Андрея Бунтова в больнице к нему приехал сын. Он, конечно же, все знал о случае с отцом от матери и, появившись в палате, в которой старший Бунтов успел обжиться и перезнакомиться с забинтованными мужиками, ставшими его невольными товарищами, сразу спросил:

— Как дела, отец?! А то мама перепугала, я уж и не знал, что делать?!

— Как видишь... Трепыхаюсь еще!

— Серьезно зацепили-то?!

— Пустяки... Хирург сказал, что мне повезло — органы не задеты!

Окончание. Начало в №3 за 2014 г.

ПРОЗА

— Хорошо, отец, везенье! Кто же тебе хотел кишки выпустить и за что? На это не каждый решиться ни с того ни с сего!

Бунтов от вопроса сына даже улыбнулся:

— Это как в анекдоте... Мужика на суде спрашивают, за что он бьет жену? А он отвечает: «Знал бы за что, так и вовсе убил!»

После этого, заметив, что на них соседи не обращают внимания, Бунтов тихо сказал:

— Пичугин малый прицепился... Денег просил... Но ты не связывайся, выйду отсюда — сам с ним разберусь!

— Да уж ладно, разбиральщик! — ухмыльнулся Геннадий и сразу нахмурился.

— Ты вот что, — напомнил о себе старший Бунтов. — Скажи матери, чтобы она за Данилкой повнимательней присматривала, а еще лучше будет, если отправит его в Рязань, а то этот гаденыш как бы чего с ним не сделал! Пугал: мол, дом пожару и с Данилкой разделаюсь!

— Значит, на детей замахивается... Ну, это мы еще посмотрим... Ладно, отец, хватит об этом, а то ты уж разволновался — потный лежишь. Выздоровливай скорее, да о работе надо не забывать. А то всех сбаламутил, а сам на койке валяешься... Федор Герасимович частенько спрашивает, как у вас идут дела, каков урожай ожидается?

— Что урожай... Скажи олигарху, что осталось убрать картошку да где-то продать. Мы с Колянней попробовали, и вот чем это обернулось.

— А потому что с нами не посоветовался, по-своему решил делать. Ладно, насчет урожая не беспокойся. Как выберете картошку, дашь команду. Два-три трейлера пригоним, все разом возьмем, а дальше не твоя забота! Вам теперь о другом надо думать: как только урожай соберете, надо будет зябь поднимать, к следующему году землю готовить. А земли-то немало — более тысячи гектаров!

— Чем ее поднимать-то? На моем «Беларуси» разве одолеешь такую махину?!

— Технику вам уже заказали и проплатили заказ, в начале сентября поступит. Так что, отец, не залеживайся здесь, а то врачи залечат. Они, знаешь, какие? За ними глаз да глаз нужен!

— Это уж точно! — попытался Андрей сменить положение и сморщился.

— Помочь? — спросил сын.

— Ладно уж, сам потихоньку.

Геннадий ушел поговорить с врачом, а Бунтов остался в размышлениях и уж ругал себя, что ляпнул сыну про Пичу-

гина. Но даже это минутное волнение быстро оставило Бунтова, когда он вспомнил слова сына о том, что вскоре получит новую технику. Вот радость-то! И вдвойне оттого, что Герасимович держит слово. Вот это настоящий мужик! Пообещал — выполнил! Сказал — сделал! И от этих мыслей Бунтов представил, как они с Колянней вскоре выйдут в поле на новых тракторах, как будут врубаться в рыжий бурьян, как будут подминать россыпь берез, успевших нахально разрастись за последние годы вдоль посадки, как будут жировать на черной пашне грачи перед отлетом... Такая приятная картина открылась Бунтову, что он от радостного предвкушения закрыл глаза, представляя все будто наяву, а пришел в себя от легкого прикосновения к плечу. Глаза открыл — Роза рядом улыбается! Бунтова как жаром осыпало! Все же спросил, не сумев скрыть испуга:

— Привет, откуда свалилась?!

— Узнала о твоей беде и приехала вот, фруктов привезла. Не ругайся!

— Я разве ругаюсь... Только у меня сейчас сын в гостях — к врачу пошел... Вернется, чего ему скажу-то?! Понимаешь ситуацию?!

— Не сердись... Я на минутку. Мне и этого достаточно — одним глазком взглянуть!

— Чего на меня глядеть?! Вот выпишусь скоро — сам загляну! Договорились? — словно у непонятливой школьницы спросил Бунтов.

— Договорились...

— Ну, тогда ступай, а то сын вот-вот вернется.

Роза вздохнула, обиженно поджала губы. Она положила в тумбочку пакет с фруктами, несколько пачек сигарет и, коснувшись его руки, быстро вышла из палаты. Как только вышла, сосед с забинтованным лицом, по пьяному делу свалившийся с мотоцикла и сломавший челюсть, за что получил прозвище «Шумахер», заметив необычную посетительницу, прошамкал:

— Кто это, Николаич?!

— Племянница... — вроде бы равнодушно отмахнулся Бунтов, радуясь в душе, что Роза не стала разводить канитель и быстренько убралась.

— Хороша племянница... А вообще-то ты, Николаич, молодец. Уважаю!

— Много говоришь... При сыне ничего не болтай! — попросил Бунтов и по-свойски моргнул любопытному соседу, и сделал это вовремя, так как почти сразу вернулся Геннадий и, как показалось, подозрительно посмотрел на отца.

— Все, бать, обо всем договорился! Выздоровливай и ни о чем не думай, — обнадежил он. — У тебя сейчас эти две задачи самые главные.

— У меня, дорогой мой, сейчас все главное, а еще главней дела ждут впереди. Так и передай Герасимовичу, чтобы на меня надеялся да и на Колянню тоже, потому что пока надеяться не на кого. — Сказав это, Бунтов вдруг почувствовал, что невероятно устал, откинул на подушку потную голову и закрыл глаза, спросил:

— Домой-то заедешь?

— Обязательно...

— Матери привет передай. Скажи, чтобы завтра не приезжала — нечего мотаться!

— Сказать-то, конечно, скажу, но только она все равно сделает по-своему. Ладно, пап, поеду, пожалуй... Через недельку еще прискачу! — Они расцеловались, и Геннадий тихо вышел из палаты.

После ухода сына, Бунтов сразу же он заснул, спал до утра и проснулся с другим настроением: есть захотел! Не дожидаясь завтрака, он, аккуратно повернувшись, пошарил в тумбочке, нашел пакет пряников, и показались они в этот момент необыкновенно душистыми. Смолотив три или четыре, захотел яблок, а потом и банан съел. Так что, когда принесли завтрак, от каши отказался, а чаю попил с удовольствием, два стакана выдул.

Все дни, пока он отлеживался в больнице, к нему приезжала Валентина. Дня через три после операции Бунтов начал выходить в больничный двор, чтобы можно спокойно поговорить с женой, пошутить с Данилкой, которому каждый раз что-нибудь дарил. И дарил не потому, что хотел заручиться вниманием внука, а потому, что вдруг понял, что до больницы он почти не уделял внимания ему, словно в их доме все жили сами по себе, и никто ни о ком не заботился.

Дело шло к выписке, но неожиданно рана у Бунтова загноилась. Валентина, конечно, огорчилась, узнав про осложнение, но сделать ничего не могла. Когда же намекнула, что, мол, надо бы поговорить с врачом, Бунтов пригрозил:

— Только попробуй! Если уж такая заботливая, то подумала бы о том, кто нам картошку будет выбирать? Ведь осталась неделя-другая, и можно будет копать!

— Вручную, что ли?!

— Зачем... В Перловке картофелекопалку возьму. А вам надо будет ботву скосить... Но это ладно, об этом я сам Коляне скажу. Так что твоя забота сагитировать баб и потом быстро убраться урожай. А как уберем, то олигарх фуры пришлет.

Фролов приехал на следующий день. Это была его вторая поездка к товарищу, и приехал он на мотоцикле, хотя в первый приезд прибыл в Электрик на автобусе, не успев купить шины к мотоциклу. Теперь же он гордо въехал в больничный двор и остановился почти под окнами бунтовской палаты. Услышав треск мотоцикла, Бунтов вышел во двор.

— Какие новости? — спросил Бунтов и внимательно посмотрел на Фролова, словно тот в этот момент мог что-то скрыть.

И Коляня, действительно, замялся, заерзал на скамейке.

— Не хотел, но если уж допытываешься... Петрович вчера копыта отбросил. Недели не прошло, как из больницы привезли. Да врачи и не обещали ничего хорошего.

— Жалко мужика, — не сразу сказал Бунтов, словно строил себя на какую-то иную, более важную новость. — А я ведь собирался навестить его, когда оказался здесь. Ведь он лежал в соседнем отделении.

— Ладно, не тужи.

— Теперь тужи не тужи, а с того света мужика не вернешь, земля ему пухом.

Они еще немного поговорили, и Бунтову расхотелось болтать с Фроловым, потому что не услышал от него главного, хоть что-нибудь о Пичугине: чем этот гаденыш занимается, как ведет себя и чувствует ли скорую расплату?!

Нет, не услышал, а очень хотел.

Вторую неделю Семен Пичугин не понимал, что происходит, потому все выходило не так, как он представлял себе после стычки с Бунтовым, который, как казалось, расскажет о нападении первому же следователю. Поэтому ареста Семен ожидал в тот же вечер, даже в первый час после возвращения из Электрика. Но Бунтов оказался настоящим мужиком, не сдал его, и теперь ждет выздоровления, чтобы отомстить. Он хотя и считался в слободе рьяным мужиком, не трусливым, но он уж старик почти. Так что прямой стычки Петух не боялся. «Главное, чтобы не попасться ему на перо!» — сам себя предостерегал он и заставлял проникнуться этой настораживающей мыслью, всегда иметь ее наготове для применения.

Чем больше он пил, тем мать сильнее наседала с просьбами, даже мольбой, стараясь хоть как-то оградить сына от выпивок.

— Сеня, — как-то сказала Семену Вера Степановна, исхудавшая и почерневшая лицом за последние дни, почему-то начавшая ходить в черных одеждах, и чуть чего сразу начи-

навшая разводить мокроту в глазах, — ну что ты привязался к этой лихоманке?! Ее ведь сколько ни пей, все одно не выпьешь. Ведь сколько мужиков из-за нее головы сложили. Круглов же на твоих глазах помер.

— Старый он был, вот и помер! Все там будем!

— Ты не торопи ее, она сама придет, никого не обойдет, но все равно спешить с этим не надо. Ведь тебе уж скоро сорок лет, а ты не женатый, и не был никогда. Уйдут молодые годочки,хватишься, да уж поздно будет, потому что в старости человек никому не нужен. Вон наша соседка Роза! Уж на что подходящая: скромная, тихая — с такой бы жить и жить! А тебя каждый день в Электрик влечет, как сумасшедший несешься туда!

— Там у меня друзья!

— Такие же, наверное, выпивохи. Друзей надо рядом с домом иметь, чтобы всегда в чем-то помогли, подсказали. Вот, к примеру сказать, Николай Фролов! Прежде-то тоже частенько в рюмку заглядывал, а теперь остепенился. Живет мужик и радуется, а тот ведь совсем пропащий был. Или еще одного взять — Бунтова Андрея. Тоже пошел мужик на исправление.

— Ма, ну что ты пристала?! Сама же говоришь, что мне сорок почти! Своя голова на плечах имеется! Другой бы от наркоты давно подох, а я как огурчик у тебя!

— Не пристала, а дело говорю, — продолжала слезливо вытираться Вера Степановна. — Я бы на твоём месте привела себя в порядок, чтобы человеком выглядеть, и заглянула бы к соседке, поговорила о чем-нито, глядишь, что-нибудь да получилось дельное. Ведь невозможно всю жизнь обходиться без жены. Не по-людски это.

— А я, по-твоему, уже и не человек?! Макака, что ли, какая?! — с нескрываемой обидой спросил Семен у матери, словно все знавшей о его тюремном прошлом.

— Человек, еще какой человек! Для меня так самый любимый на свете! Поэтому и переживаю, хочу, чтобы у тебя все было как у людей.

Такой разговор начал повторяться, и Пичугин старался не попадаться на глаза матери. Он теперь целыми днями лежал в углу веранды за занавеской, где у него была устроена постель, и почти не показывался оттуда. Лишь шмыгнет из дома, чтобы мать не видела, возьмет в ларьке бутылку и опять залегает, продолжает пить и плакать. И чем больше он пил, тем сильнее ему хотелось лить слезы от той невозможной обиды на жизнь, от которой, казалось, уж и сил не оставалось дышать.

Однажды, когда в очередной раз, небритый и неухоженный, отправился на площадь к ларьку, то чуть ли не нос к носу столкнулся с Розой, шедшей вдоль порядка. Увидев его, она метнулась на противоположную сторону улицы, а ее поспешность и пугливость до невозможности обидели, почти оскорбили, потому что он и не собирался приставать к ней, даже, наверное, ничего не сказал бы плохого и обидного, а только поздоровался бы, да и то молчком, — кивнул бы и дальше пошел! Но нет, Роза проскочила, даже не стрельнув раскосыми глазами. Когда они разминулись, Пичугин остановился и оглянулся, решив проверить, оглянется или нет? Нет — шла и шла вдоль порядка, и хоть бы что ей. «Вот зараза! Погоди, доберусь до тебя! Знаю, что на дальнем порядке скрываешься!» — подумал Пичугин и плюнул ей вслед, выругался.

Вернувшись из ларька, он вдруг понял, что ему тяжелей тяжкого находиться под домашним арестом и ждать у моря погоды. В нем проснулась смелость, загнанная в глубь души, захотелось к людям, захотелось увидеть Седого, потому что надоело пить одному.

Пичугин все-таки выпил, чтобы не дрожали руки, побрился и попросил у матери любимую рубашку с пальмами. Но когда она принесла ее, он отказался, вспомнив разговор про обезьян, нетерпеливо попросил:

— Давай белую, в ней не так жарко!

Август установился действительно жарким, таким, что будто осень забыла о своих ближайших планах и теперь где-то пряталась за долами и лесами, не спеша в их местность. Пичугин, правда, почти сразу же рубашку перепачкал, когда запрыгивал в автобус, но это его не смутило и не расстроило; на такую мелочь он и внимания-то почти не обратил. В мыслях он был уже с приятелем, представляя, как тот сейчас удивится, потому что все последние дни он даже не перезванивался с ним по мобильнику. Поэтому встреча с Седым была нестерпимо жаркой, под стать погоде, такой, что сразу пришлось организовать выпивку. Сперва Седой не лез с расспросами, а когда появилась бутылка и они уселись в вагончике, раскрыв для вентиляции дверь, спросил первым:

— Какие новости?

— Пока все тихо, а что будет завтра — одному верхнему дяденьке известно! — не особенно уверенно ответил Пичугин и указал пальцем в потолок. — Хотя такая тишина не радует. Как пить дать, Бунтов что-то затевает. Другой бы на его месте так и носился бы к ментам, а этот выжидает, чего-то, падла, задумал!

— Сгоряча все храбрые, — ухмыльнулся Седой и поковырял спичкой под золотой коронкой. — Наливай!

Дружбаны пили долго, размеренно, а когда уж совсем распарились, отправились купаться на водохранилище. Часа, наверное, два барахтались в воде, а в перерывах приставали к старшеклассницам, пугая их тюремными наколками. В конце концов им и купаться надоело, потому что к этому времени протрезвели и души совсем пересохли.

Смачивали они их потом весь вечер, почти до ночи. Сидели в вагончике по пояс голые, уставшие и савелые... Седой было засобирался домой, Пичугин его не пускал, приставая с новой выпивкой. И все-таки тот настоял:

— Ты как хочешь, а я валю домой. Надоело в этом собачнике.

— Тогда и я отчаливаю!

Семен и правда «отчалил» с рынка, словно неустойчивая лодка в бурную погоду, — пошатываясь и заплетая ногами. Но только с виду казался пьяным, а мысли чистые, светлые, а самая главная из них — о Розе, которая почти не выходила из головы с самого утра, с того момента, когда молодой козой скакнула от него. Договорившись с каким-то водилой, который попросил деньги вперед, он отправился в слободу. По пути отхлебывал прямо из горлышка, и от этого еще более заполняя себя решительностью, и уже наперед знал, что сегодня, совсем скоро, он найдет Розу и чпокнет ее, никуда она от него не денется, надо лишь выманить от подруги... Правда, приехал он в слободу в сумерках, и пришлось дожидаться темноты. Он уселся у чьего-то палисадника и, прежде чем отправиться на поиски, постепенно допил остатки в бутылке, чтобы не пугать ею Розу.

Он сидел долго, даже задремал, а когда поплелся по асфальту, то его догнала какая-то темная машина, в которой оказались незнакомые мужики, начавшие угощать водкой. Он стал отказываться, потому что уж не осталось сил глотать ее, а они все лили ему в глотку и лили...

— Вы кто, в натуре? Чего нужно?! — отбивался он.

Но они отмалчивались и продолжали свое дело. Чтобы не поперхнуться, он через силу глотал, почти захлебываясь, и это стало последним ощущением, которое у него отложилось в сознании, перед тем как впасть в забытье.

Обнаружили Пичугина утром на выезде из слободы бабы, выгонявшие скотину. Он лежал на спине, запрокинув голову, и рот его был набит зелеными капустными листьями... Никто из баб не знал, зачем и кто это сделал, но позже, когда собрался возле Пичугина народ и приехал Мустафа, кто-то из знающих мужиков сказал:

— Деньги очень любил, вот и набили рот капустой. Навсегда наелся мужик...

Пичугина накрыли несвежей белой тряпкой, чтобы он не пугал зверским оскалом людей, которые, собравшись возле него в первые минуты, теперь расходились по домам, даже не заинтересовавшись работой следователя и криминалиста, который фотографировал, что-то записывал и замерял. Вскоре прибыла медицинская «Газель» грязно-желтого цвета без окон. Пичугина затолкали в черный полиэтиленовый мешок и, кинув в металлические носилки, похожие на корыто, задвинули корыто в глубь машины.

— Был человек, и нет его, и вся ему награда — полиэтиленовый мешок, — сказал кто-то в наступившей тишине различно и спокойно.

И все-таки смерть Пичугина, более походившая на гибель, всколыхнула слободу. И даже не сама смерть пусть и ничемного человека, к которому все-таки многие относились с опаской, а тот пугающий знак в виде кляпа из капусты, которым его зачем-то наградили после смерти. Словно этим знаком кто-то невидимый и могущественный напоминал, говорил всем о том, что так будет с каждым, кто посмеет сделать что-то против его воли.

И никто не знал, кто этот человек.

Пробираясь окольными путями к автобусной остановке, Роза Устинова обратила внимание на собравшихся людей почти случайно, потому что они не могли не привлекать внимания. Когда же узнала, что на этом месте час назад нашли мертвого Пичугина, то у нее все сердце оторвалось.

— Что же с ним произошло-то?! — спросила Роза у раскрасневшейся Авдотьи, неизвестно как оказавшейся на выгоне, потому что скотины у нее не имелось.

— Сама, девка, не знаю, только прибежала посмотреть, а его уж увезли... Говорят, что его свои же дружки прикончили, рот капустой набили, потому что деньги не поделили, которые отняли у меня да Купцова! Если это так, тогда и поделом ему, прости господи!

— Какой капустой?! — не поняла Роза.

— Обыкновенной, какая на бахчах растет... Это так положено у них делать, мол, для остротки, чтоб другим неповадно было!

— У кого у «них-то»? — ничего не понимала Роза.

Не стала Фирсова более объяснять, лишь отмахнулась как от назойливой мухи или еще от какого зловредного насекомого. А Роза тоже свою гордость показала: ничего более рас-

спрашивать не захотела, а, поправив на плече сумку, пошла на остановку, тем более что со стороны Перловки показался автобус. Пока она задумалась, вспоминая Пичугина, не увидела, как автобус обогнала синяя «Нива» директора из Перловки, и вот уж машина, прошуршав по обочине шинами, остановилась рядом, дверка распахнулась, и улыбающийся Темнов выглядывает.

— Роза, садись, подвезу!

Окрестные водители часто подвозили почтальонку, это уж так принято не только в Казачьей Засеке. Вот и Темнов возник на ее горизонте второй раз за последнее время, с того самого дня, когда она ездила в Электрик к Бунтову. Тогда, уйдя от него расстроенной и обиженной, она зашла к дочери, на счастье оказавшейся дома, но пробыла у Марии часа два, не более, и пошла на автостанцию. Когда же случайно встретила Темнова, то не отказалась от предложения попутно подъехать до слободы. Тогда это, правда, выглядело неожиданно, но вполне понятно, но то, что сегодня он оказался в Казачьей Засеке именно тогда, когда она обычно отправлялась на почту, выглядело подозрительно, почти несерьезно. Ей же было не до шуток в этот час, когда только что узнала о Пичугине, но все-таки не удержалась и, усевшись на переднем сиденье, спросила у аккуратно причесанного Темнова, от которого приятно пахло одеколоном и, как всегда, свешивался волной чуб:

— Алексей Алексеевич, вы что, преследуете меня?

Она увидела, как он стусевался, даже слегка покраснел, но постарался не выдать смущение, скрыв его в шутке:

— Кто же откажется подвезти такую красавицу?!

— А жена не заревнует?! Люди сегодня же расскажут! — с ухмылкой спросила и предостерегла Роза, нисколько не ощущая стеснения, словно говорила с одноклассником.

— Нет у меня, Роза, более жены. Была да испарилась! Поэтому я человек свободный! — сказал Темнов так, словно похвастался, но его слова все-таки более походили на жалобу. — Чего народ-то кучкуется?

— Пичугина убили... — серьезно и сердито ответила Роза.

Но Темнов не понял ее серьезности и хмыкнул, задиристо посмотрел на попутчицу:

— Сам, поди, виноват! Просто так не отправляют на тот свет!

— Ну, зачем вы так, Алексей... Алексеевич?! Все под Богом ходим!

— Это так, конечно, — продолжал упрячиться Темнов, — но только когда уходит достойный человек, о нем и говорить

хочется достойно... А от этого Пичугина какая польза? Нигде не работал, пил, кутил. А, спрашивается, на что? Мать-пенсионерка, что ли, снабжала? Да у той самой денег — кот наплакал. Так что, Роза, и не желей ты этого Пичугина! Он людей в Электрике обирал, рэкетировал их.

Выслушав директора, Устинова вздохнула:

— Все равно жалко... Особенно, когда над мертвым издеваются: в рот капусты зачем-то набили!

Темнов словно услышал подтверждение своим словам и усмехнулся:

— Я что говорил? Прав оказался: свои дружки и прикончили его. Это у шпаны порядок такой: кто жадничает да своих же обманывает, — тому, по их закону, смерть устраивают жуткую, демонстративную. Мол, крысятничаешь, — наешься капустой! А «капуста» — это на их языке деньги. Поняла? Ладно, хватит об этом, давай о чем-нибудь другом поговорим!

Роза промолчала, стеснительно прикрыла сумкой смуглые колени, и Темнов более не осмелился о чем-нибудь говорить. Так и промолчали остаток пути до Лонска. Роза собралась выйти на перекрестке, потому что Темнову надо было на молокозавод, и, прежде чем закрыть дверь, сказала «спасибо», внимательно посмотрела ему в серые глаза, словно что-то загадывала.

Расставшись с Розой, Темнов действительно поехал в сторону молокозавода, но вскоре развернулся, немного постоял и отправился назад в свою Перловку, потому что никаких дел на заводе не имелось, а упомянул о нем при Розе для отвода глаз. В Перловке он успел к разводу и все, что ни делал потом, делал по инерции, продолжая думать о Розе и не догадываясь, что та тоже думала о нем.

Андрей Бунтов узнал о случае с Пичугиным на следующий день, когда после врачебного обхода приехала Валентина с сонным Данилкой. Чтобы не привлекать внимания, они вышли в больничный двор, и Валентина все тараторила и тараторила, рассказывая о Пичугине. Но чем более она говорила, тем пасмурнее становилось у Бунтова на душе, потому что выходило совсем не так, как ему представлялось. Ведь до исполнения его мести и оставалось-то несколько дней, когда он пришел бы к Пичугину, вывел его в сад и начал бы драться. По-честному, на кулаках. А если договорились бы на ножах, то — пожалуйста, у Бунтова и нож подходящий нашелся бы для такого случая! На ножах даже лучше! Злости больше! Но чтобы не исподтишка. А теперь, получалось, кто опередил, да не просто прикончил Петуха, а сделал это с

вызовом, словно для острастки и в назидание тем, с кем он якшался. А кто это мог сделать? Нет, обиженному одиночке такой вызов не под силу, тут кто-то серьезный вмешался. И не вспомнив ни о каком серьезном человеке, Бунтов подумал о сыне... Все эти мысли молнией сверкнули в Бунтове, и он спросил у Валентины:

— Генка-то не звонил?

— Звонил несколько дней назад... В командировку на неделю собирался то ли в Ковров, то ли еще в какой-то город... Ты-то отказываешься от мобильного телефона, а то сам нет-нет да поболтал бы с сыном.

— Сколько раз говорил: не нужна мне эта погремушка. Без нее обходился всю жизнь и сейчас обойдусь. Вот выпишусь и позвоню ему по настоящему телефону.

Валентина поняла, что спорить с мужем бесполезно, и сменила тему:

— Когда за тобой приезжать-то?

— Врач сказал, что через два-три дня выпишут. А приезжать за мной нечего. Рану промыли и все почти зажило, осталось швы снять. Сам доеду!

Бунтова действительно выписали через три дня. В час выписки, когда ему принесли вещи и он переоделся, собрался на выход, дверь в палату растворилась и показался сын, да не один, а с незнакомым подтянутым мужчиной. Вот так гости!

— Ловко вы! — удивился Бунтов. — Еще бы чуток, и мой след здесь простыл!

— Главное, успели! — устало выдохнул Геннадий, словно пришел издалека.

Он присел на кровать отца, на которой остался лишь голый матрац, положил рядом большой черный пакет и посмотрел на спутника, одетого в казачью форму с погонами капитана: в защитной гимнастике, в галифе с темно-красными лампасами, а за голенищем хромового сапога ременная плетка. Геннадий представил его:

— Подьесаул Петр Стеценко! — И попросил: — Начинай, Петро!

Петро достал из полевой командирской сумки планшетку, а из нее извлек лист бумаги с гербом и какими-то записями и сразу громко начал читать.

— Приказ! — торжественно произнес он. — На основании Указа Президента Российской Федерации от 24 апреля 1998 года № 447, настоящим доводится до личного состава...

Далее Петро читал почти скороговоркой, и Бунтов почти ничего не понял, только в конце сообразил, что за какие-то особые заслуги его приняли в Центральное казачье войско и

сразу присвоили звание хорунжего! «Вот те раз! — подумал Бунтов усмешливо, не разобравшись в сути приказа. — Это называется: без меня — меня женили!» Бунтов хотя и усмехнулся, но ни спорить, ни отказываться от присвоенного звания не стал. Поэтому спросил у сына прямо:

— Сколько звездочек на погонах? Если две да вдоль, то и не старайтесь — не приму... Прапорщиком никогда не был и не буду!

— Бать, не шебуршись! Ты теперь настоящий офицер, хорунжий, относишься к старшим чинам. Поэтому и погоны соответствующие, как у современных лейтенантов.

Бунтов задумался и улыбнулся:

— Слабовато, конечно, для моего возраста...

— Это на первый случай! — обнадежил Петро. — Год-другой — и сотником станете. Главное, что начало положено, и кому, как не вам, возглавить казачье движение в своей слободе, да и во всем районе. Тем более что вы себя отлично зарекомендовали, показали пример как в труде, так и в отстаивании интересов казачества! Так что — в добрый путь!

«Уж такой пример подал, что дальше некуда ехать! — подумал Андрей сам о себе, расписавшись в удостоверении и еще в какой-то бумаге, на которой мельком увидел слово «Заявление». — Всю слободу на уши поднял — происшествие за происшествием пошли! Одно другого хлеще!»

Пока Бунтов внутренне осуждал себя, Петро раскрыл пакет и достал синий мундир с темно-красными лампасами, фуражку с околышем такого же цвета, а в придачу хромовые сапоги и блестящий черным лаком ремень. Все это богатство отдал Бунтову:

— Пользуйтесь и гордитесь формой! В такой наши деды защищали Отечество! А шинель, бекешу и всю остальную справу вы, Андрей Николаевич, получите позже... И еще! — посуровев глазами, сказал Петро. — На ближайшем Кругу вы в торжественной обстановке получите боевое оружие — казачью шашку. А сейчас разрешите вручить удостоверение казака!

— Прежде-то, говорят, казаки сами себе справу добывали, а теперь вон какое внимание! — стушевался Бунтов.

— Это правило никто не отменял. Сын за вас постарался да кошевой атаман без внимания не оставил! Так что переодевайтесь и возвращайтесь домой казаком!

— Лихо у вас, ребята, это получается. Только в такую жару ничего не выйдет. Да и привыкнуть к кителю нужно. К тому же каждый день носить его необязательно, а лишь в торжественных случаях или по праздникам. Так что порядки я знаю!

Они еще немного поговорили и, распрощавшись с соседями Бунтова, вышли из палаты.

— А что, Андрей Николаевич, — напомнил о себе Петро, — когда уселись в машине, — не нашли злодея, покусившегося на вашу жизнь?

— Разве залетного сыщешь?! Они, залетные, как ведут-то себя: сегодня он, к примеру, в Электрике, а уж завтра его ищи на другом конце области, а то и еще дальше. Да и искать таких некому! Ради чего?

— Не скажите... — не согласился Петр, — это лет десять назад попустительство было, а теперь власть укрепляется, опять же казачество набирает размах. Не за горами то время, когда казаки повсеместно станут влиятельной силой! И до рынка в Электрике мы доберемся, не позволим, чтобы темные личности ущемляли трудовое крестьянство, тем более — калечили людей! А вашего злодея обязательно найдут. Пусть и не сразу, но везде будет неотвратимым!

Петр замолчал, словно говорил не минуту, а часа два, а Бунтов усмехнулся в душе: «Ищите, ищите! Пока найдете, Петух уж будет по углям на том свете скакать!» — и посмотрел на сына, желая по его лицу отгадать: знает он что-либо о Петухе или не успел узнать? Поэтому спросил:

— К матери-то заезжали или сразу ко мне примчались?

— Заезжали... Она уж поляну накрыла, ждет!

За мыслями да разговорами он не заметил, как доехали до Казачьей Засеки. Когда же проезжали мимо дома Розы, то Бунтов еще на подъезде к нему увидел синюю «Ниву». Начал вспоминать, у кого такого цвета машина, и вспомнил: у Темнова! «Вот так гусь! — удивился Бунтов. — От одного хмыря не успел отделаться, как новый объявился!» С самыми скверными мыслями Бунтов сел за стол, даже не стал примерять казачью форму, отмахнулся, когда Геннадий уж слишком надел:

— Сын, не цепляйся! Лучше за Петром поухаживай! — и показал на пальцах, как надо поухаживать: мол, налить человеку надо.

Действительно, когда уселись за стол, появилась бутылка, и Петр, хотя чуток стеснялся пить в одиночестве, но выпил с удовольствием и, едва успев закусить, сразу покрылся испариной.

— Хорошо пошла! — сказал гость.

— Ну и слава богу! — поддержал его Бунтов-старший. — Я бы и сам с удовольствием махнул за возвращение, но нельзя, здоровье не позволяет.

Более они почти не говорили: то ли духота действовала, то ли устали, но когда Валентина предложила чаю, все дружно отказались и вышли на улицу покурить. И тогда Геннадий предложил:

— Поедемте купаться!

Бунтов к приглашению остался почти равнодушным, потому что купаться ему было нельзя, а Петр подхватился:

— Вот бы любо!

Еще более загорелся вертевшийся рядом Данилка:

— Ура! — закричал он чуть ли не на всю улицу.

— Тогда в машину! — приказал Геннадий.

Через пять минут были на Алешне, у той самой лавы, где когда-то Бунтов набирал воду для полива и куда приезжал Герасимович. Геннадий ловко нырнул и через мгновение над водой раздался его восторженный голос: «Красота!» Петро же входил в воду осторожно, чуть ли не на ощупь, но плавал с удовольствием, отфыркиваясь и со свистом выдыхая воздух сквозь намокшие усы. Глядя на мужиков, и Бунтов спустился на лаву, осторожно сел и поболтал в воде голыми ногами.

— Бать, не отставай! — крикнул Геннадий.

— Рад бы, да не могу — заклеенный наполовину. Размокну.

Накупавшись, они вернулись в слободу, каждый со своими мыслями: Геннадию хотелось побыстрее отправиться в Москву, Петру — допить бутылку, а Бунтову — побыть одному, чтобы никто не лез в душу с разговорами.

Когда гости уехали, он дважды не торопясь вымыл голову и сам помылся под душем в пристройке, правда, осторожнее обычного, так как боялся замочить заклеенный марлей да пластырем бок, а когда помылся, то, немного обсохнув, вышел в сад. И сразу мысли о Розе. Вспомнилась последняя встреча в больнице, и почему-то сделалось обидно на самого себя за ту неловкость, даже стыд, который охватил его, когда она приезжала к нему. Зачем-то поспешил пугнуть Розу, и она обиделась, конечно, да и любая обиделась бы на ее месте. В конце концов он понял одно: надо в ближайшие дни встретиться с ней и повиниться, и заодно узнать, что это за хмырь приезжал на синей «Ниве».

Бунтов вернулся, выпил холодного чаю и отправился в спальню, блаженно развалился на кровати, сразу же, незаметно для себя заснул и проспал до самого вечера, отсыпаясь за все тяготные больничные дни.

В последнее время у Розы что ни день, то новая закавыка! Только после случая с Пичугиным жизнь более или менее успокоилась и сама она перебралась домой, навела порядок в запущенном огороде, занавески постирала, как новая забота навалилась: Темнов вчера приперся! Цветов привез, торт, и все чего-то улыбается и улыбается нахально. А она, между прочим, его не звала, не приглашала. И нечего ее позорить

среди белого дня! А то кавалер выискался, открывай ему двери настезь, улыбайся! Хотела сразу же высказать, что думала, но пожалела мужика, пригласила в дом, чай вскипятила. Только разлила по чашкам, а он на чай и не смотрит — лишь на нее пялится, и уж лезет целоваться. Ее это взбесило:

— Может, сразу в постель?! — спросила с издевкой. — Вы, Алексей Алексеевич, ведь за этим приехали?! Не так ли?!

Темнов, наверное, ожидал услышать что угодно, но только не такое откровение, которое сразу же превратило все его мысли и чувства в пыль. Он растерялся от обиды и начал говорить совсем не то, о чем хотел. Чем более жаловался на жену, тем отчетливее понимал, что собственными словами все окончательно портит, особенно, когда изредка поднимал глаза на Розу и встречался с ее прищуренным взглядом. Он казался насмешливым, а черные глаза до невозможности злыми, такими, что, взглянув в них, Темнову хотелось зажмуриться и тотчас выскочить на улицу. Он все-таки разрезал торт, выпил чашку чая, от которой сразу вспотела и сникла его пушистая волна, а сам он почувствовал, что сейчас же, сию минуту должен покинуть этот дом и более никогда не появляться в нем. Еще немного потомившись, он, для вида посмотрев на часы, так и сделал.

— Рад был поговорить! — сказал Темнов на прощание и, постаравшись не показать все, что творилось у него на душе, пошел к выходу, а когда спускался по трем ступенькам крыльца, почувствовал, как ослабели ноги.

Роза осталась на веранде, наблюдая из-за занавески за гостем, а когда он, резко сорвавшись с места, уехал, она невольно посмотрела в сторону дома Бунтова и увидела джип его сына... И все сердце оборвалось, и все сразу мысли смешались. «Андрей, Андрюша выписался! — всколыхнула радостная мысль, и сразу кольнул испуг: — Он, наверное, видел “Ниву”!» И как только она так подумала, то растерянность заполнила все существо, Роза почувствовала, как задрожали руки. Захотелось тотчас увидеть Андрея, все ему объяснить, сказать, что Темнов — глупый гусак, случайно забежавший на чужой двор! И она действительно вскоре увидела Бунтова, вышедшего из дома с сыном и незнакомым мужчиной в военной форме, и внука с ними. Они посидели на лавочке, а потом сели в машину и куда-то уехали.

Их не было, наверное, час, а когда они вернулись, то у нее и на душе спокойнее стало: сразу поняла, увидев Андреева внука с полотенцем на плече, что ездили купаться... Она вдруг вспомнила о торте и цветах, и как огнем обожгло: «А вдруг Андрей зайдет и увидит!» Не раздумывая, она вынесла торт

курам, сразу облепившим его, бесцеремонно оттеснившим петуха. С цветами Роза и вовсе поступила бесцеремонно: выбросила их в крапиву за двором, потому что это были не цветы вовсе, а обыкновенные флоксы, которых в эту пору есть в каждом палисаднике!

Расправилась Роза с подарками, и на душе полегчало. Решила заняться стиркой, хоть чем-то отвлечься, потому что нет никаких сил сидеть без дела и ждать неизвестно чего. Но только набросала белья в корыто, как кто-то постучал в окно — у нее все сердце оборвалось! Осторожно выглянула, а это младшая дочка, румяная кареглазая блондинка Карина стоит у веранды! Увидела мать, заулыбалась:

— Мамка, открывай скорей!

— Вот не ждала-то кого, вот счастье-то! Чего же не написала-то?! — спросила Роза и начала разглядывать дочь. Та даже смутилась:

— Мам, чего ты так? Не видела, что ли, никогда?

— Смотрю, какая ты стала... Красивая, но я бы на твоём месте краситься не стала... Блондинки не бывают с карими глазами!

— Мама, я давно совершеннолетняя!

— Ой, девка, не о том я... Ладно, проходи в дом, располагайся! Молодец, что отпуск решила у матери провести!

Карина улыбнулась, вздохнула:

— Да я, мам, и не в отпуск вовсе, а с тобой приехала повидаться... Ночку-другую ночью, а через несколько дней уезжаю на работу в Германию!

— К немцам, что ли?! Чего ты у них не видела?

— А чего я в Москве вижу? Год отработала курьером, а что толку: как снимала угол у чужой бабуси, так и буду снимать, пока не состарюсь!

— Замуж выйдешь, и все образуется!

— Мам, не будь наивной! Кому мы в Москве нужны. А так хоть в Европе поживу, людей посмотрю.

— А кем же ты там будешь?

— Гувернанткой... Курсы окончила, немецкий язык учила!

— Учить-то, может, и учила, только надо быть осмотрительной. А то по телевизору рассказывают, как таких, как ты, сперва заманивают за границу, а потом в Африку диким неграм продают! Вот чего бойся!

— Мам, у меня все официально: контракт, загранпаспорт, билет — все на руках...

Пока Роза чистила картошку, Карина тараторила и тараторила, рассказывая о предстоящей жизни, словно наперед знала, что ее ждет. И Розе это не понравилось.

— Ну что ты все о немцах да о немцах! — укорила она дочь. — У тебя ведь сестра есть! Хоть бы заикнулась о ней?!

— Действительно... Как Машка поживает?!

— Тесновато, зато дружно. Муж у нее не пьющий, зарабатывает хорошо, на квартиру копят.

— В наше время всю жизнь можно копить — толку-то!

— Пока им на электростанции обещают служебную квартиру дать, потому что Маше скоро в декрет уходить.

— Машка родит скоро?! Вот так новость!

— Чему же удивляться, если она замужем второй год. Все ко времени. Хоть бы съездила, навестила ее. А то укажишь в свою Германию, и жди тебя потом!

— Mam, а давай вместе съездим! Бросай картошку чистить, поехали к Машке! Автобусы ведь до вечера ходят!

Не думала и не гадала Роза, что в этот же день она соберется в Электрик. Да разве устоишь перед младшей дочерью. И в кого только характер такой? Уже в автобусе Роза вспомнила о Бунтове, и сразу Каринкина суета отдалилась, словно дочь приехала не на один денек, а навсегда, и у них еще будет время наговориться. Роза даже представила, как сейчас Андрей поглядывает на ее дом, быть может, собирается мимо пройти, якобы к приятелю Коляне, чтобы не вызывать подозрений у жены. В какой-то момент, думая о Бунтове, Устинова все-таки отругала себя: «Дура я древесная! Ко мне дочь приехала, а у меня на уме бог знает что творится. Кому сказать — со стыда сгоришь!» И эта мысль мучила ее все те три часа, пока они гостили у старшей дочери, и мало-помалу пропала, когда ехали назад, в слободу. А как оказались на своем порядке, и Роза, хоть и издали, но увидела Андрея, и он ее увидел с Каринкой, то и на душе полегчало.

Бунтов же, поужинав и поговорив с женой о том, о сем, не спеша курил около дома, с удовольствием разглядывая слободскую улицу, редких прохожих на ней. Когда же увидел Розу с какой-то девахой, вынырнувших из проулка, то, когда они приблизились, не сразу узнал в девахе младшую дочь Розы. А как узнал, то успокоился, сразу по-иному, более снисходительно посмотрел на сегодняшний факт появления синей «Нивы».

Бунтов попал к Розе на третью ночь после возвращения из больницы. К этому времени он осмелел, перестал остерегаться за шов, который наискось багряно прочертил полбока, а заклеивал его пластырем лишь только потому, чтобы не пачкать одежду несмываемой «зеленкой».

Сегодня, возвращаясь от Коляни, он увидел Устинову около дома, как по заказу, и не удержался, коротко поговорил с

ней. Оказалось, что Роза только-только проводила младшую дочь и теперь занималась хозяйством. Долго говорить не было возможности, да им и не обязательно долго болтать. Оказалось достаточно двух слов, чтобы понять друг друга.

— Придешь?! — спросила Роза, почему-то постеснявшись посмотреть ему в глаза.

— Обязательно! — ответил он и почувствовал нестерпимое желание побыть с Розой именно в эту минуту, даже огляделся, чтобы подольше поговорить, но, увидев двух женщин, видимо, шедших из магазина, не стал задерживаться и испытывать судьбу — пошел далее вдоль порядка с безразличным видом, будто ничего его не волновало в этот момент. Главное, что переговорил с Розой, увидел ее, договорился, и от этого настроение радостно закипело. Правда, когда вернулся к себе, оно вмиг улетучилось, едва пришла мать Пичугина и начала срамить на всю улицу. Первой выскочила на веранду Валентина:

— Вер, ты чего?!

— Знаю чего... Где твой обезьян-то хоронится? Пусть покажется, я весь бадик о его морду расшибу!

— Ой, господи! Чего ты мелешь-то? Чего он тебе плохого сделал?

— Из-за него мой Семен головушку сложил!

— Окстись, дуреха, или из ума выжила?! Думай, чего мелешь-то?! Андрей в больнице лежал с ранением в это время! Каждый подтвердит!

— Зато дружки его не лежали! Семена ядом напоили!

— Кто тебе такую глупость сказал?

— Мустафа сообщил... Он следствие ведет! Погодите, докопается до правды!

— Твоему Семену надо было поменьше пить да вести себя прилично! А ты сама распустила сына до безобразия, а теперь виновных ищешь!

Бунтов, слышавший из веранды разговор, не выдержал, вышел к Пичугиной:

— Чего пришла, сволота дремучая?! А то бадиком грозит! Один ножичками грозился! Догрозился... А ведь какой смелый был, но смелей нашлись!

— Ладно, Андрей, не связывайся! — потянула Валентина мужа назад, на веранду. — Чего с малохольной взять?! А ты иди отсюда! — погнала Валентина Пичугину, — а то твоему любимому Мустафе позвоню — он тебя саму прищучит!

— Все, Валя, пошли в дом, — теперь Бунтов начал оставивать жену, — нечего с этой поганью связываться!

Когда они поднялись по ступенькам, Бунтов демонстративно хлобыстнул задвижкой, ушел в дом и завалился на диван. Настроение — на нуле. А тут еще Валентина куснула:

— Больше не связывайся с ней! О тебе и так в слободе бог знает что говорят, а теперь и вовсе на людях не покажешься!

— А тебе, наверное, радостно от этого! Пусть говорят!

Бунтов демонстративно отвернулся к стене и до обеда пролежал молча. А после, когда молча же пообедали (даже прибежавший с реки внук не смог расшевелить деда с бабушкой), Бунтов отправился в сарай. Валентина ничего не сказала, но через какое-то время все-таки пришла, осторожно осмотрелась, словно искала что-то запретное, и, ничего не сказав, ушла. «Проверяя не проверяя — все равно ночью уйду!» — подумал Бунтов.

После ужина он вновь вернулся в сарай и теперь уж дожидался лишь внутреннего толчка, когда сердце подскажет: «Пора, пора!» Почти час прошел после того момента, когда погас в доме свет. Бунтов, приоткрыв дверь, выглянул из ворот сарая и, дождавшись, когда луна нырнет в облака, осторожно и даже чуть пугливо юркнул в сад. Вскоре он легонько стукнул в боковое окошко, и шторка тотчас шелохнулась. Роза вышла встретить во двор, где сразу вцепилась целовать Андрея, а он прижал ее к себе так, как никогда не прижимал. Роза даже забеспокоилась:

— Как рана, зажила?

— Нормально — колтыхаться можно, — тихо ответил Бунтов и увлек Розу за собой.

Все-таки прелесть эта Розка, просто умница. Бунтов хотел предупредить, чтобы она не ждала от него сегодня особенной прыти, но она даже в мыслях опередила его, заставив принять свою игру. И игра эта понравилась Андрею, хотя немного и удивила новизной, от которой невольно вспомнилась Валентина в молодости, когда была такой же изобретательной, как Роза. Да, наверное, по-иному и быть не могло, потому что они обе были из единого женского племени. Это мужикам бывает в такие минуты забавно, а у них все по-настоящему, серьезно, будто сдают главный экзамен в жизни.

Когда они все-таки уgomонились и устало легли рядом, Роза, словно только что вспомнила о его наполовину отлепившейся повязке, жалеючи спросила:

— Болит?

— Отболело давно. Теперь у меня душа болит, когда вспомню синюю «Ниву» у твоего дома. С каких это пор стала привечать Алешку Темнова?

— Он мою Каринку от Лонска подвез, — соврала Роза и почувствовала, что от собственного вранья покраснела и порадовалась, что при свете луны не разглядеть румянца на щеках.

— Ну, подвез и подвез, а чего в дом-то потащился?!

— Попить попросил...

— Вот с этого и начинается. Сперва попить, потом все остальное.

— Замолчи, не говори так! — Роза закрыла рот Андрею, да так крепко, что тому пришлось отстраниться.

А когда отстранился, то и она отвернулась, накрылась одеялом и соорудила из него между собой и Бунтовым препятствие. Молча они пролежали несколько минут, а потом Роза неожиданно завсхлипывала, задрожала всем телом. Он хотел было сразу обнять, пожалеть и успокоить, но сдержался, ревниво подумал: «Поплачь, поплачь, а то шустрая больно стала!» — и был не в силах побороть в себе ревность. И все-таки в какой-то момент не сдержался, обнял Розу и попросил, словно был сам в чем-то виноват:

— Перестань.

Она резко повернулась, словно ждала этого слова, обвила шею и припугнула:

— Сейчас задушу, чтобы глупости не говорил!

— Задуши... — согласился он, приняв несерьезную угрозу, и сразу же подмял Розу, распластал, теперь уж как полагается, забыв о своей болячке.

Правду говорят, что делу — время, потехе — час. Поэтому, сколько ни утешайся, а работа о себе обязательно напомнит. Поэтому со следующего дня у Бунтова появилась новая задача: найти картофелекопалку! Но где ее найдешь, если в районе картофель давно не сажают. Пришлось помотаться. Почти все бывшие совхозы района объехали с Коляней, но нашли. Три дня и чуть ли не три ночи потом возились с ней, но все-таки наладили. В первый день даже Валентина пришла поглазеть на их работу, а Бунтов сразу обозлился от ее любопытства.

— От безделья, что ли, скучаешь! — пугнул он жену. — Иди, садись за телефон и обзванивай все базы, хозяйства — где хочешь, а тысячу сеток найди: хоть взаймы, хоть за деньги. Нечего перед глазами мелькать!

Со следующего дня Бунтов начал работу на поле. С утра пораньше выехал и, перекрестившись, прошел первую загонку. Хорошо получилось. Посмотришь издали — светло-желтая картофельная лента протянулась. Такую картошку и выбирать одно удовольствие.

Вскоре подъехал улыбающийся Коляня. Он скинул из коляски несколько тюков сеток и крикнул Бунтову:

— Живем, Николаич!

Чуть позже и бабы подтянулись. Пришло пятнадцать человек, которым Валентина положила за день работы по триста рублей. На таких условиях даже захапистая Авдотья притащилась и намалеванную внучку привела.

— Куда же деваться, если мы с Лизкой без денег остались, — жаловалась Авдотья бабам, — а Мустафа, паразит носатый, не чешется, не ищет наши денежки. А Лизке в школу через несколько дней идти. Десятый класс. Невеста. Одеть-обуть надо.

Работница из Авдотьи почти никакая с ее габаритами, и когда Валентина начала коситься на нее, наблюдая, как она пыхтит, с трудом нагибаясь над грядками, то Авдотья это заметила и начала оправдываться, даже укорила:

— Не косись на меня особо, Валентина! Зато у меня внучка — огонь-девка! Пляди, за двоих работает!

Работа и правда спорилась. Коляня только успевал подставлять сетки под картошку, увязывать их и складывать на площадке в пяти шагах от дороги. И картофельный бурт рос неожиданно быстро, так что Бунтов забеспокоился и, подождав Коляню, сказал ему:

— Хорошо мы работаем, лишь в одном заковыка: о брезенте не подумали. Вдруг дождь пойдет?! Весь товарный вид картошка потеряет!

— Не тужи, она еще чище станет!

— Быть может, и станет, но без брезента зеленеть начнет — опять не дело. Так что езжай, куда хочешь, а если брезент не привезешь, то придется из дома одеяла тащить! И не обижайся, что гоняю тебя! Сам-то я тоже без дела не стою!

Не прошло и полчаса после отъезда Фролова, как неподалеку от работающих баб появился бородатый нездешний мужик, даже издали казавшийся усталым и запущенным, почти неживым. Вроде случайно шел мимо, да остановился из любопытства. Бунтову это не понравилось: чего это мужик засмотрелся на баб, спиной нацелившихся в небо?! Один круг сделал Бунтов, второй. На третьем остановился, подошел к мужику и зло спросил:

— Ну и долго мы так будем пялиться?!

Бородач ничего не ответил и, поднявшись с земли, сам спросил:

— С кем можно поговорить?

— О чем? — едко усмехнулся Андрей, а незнакомец представился:

— Черногорец Артем Родионович, житель Пушкинской слободы. С кем имею честь?

— Бунтов моя фамилия, Андрей Николаевич... И чего же вы хотите?

Черногорец чуть задумался и, подбирая слова, сказал:

— Не вы ли и есть тот самый Бунтов, о котором только и разговоров по всей округе? — Бунтов кивнул. — Дело в том, Андрей Николаевич, что я наслышан о вашей слободе и тех новшествах, о которых давно говорят. Мне известно, что у вас создано новое хозяйство. Поэтому пришел узнать: могу ли чем-нибудь быть вам полезным?! Думаю, что у вас имеется техника, и я бы мог помочь в наладке, ремонте, так как в свое время окончил технический вуз. Могу быть начальником гаража или мастерских, есть опыт практической работы автослесарем.

— А где же вы прежде работали?

— В Москве, на одном из оборонных предприятий!

— А как же оказались в Пушкинской?

— Это долгая история, но вкратце могу рассказать... В самый разгар перестройки я оказался без работы и начал «челночить» — ездить в Китай за товаром. Для так называемой раскрутки занял солидную сумму, и все вроде хорошо началось, но однажды на железнодорожной станции Наушки — это на границе — меня ограбили. Вернулся в Москву ни с чем, а надо было отдавать долг, денег же ноль. Мои кредиторы поставили меня на «счетчик»... Поэтому ничего не оставалось, как продать комнату и уехать из Москвы.

— Сейчас-то у кого живете?

— В чужом бесхозном доме. Но вы не сомневайтесь, регистрация у меня есть, могу и паспорт предъявить.

— А ну покажь! — по-милиейски грубо попросил Бунтов, почти потребовал.

Посмотрев паспорт, Андрей убедился в словах Черногорца, увидев штамп Лонского ОВД, и сказал:

— Все равно пока ничем помочь не могу. Приходите недели через две, когда поступит техника. Тогда поговорим конкретно.

— Спасибо, что не отказали! — поблагодарил Черногорец с такой пронзительностью в голосе, так благодарно глянул в глаза, что Бунтов подумал: «А ведь действительно бедолага, и, по разговору чувствуется, — не дурак! Сколько же ныне по России скитается таких Черногорцев?!»

Бунтов вернулся к трактору, а Черногорец, бросив на плечо выгоревший брезентовый плащ, устало зашагал назад, и Бунтов печально посмотрел ему вслед, даже вздохнул.

Продолжая кружить по полю, Бунтову в какой-то момент захотелось заглушить трактор, лечь посреди поля, раскинуть руки и долго-долго смотреть в синее, чуть выцветшее за лето небо, и разглядывать редкие облака, появившиеся над полем и уплывавшие в сторону Лонска. Но его желание так и осталось мечтой. Только несколько минут он и передохнул за день, до того момента, когда вернулась с обеда Валентина, принесла термос с супом, миску с пловом. Вместе с Валентиной одна за другой и бабы собрались. Все, кроме Авдотьихи.

— Что с ней? — спросил Андрей у Лизы.

— Поясницу у бабушки прострелило! — доложила разругавшаяся чернобровая старшеклассница, а Бунтов подумал: «Это вам не самогонкой торговать!»

Правда, на юмор и сатиру времени не имелось. Перехватил он супчику, попил компоту и снова уселся за руль, решив, что если все получится, как задумал, то сегодня половину грядок выпашет. День, как начался весело, так и завершился неплохо, а работу закончили даже раньше, чем намечали. Бабы ушли в слободу, вскоре и Коляня укатил, договорившись, что сперва он поужинает, а потом Бунтова пошлет, потому что решили ночевать в поле, чтобы не оставлять картошку без присмотра. Дождаясь Коляню, Бунтов задремал, и приснилась ему Роза... Вот она, стоит рядом и ласково спрашивает: «Андрюша, кваску желаешь? Уж такой сегодня квас получился отменный!» А что ему квас, ему хочется обнять ее, туго прижать к себе и целовать, целовать... Очнулся Бунтов от оклика Фролова:

— Эй, хватит пузыри пускать! — потрепал тот за рукав пиджака и бросил на приятеля тяжелое лоскутное одеяло. — Домой беги, да не засиживайся!

Бунтов молча поднялся и, ничего не сказав, отправился в слободу пешком. Подходя к дому, подумал: «Сейчас бы баньку протопить, а потом завалиться к Устиновой на всю ночь!» У него даже аппетита не было: может, от мыслей, может, оттого, что перебил сон и теперь сказала накопившаяся за последние дни усталость. Ведь что ни говори, а помотались они с Фроловым изрядно. Но ведь дело-то не стоит на месте.

Когда сел за стол, Валентина сразу обрадовалась:

— Сыну дозвонилась... Сказал, что послезавтра придут две большие машины, как ты и просил. Отругал нас, что мы так долго раскачивались, надо бы пораньше подумать о транспорте.

— Ох, какие все ловкие! — хмыкнул Бунтов. — Все-то у них расписано по полочкам, а дел пока никаких, только слова. А слова-то и мы умеем произносить. Это легче всего. Труднее, когда все на коленке приходится делать

— Ладно тебе. Как-никак, а мы зарплату два месяца получаем.

Валентина начала его укорять, захватывать слова, и Бунтов уже знал, что ее не переговоришь, только настроение испортишь. А ему совсем не хотелось этого. Поэтому спросил у внука, когда увидел, что тот ходит по дому и собирает вещи в спортивную сумку:

— Ты куда это, брат, на ночь глядя, лыжи востришь?!

— Скоро в школу... Через два дня мама с папкой приедут забирать меня! — вздохнул Данилка.

— На осенние каникулы приезжай. Тогда уж у нас с тобой настоящий трактор будет!

Валентина приготовила мужу термос с чаем, и, не хуже Фролова, прихватив одеяло и старый плащ, он отправился на поле. Когда подошел к бурту, то неожиданно различил два силуэта. Сразу даже не понял, кто бы это мог быть, а ближе подошел — Коляня навстречу:

— К тебе пришли... — Иди, посмотри, а я пока погуляю.

Фролов растаял в темноте, а от бурта уж кто-то отделился — и к Бунтову. Тот даже растерялся, а когда узнал, даже не узнал, — почувствовал в человеке свою Розку, то чуть не задохнулся от неожиданности, спросил вполголоса, вложив в вопрос и радость, и чуть заметный испуг:

— Как здесь оказалась?!

— Устала ждать! — вздохнула она, и они уже более не говорили, доверившись своему чувству, и опустились на одеяла, слились с возвышавшимся буртом, едва сереющим в темно-зеленом лунном пространстве, разлившимся во все стороны до невидимых горизонтов.

Уборка урожая, начавшаяся с такой нервотрепки и неопределенности, завершилась неожиданно быстро. Показалось, будто и не делали ничего особенного.

На второй день уборочной эпопеи, хотя и чувствовал себя усталым и разбитым, Бунтов выпахал оставшиеся грядки и даже начал помогать бабам насыпать картошку в сетки. Рядом и Коляня вертелся. А после обеда, когда приехали Марина с Павлом, так и вовсе весело стало. Из Марины с ее обозначившимся животиком, помощница, конечно, никакая, зато Павел разошелся не на шутку: вязал сетки, укладывал в бурт — и делал все захаписто, торопливо. Рядом с ним крутился Данилка, успевший получить нагоняй за подбитый глаз в драке с никольскими мальчишками и теперь, после отпущения грехов, ставший изом всех сил.

В конце дня Валентина рассчиталась с женщинами за уборку, даже передала через Лизу сто пятьдесят рублей ее бабушке за полдня вчерашней работы. Когда всей семьей вернулись с поля, оставив Коляню у буртов, Бунтов сразу попросил жену:

— Позвони Генке, узнай о завтрашнем дне.

Пока Марина собирала ужин, Валентина действительно дозвонилась и, поговорив, обрадовала:

— Завтра в обед придут две фуры! Так что и Павел поможет грузить.

— Трои́м не справиться — ухайдакаемся! — сказал Бунтов. — У меня все еще бок болит, какой из меня грузчик! Человека три-четыре надо позвать!

Бунтов понимал, что это надо бы сделать сегодня, но у него уж не осталось сил куда-то идти и кого-то просить. Было лишь одно желание: побыстрее перекусить и завалиться на боковую. Но сладкого сна и в сегодняшнюю ночь не ожидалось: надо идти и охранять картошку. Поэтому, чуть-чуть посидев вместе со всеми за столом, набрав в термос чаю, он отправился в поле, где сменил приятеля, а сам, укрывшись одеялами, сразу же заснул.

Наверное, никогда он не спал так сладостно и безмятежно, даже снов не видел. Проснулся же от толчка Коляни... Глаза открыл, а солнце уж высоко-высоко. Сразу посмотрел на часы. Мать честная, восемь уже!

— Ну, хватанул! — улыбнулся он и посмотрел на Коляню, а тот нахмурился:

— Вот как с молодыми-то тягаться! На тебя страшно смотреть: весь зеленым мхом покрылся! Ночью за двоих храпел. И никакая картошка не нужна: хоть на тракторе приезжай и грузи!

— А ты на что?! Для того мы и корешимся, чтобы выручать. А в одиночку ничего не сделаешь, если даже двоим трудно.

— Ты-то везде успеваешь...

— Не завидуй! Иди-ка лучше домой да позавтракай, а то с голодухи ты злой до невозможности! Да потом пройдишь по порядку, позови трех-четыре мужиков, попроси помочь картошку грузить.

Фролов ушел, а вскоре Валентина появилась, принесла сумку еды и обрадовала:

— Машины уж выехали! Да, забыла сказать: Марина с Павлом замариновали мясо, как сегодня разделаемся с картошкой, то баню протопим, а потом шашлык организуем. Фроловых надо пригласить. Гулять так гулять!

— Это потом, а пока некогда рассусоливаться... Иди домой да гони Павла ко мне — будем потихоньку сетки на обочину подносить.

Жена ушла, а он развалился на одеяле и невольно вспомнил вчерашний ночной визит Розы, когда они вместе лежали здесь. Ведь решила баба, даже Коляню не постеснялась. Хотя его вроде и нечего остерегаться, но могла как-то поиному поступить, а не так открыто, даже вызывающе. Бунтов еще тогда хотел сказать об этом Розе, но не стал огорчать. Ведь равнодушный человек не решится на такое. Равнодушного с места не толкнешь, вокруг него надо десять раз обойти, дважды подпрыгнуть, чтобы обратить на себя внимание. А эта сама прибежала!

Находясь в плену приятных размышлений, Бунтов не заметил, как начал подносить сетки с картошкой из буртов на самую обочину, а когда присел перекурить, то увидел Павла и Данилку: оба в цветных футболках, шортах, будто стоял июль, а не конец августа. Не успел Бунтов затоптать сапогом окурки, как зять тут как тут и сразу взялся за сетку, за ним и Данилка потянулся, но Бунтов остановил внука:

— Тебе еще рано это тягать! Побегай, подыши свежим воздухом. А еще лучше будет, если принесешь воды. А то мужики соберутся, а попить нечего!

Хотя и без охоты, но внук отправился назад, а Павел спросил, указав на бурты:

— И на сколько же эта картошка потянет?

— Кто ее знает. Взвесить-то негде. Это прежде в каждом совхозе весы были. Думаю, тонн сорок есть! Даже если продать картошку оптом по пять рублей, то тысяч на двести потянет!

— Неплохие деньги!

Пока они говорили о том о сем, прибежал Данилка, принес воды в пластиковых бутылках. А немного позже приехал Коляня и привез с собой троих мужиков, облепивших мотоцикл. Вместо работы, они сразу сели курить, словно только за тем и прибыли. Бунтов, конечно, ничего им не сказал, а присоединился, поговорил о том о сем, а после первым поднялся:

— Начнем, ребята! Раньше сядем, раньше выйдем!

Нехотя, но мужики все-таки раскачались. Работали неспешно, но к тому времени, когда подошли два крытых «КамАЗа», все сетки разложили вдоль обочины. Как остановилась первая машина, Бунтов увидел показавшегося из кабины сына, одетого по-походному: в брезентовую ветровку, джинсы и кроссовки.

— Привет трудовому крестьянству! — раздался голос Геннадия, а сам он поспешил спрыгнуть на асфальт и поздороваться со всеми за руку.

Пока машины разворачивались, грузчики встали на из-готовку. А после началась веселая работа. С шутками да прибаутками справились с погрузкой, наверное, за час. Правда, все вспотели изрядно, но настроения не потеряли, особенно пришедшие на подмогу мужики, знавшие, что впереди их ждет выпивка. За суматохой Бунтов даже не успел с сыном поговорить. Хватился, а он уж брезент на машинах заправляет, и водители запустили движки.

— Все, батя, мы поехали. Созвонимся потом, — сказал на прощание Геннадий, и Бунтов пожал ему руку, словно благословил в дорогу, и проводил машины долгим взглядом.

— Ну, ребята, а теперь гуляем! — сказал он мужикам и, достав из кармана деньги, отсчитал им тысячу: — Это вам за аккордный труд... Мы с Коляней примкнули бы к вам, да уж давно свое выпили!

Мужики сразу затопились в слободу, и Павел с ними, а впереди подпрыгивал Данилка, обрадованный тем, что ему доверили растапливать баню. Под присмотром отца, конечно, но все равно мальчишке это было в радость. Бунтов и Фролов, собрав одеяла и свернув брезент, погрузили все это хозяйство в люльку и поехали следом за ними.

Когда разгрузились, Коляня уехал домой, пообещав прийти через два часа, и спросил, чего надо принести для складчины.

— Сам себя принеси да Полину приводи — вместе отметим завершение дела! — сказал, как приказал, Бунтов.

Сам же он сразу не пошел в дом, а уселся в саду под рябинами, вовсю пламеневшими алыми ягодами, и не спеша, расслабившись, курил, находя в этом состоянии особую радость. Ведь как это, оказывается, хорошо, когда не надо спешить, когда знаешь, что свалил с плеч великую заботу, которая и образовалась-то из пустяка, из какого-то незначительного случая... Бунтов мог сидеть у аллеи бесконечно, утопая в сладких грезах, радуя душу мечтами. Но разве посидишь спокойно, когда уж прибежал внук и начал теревить:

— Дедушка, скоро баня будет готова. Пошли!

— Что-то быстро вы... — проворчал он, но все-таки послушался внука, пошел за ним и почему-то подумал о том, что завтра Данилка уедет, они останутся с Валентиной вдвоем, и о чем тогда говорить, что делать — неизвестно.

Правда, Бунтов прогнал от себя не ко времени мелькнувшую печаль, не до нее было сейчас. Впереди другие заботы — легкие и приятные.

Раскрасневшиеся после бани, обедать они расселись в саду, поближе к шашлыку. Женщины даже постелили на до-

щатый, выцветший под дождями да солнцем стол скатерть, оставили стол закусками, и Павел уж колдовал у мангала. Появилась и вина бутылка, и Бунтов не удержался, прокомментировал:

— Специально, что ли, нас с Николаем проверяете на стойкость?!

— А вы не обращайтесь внимания! — отозвалась Валентина, раскрасневшаяся от забот, даже чуть-чуть подкрасившая губы. — Вы нас всю жизнь проверяли. И ничего — живы остались. И вы останетесь!

И, действительно, более об этом разговор не заводили. Наверное, потому что Павел и Марина его не поддержали, да и, видно, не хотели говорить о выпивке при Данилке. Поэтому, когда сели за стол, Павел молча налил Валентине и Полине по стакану вина, сам выпил с ними, и на этом успокоились. Зато шашлыки ели с радостным настроением, почти наперегонки, будто никогда не пробовали, и мало обращали внимания на салаты да отварную картошку с малосольными огурцами.

Когда Бунтов поел и закурил, Валентина попросила:

— Чем курить, поиграл бы нам с Полиной! А что, я бы сейчас дробанула!

— Молодая нашлась! — слегка укорил Бунтов жену, но все-таки поднялся со скамейки и отправился в дом. Вскоре оказался из-за угла с гармошкой на плече и, выйдя в сад, заиграл и запел:

*Я к милашке ходил лёдом,
Лед растаял — огородом!*

Валентина сразу поддержала мужа, да с подковыркой:

*Вспомни, милый, как ты клялся
И в ногах моих валялся!*

За столом сразу все заулыбались, а Данилка даже захопал в ладоши. Но то ли Бунтову не понравилась прибаaska жены, то ли к нему пришло иное настроение, но он лихо заиграл цыганочку. Не сразу, но Валентина с Полиной раскачались, но, кроме выходца да нескольких коленец, ничего не показали и плюхнулись на скамейки, а Полина вздохнула:

— Да, подруга, тяжелы мы стали!

Ее слова на какое-то время принесли грусть, но ненадолго, потому что у всех сложилось отменное настроение. Правда, когда выходили из-за стола, Валентина все-таки подсыпала мужу перца.

— Значит, еще лёдом ходил кое-куда?! — спросила она и так уничтожающе посмотрела на Андрея, что у него не нашлось хотя бы словечка, чтобы произнести его в свое оправдание.

И все-таки несколько дней Бунтовы жили почти вольготно. Оставшись без Данилки, они занимались каждый своим делом. Хотя Бунтов более, конечно, работал на чужих огородах, выпажав картошку всем, кто просил о помощи. Не делал исключения и для Розы. И работал на ее огороде открыто, но в дом не заходил, зная, что со всех сторон за ним наблюдают. Всем, кто помогал ему с уборкой картошки, Бунтов выпаживал бесплатно, со всех же других брал по двести рублей «на подорожавшую солярку». И это было со всех сторон справедливо. Более или менее спокойную жизнь нарушил звонок сына, хотя и долгожданный, но все равно показавшийся неожиданным. Поздоровавшись, сын сразу озадачил:

— Пап, готовься! — сказал он радостно, словно давно ждал этого разговора. — Через три дня к вам придет трейлер с трактором и плугом в контейнере. Трактор отечественный, «Кировец», но с мерседесовским движком, более четырех миллионов стоит.

— Зачем же такой дорогой брали-то?! — невольно вырвалось у Бунтова.

— Зато надежный! Горя с Коляней знать не будете, уж поверь мне... Да, на счет «Засеки» перевели полмиллиона.

— Пусть мать с деньгами разбирается, а я вот о чем хотел спросить... — замылся Андрей. — Надо бы еще одного человека на работу принять. Нашелся тут один из приезжих. Мужик вроде башковитый, инженером работал.

— А чего он делать-то будет?

— Пока сторожем, трактор-то без охраны не оставишь, а когда техники больше появится, с ремонтом поможет. А пока мог бы заняться восстановлением бывшей кормокухни. Все равно пустая стоит, а из нее можно ремонтную мастерскую сделать. Только надо договориться с бывшим совхозом — владельцем кормокухни.

— Правильно, мыслишь, отец! Наведи справки и сообщи мне, а наши юристы разберутся. И этого своего мужика проверь в деле. Может быть, балабол!

— Ладно, все сделаю, как договорились. А с трактором не затягивайте — давно пора зябь поднимать!

В тот же вечер Бунтов вспомнил о мужике из Пушкарской, подумал, что пора его известить, — пусть с завтрашнего дня

пристывает к работе. Поэтому, затоптав окурок, взяв у жены сорок тысяч, Бунтов отправился к Фролову и, увидев его, коротко сказал:

— Поехали!

Коляня настолько привык за последнее время к командирскому тону приятеля, что даже не спросил, куда и зачем они поедут, безропотно пошел выгонять из гаража мотоцикл, но Бунтов остановил:

— Погоди... Сперва отнеси зарплату за картошку. Здесь ровно треть от полученных нами ста двадцати тысяч! — и отдал ему сорок новеньких купюр.

Фролов послушно отнес деньги домой и вернулся, едва сдерживая улыбку, и Бунтов понял, что теперь Коляня готов ехать хоть на край света.

Черногорца они нашли не сразу, в Пушкарской догадались, кого они ищут, только когда Бунтов пояснил: с бородой такой, инженер.

— Это Механик! — сразу указали на его избу, и Бунтову понравилось слободское прозвище Артема.

Поэтому и разговор состоялся самый благоприятный.

— Завтра в обед подгребай, уважаемый, к ферме в Казачьей Засеке — там и увидишь нас, если, конечно, осталось желание работать совместно, — сказал, как приказал, Бунтов. — Да заодно приноси паспорт и трудовую книжку, чтобы стаж начал капать. Да не мешало бы и на диплом взглянуть.

Артем от такого внимания чуть ли не прослезился:

— Весьма признателен! Обязательно явлюсь!

— Тогда до завтра! — сразу распрощался Бунтов.

Он уж направился к затрещавшему мотоциклу, но вернулся и, нагнувшись к уху Артема, спросил:

— С выпивкой как дело обстоит?!

— Ни-ни, уж поверьте мне!

— Ну и ладушки! — улыбнулся Бунтов и, оставив Черногорца в полной растерянности, запрыгнул на сиденье мотоцикла.

Бунтов давно замечал за собой одно до конца необъяснимое свойство: чем больше наваливалось дел, тем он становился изворотливее, тем быстрее работала голова, в которой одновременно уживалось несколько забот и сама собой определялась их очередность. Поэтому, вернувшись в слободу, Бунтов спросил у жены:

— А ну-ка напомни, чего еще надо сделать? Может, что-то упустил?!

— Вроде бы все сделали... — нерешительно отозвалась Валентина и вдруг совсем не к месту улыбнулась: — Да, еще одно дельце осталось!

-
- Какое же?! — удивился Бунтов.
 - Угадай с трех раз!
 - Да, действительно! — сразу сообразил Бунтов, зная Валентину, и тоже улыбнулся, озорно моргнул: — Но это после ужина!

Неожиданный визит гостей все перевернул в душе Артема Черногорца, совсем не ожидавшего подобного внимания. Когда он в прошлый раз отважился на поход в Казачью Засеку, то, поговорив с тамошним человеком, возвращался в Пушкинскую без всякого энтузиазма, почти в отчаянии. Ведь у него это была единственная возможность за последние десять-двенадцать лет, сколько он прожил в здешней местности, закрепиться на постоянной работе и перестать жить, что называется, на подножном корму, перебиваясь мелкими заработками, начиная от починки телевизоров до копания могил. У него, конечно, за эти годы была возможность найти постоянную работу, и он ее в какой-то момент нашел и полгода работал на механическом заводе, но сам завод, как и всю страну, постоянно лихорадило, производство год от года сворачивалось, пока совсем не остановилось... Так и катилась бы жизнь Артема Черногорца неизвестно к чему, не услышь он этим летом слухи, заполонившие Лонск и окрестности. А они были такими: мол, в Казачьей Засеке собрались мужики, нашли спонсора и взялись за дело, начали скупать земельные паи и создавать производство! Самое главное в этих слухах было то, что все мужики в той артели непьющие! Поэтому и мысли донимали в последние месяцы о Казачьей Засеке. И стоило ему лишь раз побывать там, как сразу убедился в том, что слухи ходят не зря, хотя масштаб работ не произвел впечатления: один трактор с копалкой да десятка полтора баб! Вот, получается, и все производство. Но в тот же раз им были услышаны слова о новой технике, было проявлено любопытство касательно его персоны. Ведь неспроста же интересовался их вожак Бунтов, кто он, откуда, выпивает ли? Правда, культурой этот Бунтов не отличался, а более походил на хамоватого бригадира недавних времен, но откуда же взяться другим. Какие уж есть. Главное, что душой за дело болеет и, кажется, справедливый человек.

Все эти мысли пронеслись, едва Артем распрощался с гостями, с сожалением подумав, что не смог угостить их чаем. Да ведь спешили, сразу чувствуется, что не пустые созерцатели. Черногорец опять ударился в размышления, но сам же себя остановил и укорил: «Чего же я прохлаждаюсь?! Готовиться надо к завтрашнему дню!»

С бородой он расправился за двадцать минут. Заглянул в зеркало, а оттуда на него смотрит другой человек: с синими глазами, загорелым лбом и бледным подбородком.

— Привет, Артем Родионович! — поздоровался Черногорец сам с собой и рассмеялся от такого приветствия, которое сразу создало настроение.

Оно сохранилось до утра, когда он, не торопясь, начал собираться, потому что, как сказал Бунтов, надо явиться именно к полудню. Черногорец долго думал, во что одеться, хотя выбор у него был небогатым. Конечно, в ветхой одежде, в какой привычно топтался по дому, не пойдешь на люди, но и красоваться перед ними не обязательно. Поэтому оделся просто: надел сапоги и камуфляжную форму; выцветшую, но крепкую. Как раз по сезону. Как ни тянул время Черногорец, но к ферме в Казачьей Засеке, вернее к тому, что осталось от фермы, а остались лишь голые железобетонные «ребра» каркаса, он притопал задолго до назначенного времени. Сел у новой эстакады, решив, что именно здесь и будут разгружать технику. И не ошибся. Наверное, через час ожидания появился Бунтов с приятелем. Черногорец поднялся им навстречу, но те не узнали его. И только когда он остановился почти вплотную, Бунтов удивился:

— Это ты, Артем! Без бороды тебя и не узнать. Совсем молодой еще!

— Не такой уж и молодой — полтинник скоро!

— Самое то... Надо подыскать тебе старушку лет тридцати, и голова о жилье болеть не будет!

Черногорец промолчал, а Бунтов спросил:

— Вон, видишь, приземистое здание чертополохом заросло? Вот там и будет у нас гараж! Все железки из него ловкие люди давно сдали в металлолом, а стены да крыша остались. Там и дел-то, что ворота поставить да благоустроить.

Они осмотрели здание бывшей кормокухни, поразмыслили, что где расположить, и вернулись к эстакаде. Бунтов потянулся за сигаретами и, прежде чем самому закурить, предложил Артему, но тот отказался.

— Артем Родионович, ты у нас стопроцентно положительный: не пьешь, не куришь, баб, наверное, не любишь?!

— Ну, вы уж совсем, Андрей Николаевич, меня унижаете. Да, в браке не состою, но грех за собой знаю — есть вдовушка в Пушкарской.

— А говоришь, что жить негде?!

— Своего жилья действительно нет, а в чужие руки сдаваться не хочется. Свободу люблю, независимость!

Какое-то время помолчали, а потом Бунтов резко поднялся на ноги и, затоптав окурки, сказал:

— Хватит, ребята, болтать — трактор везут!

Все посмотрели в сторону большака и действительно увидели трейлер, а на нем возвышающийся остроносый трактор красного цвета! Бунтов встал на эстакаду, замалхал, показывая свое местонахождение, и водитель трейлера отозвался коротким сигналом: мол, вижу вас! На подъезде трейлер остановился, из кабины выпрыгнул водитель, мелькнув синей бейсболкой, спустился розовощекий сопровождающий мужчина средних лет с портфелем. Представились друг другу, поздоровались. Водитель сразу оценил подъезд к эстакаде. Осторожно выписав дугу в бурьяне, он подал трейлер задним бортом к эстакаде, и пока подъезжал, Бунтов во все глаза разглядывал невиданный ранее остроносый трактор.

— Не узнаете?! — улыбнулся розовощекий мужчина, назвавшийся Викентием. — Старый знакомец — «Кировец», только новой модификации — К-744Р2, и с импортным движком. Смотрите, какой красавец! Исполнен на уровне лучших зарубежных образцов. Сейчас мы его сгрузим, и вы в этом сами убедитесь!

Коляня с Артемом раскрутили крепеж, а Викентий, привычно усевшись в кабине трактора, завел дизель, работавший необычно мягко, крикнул из кабины:

— Движок, между прочим, триста пятьдесят лошадей!

Осторожно пятясь задом, «Кировец» начал выползать из кузова, и когда колеса коснулись земляной эстакады, то она сразу просела, но пятнадцатитонную махину выдержала. Немного отъехав, Викентий позвал Бунтова, махнув ему ладошкой, а когда тот подошел, предложил:

— Садитесь за руль, привыкайте к новой технике.

Едва Бунтов оказался за рулем, Викентий достал из портфеля бумаги:

— Здесь генеральные доверенности на вас с Фроловым, техпаспорт, талоны гарантийного обслуживания, списки сервисных центров и руководство по эксплуатации и трактора, и плуга — на досуге почитаете. Номерной государственный знак — надеюсь, вы это заметили, — уже получен и установлен. А теперь давайте прокатимся, чтобы вы почувствовали технику!

Они выехали на грунтовую дорогу, тянувшуюся за огородами, где Бунтов опробовал трактор на разных скоростях и поднял вверх большой палец.

Они вернулись к трейлеру, сгрузили контейнер с плугом. Вскоре попрощались с Викентием и водителем и сели перекурить, прежде чем заняться сборкой плуга. Провозились

почти дотемна, правда, Артема отправили домой пораньше, предварительно забрав у него паспорт и трудовую книжку и дав в дорогу бутерброды, которые Бунтов брал с собой, но в суматохе забыл о них.

— Завтра получишь документы назад! — пообещал Бунтов и, подумав, сказал Коляне: — Заодно сегодня и твои документы нужно забрать. Валентина вечером все оформит. Считайте, что с сегодняшнего дня вы штатные работники ООО «Засека», как генеральный директор вам говорю!

Когда Черногорец ушел, Бунтов с Коляней еще раз прочитали инструкцию, подцепили плуг и, возвращаясь домой, не утерпели, заехали на картофельное поле и проверили плуг в работе. Сначала на малой скорости, а потом с хорошей нагрузкой и — удивительное дело! — двигатель как будто не чувствовал ее. Они проехали в одну сторону, развернулись и проехали в другую, оставляя за трактором вспаханную полосу земли, новым асфальтом черневшую в наступающих сумерках, ранних после лета. И Бунтов, и Фролов, наверное, многое бы могли наговорить в эту минуту приятных слов, но оба молчали, немного стесняясь распивавшей радости, и поэтому скрывали ее.

Они будто знали, что в эти минуты за ними наблюдал Черногорец, добравшийся до Лонска и с высоты холма отчетливо видевший свет фар в поле за Казачьей Засекой. И свет этот не был чужим ему, потому что, как показалось Артему в этот момент, лился он не от неживого предмета, а из душ новых товарищей.

К Розе Бунтов попал дня через три. Почти случайно, когда утром отправил Фролова в поле, а сам пошел к будущей мастерской. Проходя мимо огорода Устиновой, он неожиданно увидел ее саму и застыл, не зная, что делать! Okликнуть — никак невозможно, пойти нахально днем — тоже не лучший вариант. Пока он раздумывал, Роза позвала, дважды махнув, и тут уж Бунтов забыл обо всем на свете. Он быстро прошел межой, прошуршал в саду листьями и нырнул во двор, где она его ждала, и сразу с вопросом:

— Ты ведь на работе должна быть?!

— А я теперь через день хожу! Корреспонденции мало стало, а за тысячу в месяц каждый день работать необязательно, — принялась рассказывать Роза, но сама себя оборвала и укорила: — Мы так и будем во дворе торчать?! Хотя бы поцеловал! Или разлюбил совсем?!

— Прости! Закружился в последние дни: то с картошкой, то теперь вот с новым трактором.

— Да уж видела... Всю улицу загородил своей машиной. Зазнался, поди? Ладно, пошли в дом. У меня для тебя новость есть!

В комнате она подала ему газету, а на ней чуть ли не на половину страницы его портрет и статья, название которой сразу бросилось в глаза аршинными буквами: «ЗЕМЛЯ НАШЛА ХОЗЯИНА!» И хозяин, как понял Андрей, скользнув по странице глазами, не кто иной, как он сам, Бунтов!

— Им бы только приврать! — сказал вслух Андрей, вспомнив приезжавших в поле корреспондентов, и улыбнулся: ведь что ни говори, а видеть себя в газете приятно. Это факт.

Пока он просматривал статью, Роза гремела посудой, но сама же себя остановила, как только он положил газету на стол:

— Потом чаю попьем! — и сразу начала раздеваться. Заметив, что Бунтов не спешит, укорила: — А ты особого приглашения ждешь, передовик?!

Неожиданное Розино нахальство смутило Бунтова только на минуту, даже менее, потому что через минуту он уже обнимался с ней под одеялом, забыв обо всем на свете. Он не знал, сколько продолжалось блаженство, и даже не сразу понял, что произошло, когда под окнами раздался чей-то голос, а следом за ним удар в оконную раму... Роза с Андреем сразу затихли, прислушались, ничего не понимая... И тут новый стук и явственный голос Валентины как раз под тем окном, где они залегли:

— Бунтов, выходи! Ведь знаю, где укрываешься!

В этот момент Роза вскочила с постели, суматошно начала одеваться, а Андрей продолжал лежать.

— Вставай! — поторопила его Роза.

— Теперь уж все равно... — вздохнул Бунтов и только тогда нехотя поднялся.

— Я долго буду ждать-то?! — раздался вопль Валентины. — Сейчас ведь все окна перебью!

— Иди, выйди к ней! — попросила побледневшая Роза, а Бунтов отмахнулся:

— Пошумит-пошумит и уйдет. Пусть доказывает потом!

На какое-то время установилась тишина, и вдруг действительно раздался звон разбитого стекла: в одном окне, в другом... И крик, крик на всю улицу, но Бунтов по-прежнему отмалчивался, лишь скрипел зубами, наблюдая, как осыпаются стекла. Он даже увидел саму Валентину, мелькнувшую между занавесками, в которые она ширяла колом, словно за ними притаился кто-то ненавистный. На крик стал народ собираться. Бунтов видел, как подошла Вера Пичугина, Ав-

дотьиха как из-под земли выросла, а самое противное — откуда-то появилась Марьяна Половинкина, которую обычно из администрации не вытянешь. Бабы, перешептываясь, стояли в сторонке, а растрепанная и раскрасневшаяся Валентина ходила под окнами и била и била колом по стеклам.

— Если не выйдешь, и веранду всю расколошмачу! — кричала она при этом на всю улицу. — Выходи, а то ведь дом подожгу!

Тут уж Половинкина не удержалась:

— Бунтова, что себе позволяешь?! Мне, может, милицию вызвать?

— Вызывай, а своего гада я все равно проучу, а гадине глаза косые выцарапаю!

Бунтов слушал, слушал и собрался на выход, печально посмотрел на Розу, поцеловал:

— Ты уж извини, что так получилось.

Он вышел через двор, попросив Розу на всякий случай закрыться изнутри, и увидел перед собой растрепанную, разъяренную жену. Она что-то начала кричать, а он спокойно взял у нее кол и сказал:

— Пошли домой, нечего людей смешить... — и, подхватив под руку рыдающую Валентину, сказал собравшимся бабам: — Цирк закрылся, можно по домам расходиться!

Он довел Валентину до дома и отправился на шоссе.

— Ты куда?! — спросила она испуганно.

— Куда надо! — ничего не стал он объяснять.

На шоссе несколько машин пронеслось мимо, и неожиданно показался мотоцикл перловского гаишника Свиридова, неожиданно остановившийся.

— Прыгай! — крикнул Свиридов, и Бунтову ничего не оставалось, как забраться на сиденье и покрепче ухватиться за скобу. — В Лонск?

— Куда же больше.

Соскочив с мотоцикла на центральной площади, Бунтов отправился в хозяйственный магазин, где накупил стекло, сам упаковал в картонки и договорился с водителем подвернувшихся «Жигулей», чтобы тот подкинул до Казачьей. Вернувшись в слободу, он сразу подъехал к дому Розы. Выгрузил груз, постучал в окно и, когда Устинова испуганно выглянула издвери, занес стекла в веранду, где обнял Розу и долго стоял молча, и она молчала.

— Пойду за стеклорезом! — наконец, немного отстранившись, сказал Бунтов. — Не переживай, все хорошо будет!

Вернувшись к себе, он зашел в сарай, прихватил кое-какой инструмент, потом заглянул в дом, чтобы взять стеклорез, а Валентина сразу с вопросом:

— Куда намыливаешься?! Если к Казашке, то надо разрешения у меня спросить, как у законной супруги, а я не пушу, так и знай!

— Ух, командирша объявилась! Чего же не спрашивала разрешения, когда стекла была в чужом доме, позорилась на всю слободу. Чего, спрашивается, добилась?!

— Все равно не пушу!

— Я и спрашивать не буду, да и было бы кого!

Валентина замолчала, словно собиралась с духом, и отчаянно выкрикнула:

— Тогда забирай вещи и совсем катись!

— Так-то... — только и смог произнести Андрей, вздрогнув от слов жены, и отправился в спальню, где стоял шкаф, и, чувствуя, как дрожат руки, начал набивать своими вещами первую попавшуюся сумку. Набив, вспомнил о казацкой форме, которую сразу же сложил в подходящий полиэтиленовый пакет. Поставив сумки перед дверью, он снял со шкафа и гармонь. Задумавшись, сказал:

— Банковскую книжку гони!

— Обойдешься...

— Все равно ведь без моей подписи ни одной копейки не снимешь!

Он подхватил сумки, пинком отшвырнул дверь и выскочил на веранду, где закинул на плечо гармонь, и сошел с крыльца. Хотел идти садом, чтобы поменьше привлекать внимание, но сразу же передумал: «Я не вор какой-нибудь, чтобы кого-то стыдиться?!» В этот момент с крыльца скатилась Валентина и сквозь слезы выкрикнула, отдавая чековую книжку:

— Возьми, подавись!

Бунтов молча затолкал книжку в карман и пошел тропинкой, петлявшей около домов, стараясь не оглядываться по сторонам, потому что из окон и от дворов на него смотрели любопытные глаза. Правда, он не обращал ни на кого внимания, лишь ускорил шаг, когда услышал голос Валентины, видимо, бежавшей следом:

— Андрей, вернись, умоляю! Что же ты делаешь-то, одумайся?!

В конце концов она отстала, но от ее истеричного голоса захотелось побыстрее проскочить мимо нескольких усадеб, поскорее укрыться у Розы, и чтобы никто и никогда более не совался в его жизнь. Он, как ошпаренный, заскочил к Розе на веранду, а она уж ждет его, смотрит испуганно, словно нашаливший ребенок, и слова произнести не может.

— Пустишь жить?! — спросил Бунтов и нашел в себе силы улыбнуться. — Навсегда пришел!

— Если навсегда — живи! — тоже улыбнулась Роза и добавила: — Даже если на время, — все равно живи!

Он прошел за ней в дом, положил сумки в углу, поставил гармонь на диван и притопнул:

— Где наша не пропадала! Эх, сто пятьдесят бы махнуть, тогда совсем бы недурственно было!

О выпивке Бунтов вспомнил совершенно случайно, но сейчас был именно такой случай, когда он не отказался бы от рюмашки. А что, разве он не заслужил за последние полгода? Разве не заслужил за сегодняшнюю нервотрепку?! Шальная и непривычная мысль о выпивке, от которой он по-настоящему отвык, не давала покоя, пока он примерял и резал стекла, вставлял в рамы, но никак не могла оформиться в конкретное предложение. И повод нашелся, когда Роза подошла и стеснительно, даже стыдливо спросила:

— Обедать-то когда будем?

— Вот застеклю, тогда можно и перекусить! Хотя нет: это нам сегодня не подходит! Давай-ка настоящий стол организуем, как на свадьбе!

— Смеешься, что ли?!

— Вполне серьезно говорю... — Бунтов достал из кармана деньги, отсчитал приличную сумму. — Сходи в магазин и купи закуски хорошей и бутылочку, какую побогаче! Думаю, коньяк можно взять, и шоколадку к нему! Денег не жалея — не последние. А что: гулять так гулять!

— Ты что, гулять пришел?

— Нет, конечно, но и от рюмки сегодня грех отказаться!

— Тебе нельзя!

— Если Бунтов говорит, значит, можно! Не слушай никого. Только меня!

Роза ушла, а Бунтов пожалел, что отправил ее: не дай бог, встретится с Валентиной в магазине, — ведь кровопролитие может быть! Валентина сразу поймет, откуда деньги у Устиновой. Но зря он переживал. Роза вернулась быстро, и с другим настроением, словно на красивом концерте побывала. Бунтов вскоре закончил резку стекла, правда, в конце торопился и обрезал палец, но не сильно. Роза принесла йод, бинт и сама забинтовала ему палец. Пока бинтовала, Бунтов обнял ее свободной рукой, чувствуя, как душу наполняет необъяснимая радость.

Когда сели за стол и он откупорил бутылку, то внутри его будто появился знакомый человек и начал нашептывать голосом жены: «Одумайся, Бунтов! Ты что себе позволяешь?!»

И Андрей усмехнулся в ответ: «Я полгода тебя слушал, по струнке ходил! А теперь у меня и своя голова есть!» Он разлил коньяк по рюмочкам, подсел к Розе и, прежде чем выпить, пристально посмотрел в ее грустные глаза, словно хотел заглянуть в душу, по-настоящему понять ее саму, ведь до этой минуты они все делали на ходу, бегом, нисколько не задумываясь над тем, что делают. А теперь, пожалуйста, смотри друг на друга, сколько хочешь, и никто не помешает!

— За нас с тобой! — сказал Бунтов и, легонько стукнув своей рюмочкой по рюмке Розы, одним глотком выпил коньяк, почти не ощутив вкуса.

Роза отпила глоточек и поставила рюмку, взяла по кусочку шоколада себе и Бунтову, из своих рук положила ему в рот и сказала:

— Закусывай!

А Бунтову и есть-то совсем не хотелось. В этот момент он с подзабытым ощущением почувствовал, как сразу же запынел, как приятным теплом наполнилось все тело. Ощущение было настолько необычным, будто он выпил впервые в жизни, а не заново привыкал к этому прекрасному состоянию. Невольно подумал: «Вот как надо пить-то! Редко, но с настроением, чувством, а не так, как всю жизнь глотал!» Правда, когда повторил, то ощущение показалось не столь уж необычным, почти таким, каким оно было всегда.

— Вот теперь и закусить можно!

Перекусив, Бунтов взял гармонь и начал играть, и игра его показалась Розе необыкновенно громкой.

— Потихе, а то, наверное, с улицы слышно! — пугливо попросила она.

— А кого бояться? Мы теперь сами себе хозяева!

Он хотя и хорохорился, но понимал, что Роза сейчас всего боится, и только лишь поэтому отложил гармонь, потянулся за бутылкой и налил себе еще. Хотел налить и Розе, но она отказалась:

— Не хочу.. И тебе хватит для первого раза!

— А второго не будет! — твердо сказал Бунтов, как кованый гвоздь вбил.

Она подошла к нему, чмокнула в щеку. От ее поцелуя он сразу почувствовал себя не чужим в этом доме, а хозяином. Поэтому и сказал, как приказал:

— Пошли, поваляемся!

Они не заметили, как наступил вечер, и напомнил о нем рокот трактора под окнами. Бунтов выглянул в окно, а это «Кировец» улицу загородил. Бунтов оделся, вышел на веранду, а Коляня уж на крыльце сидит, дожидается.

— Чего приперся-то?! — недовольным голосом спросил Бунтов.

— Твоя послала... Говорит, ты там больше не живешь! Что произошло-то?

— То и произошло, — оглянувшись на входную дверь, сказал Бунтов. — Валентина застучала. Стекла поколотила!

Фролов улыбнулся:

— Значит, у вас все серьезно!

— А ты как думал! Хоть три дня для свадьбы бери... Ладно, как-нибудь обойдусь. Завтра я в поле, а ты Артему помогай! — сказал Бунтов, давая понять, что разговор окончен.

Все-таки не зря приходил Коляня. После разговора с ним Бунтов вернулся в наезженную колею, когда к нему вернулся привычный ход мыслей, именно такой, какой был в последние дни, и вернулось привычное настроение, какое могло быть только в доме Розы. И Бунтов сразу забыл обо всем на свете, только знал, что есть Роза и он рядом с ней. Утром она сказала:

— Теперь понятно, почему твоя так бегаёт за тобой!

— Почему же?

— Сам догадайся!

— А-а-а, — улыбнулся Бунтов. — Это коньяк виноват!

Начавшееся с шутки, с густого настроения, в дальнейшем наступившее утро Бунтов не мог выделить как-то по-особенному. Даже хуже того: когда Роза собралась на работу, и он собрался, потому что оставаться в чужом доме одному показалось невыносимым делом, особенно теперь, когда только-только по-настоящему понял, что вчера произошло! А вернее сказать: что вчера натворил! Зачем-то выпивку устроил, сразу перечеркнул те долгие месяцы, когда держался, несмотря ни на что, особенно первые две-три недели?! А теперь все надо начинать сначала.

С этой душевной горечью он доработал до обеда, но голода почему-то не ощущал. Наверное, оттого, что не осталось у него теперь такого места, куда можно прийти и съесть тарелку супу в свое удовольствие, попить чаю, и где бы его ждали по-настоящему: к Валентине уже не пойдешь, а к Розе еще не привык ходить. Каким ни пасмурным было его настроение, но оно в один миг просветлело, когда он увидел женскую фигурку, свернувшую с проселка. Он еще издали узнал быстроногую Устину с пузатым пакетом и остановил трактор, заглушил двигатель. Когда она подошла, Андрей спрыгнул с подножки, поцеловал Розу, посадил в кабину, забрался сам и заулыбался, спросил так, как будто не знал, зачем она пришла:

— Каждый день теперь будешь ходить?

— Да, представь себе! Тебе это не нравится?!

Роза действительно стала не пропускать ни одной его смелости и всякий раз неохотно уходила, словно он мог пропасть без нее. В слободе, конечно, заметили эти «свидания», от которых еще сильнее зачесались длинные языки. Разговоры и пересуды быстро разлетелись по слободе, и так же легко долетели до Перловки и Темнова.

Как узнал он о событиях в Казачьей, то окончательно приуныл. Ведь больше месяца носил в душе надежду, надеялся, что у них с Розой еще не все потеряно, но теперь, получалось, оборвалась последняя слабая ниточка, на которой держалась эта надежда, и он сразу проникся обидой и отвращением к той, к которой еще недавно приходил в гости с цветами и торгом. И Темнов постарался забыть о Розе и несколько дней обдумывал, как бы покультурнее поговорить с бывшей женой, как с наименьшими потерями для собственного достоинства прийти в гости, чтобы Татьяна поняла, что пришел он не к сыну-старшекласснику, как обычно приходил в последнее время, а к ней. И когда все обдумал, то в ближайший выходной появился при параде, да с цветами, шампанским и пакетом сладостей. Когда бывшая жена вышла на веранду открыть, он не узнал Татьяну, всегда ходившую по дому в вытянутом на коленях трико и облезлой футболке, а теперь представшую в бархатном темно-лиловом халате, в котором показалась необыкновенно роскошной, но и холодной. Она сразу все поняла, с каким настроением появился бывший муж, и трянула головой, крашенной во все цвета радуги, словно перед этим попала под листопад:

— Ну и чего скажешь?!

— Решил серьезно поговорить... — неуверенно отозвался Алексей и неловко поправил волну на лбу.

Татьяна вздохнула:

— Спихватился... Хотя я наперед знаю, о чем ты будешь долго и скучно говорить. Нудный ты, Леша, ревнивый не в меру. С тобой от тоски засохнешь.

— Уж какой есть... Так и будем стоять в дверях?

— Проходи, если уж пришел...

Она пропустила его, сына дома не оказалось, и можно было поговорить по-человечески, если уж не душевно, то хотя бы нормально, но, проходя в дом, Темнов подумал, что пришел напрасно, ничего из сегодняшнего вымученного визита не получится. Он это сразу понял, и о чем бы ни говорил со своей бывшей, в голове вертелась некстати вспомнившаяся

мысль о разбитой чашке, которую, как ни старайся, а без шва не склеишь. У них с Татьяной, видимо, был тот самый случай.

Если бы Бунтов знал о заботах Темнова, то он вполне бы мог сравнить их со своими, которые стали особенно заметны в то же самое воскресенье. Хотя ничего особенного не произошло: из Электрика приехала Розина дочь Маша с мужем. Дочь внешне мало походила на мать, природа сделала свое дело и почти лишила азиатских черт, которые были так заметны в Розе. Маша более напоминала южнорусскую казачку: крутобровая, румяная, она, наверное, и подвижная недавно была, но сейчас на большом сроке беременности казалась неуклюжей, и те несколько часов, какие она пробыла со своим Игорем в гостях, просидела, развалившись на диване, о чем-то время от времени перешептываясь с матерью. Бунтову не понравилось, что они замолкали, когда он заходил в комнату. Когда же сели обедать, то Маша во все глаза рассматривала Бунтова, и тот невольно отводил взгляд. Да и муж ее, Игорь, — остроносый, с редкими прилизанными волосенками человек неопределенного возраста, — не понравился Бунтову. Поэтому, чтобы не пялиться друг на друга, Бунтов отправился за двор, решив поднять завалившийся забор. Думал, Игорь придет на помощь, но тот так и не появился. Они даже уехали, не простившись, поступили с ним как с наемным работником. И Бунтов сразу почувствовал себя в этом доме чужим человеком. Не помогло даже и то, что позже к нему пришла Роза и, присев на пенек, вздохнула:

— Только-только с посудой разобралась.

Она сказала искренне, а он посчитал отговоркой, желанием оправдать дочь и зятя. Роза, видимо, догадывалась о том, что творилось у Бунтова в душе, хотела что-то сказать, но не осмелилась или до конца и сама не знала верного решения, смущенная неожиданным появлением дочери, перед которой не представляла как вести себя, как объяснить появление в доме постороннего человека. Бунтову тоже не хотелось говорить на эту тему первым, но, чтобы не молчать, сказал:

— Надо нам с тобой в другие края перебираться, здесь жизни не будет!

— И куда же?

— Например, к моему брату. Это в нашей же области, только в другом районе. Место тихое, привольное, земля черноземная — благодать!

— А жить-то где будем?

— Присмотрим что-нибудь. Сейчас в каждом селении хватает брошенных домов. Да и не на пустое место поедем. В

случае чего, брат подскажет, поможет. А там, глядишь, и сами помаленьку обустроимся.

Роза задумалась и ничего не сказала, и Бунтов понял, что у нее нет желания еще раз менять обжитое место. И он не стал ее волновать, сказал неопределенно:

— Спешить нам необязательно...

Роза ушла, а Бунтов остался со своими мыслями один на один и не переставал удивляться своей придумке о брате, о котором очень вовремя вспомнил, хотя давным-давно не вспоминал, заматавшись с делами. А что, очень даже хорошая мысль. Главное, что на новом месте не надо будет прятать глаза. Он даже представил, как встретится со старшим братом, которого действительно редко видел, с тех самых пор, когда тот, отслужив в армии и возвращаясь домой, познакомился в дороге с симпатичной девахой, сманившей в свое село с лешачьим названием Сычи.

Да, Андрей легко поддался мечтам и, отработав на следующий день в поле, утром, как только Роза отправилась на почту, завел «Беларусь» и решил вспахать свой огород, чтобы не оставлять — в случае чего — о себе недобрую память. Бунтов заехал на огород, распугав дроздов, облепивших рябины на меже, и, разворачиваясь, не узнал собственного почерневшего сада, с наполовину облетевшей листвой и сквозившего теперь оголившимися сучьями. Почему-то никогда прежде не думал, что его сад может выглядеть так пугающе. Он уж допахивал, с особой тщательностью работая у межей, когда в саду мелькнула синим платком Валентина. Она облокотилась о колья и внимательно смотрела на Бунтова, а тот словно не замечал ее. Наконец не выдержал, остановился, подошел к жене и спросил:

— Чего оставилась-то? Или давно не видела?!

Вместо ответа, она сама спросила:

— Тебе не надоело скрываться-то?

У Бунтова мелькнула мысль рассказать о скором переезде, но вместо этого неожиданно для самого себя спросил:

— Генка-то не звонил? Ничего не говорил о кормокухне?

— Звонил, о тебе спрашивал. Чем, мол, отец занимается?!

Сказала, что пашет день и ночь — краше в гроб кладут.

Он повернулся, не желая более говорить, но она остановилась:

— Да, забыла спросить: сколько должна за вспашку-то?!

От такого ехидства все в нем перевернулось, но сдержался, промолчал, забрался в кабину и поехал на Алешню мыть трактор. Мыл не спеша, сожалея, что трактор этот не возьмешь с собой в Сычи, придется Коляне передать по на-

следству. Нет, трактор Бунтову не жалко, жалко бросать начатое дело. Возвращаясь с Алешни, он решил сразу отогнать «Беларусь» Фролову, но на въезде в слободу заметил красный пуховик Марьяны Половинкиной, семенившей по порядку с какими-то бумагами. Половинкина увидела трактор Бунтова издали и махнула Андрею: мол, остановись, дружок! Бунтов затормозил, выглянул из кабины:

— Чего хотела-то, Марьяна Кирилловна?

— Поговорить надо... — настойчиво сказала она и затоптала папирску.

Бунтов, как школьник, встал перед главой администрации, в последний момент сообразив, что этого делать как раз и не надо бы.

— Жалоба на тебя, Бунтов, поступила! — начала отчитывать Половинкина. — Хотя теперь ты лицо в нашей слободе значительное, но и тебе необходимо задуматься о своем поведении!

— Ну, и кто же жалобщиком оказался?!

— Сам знаешь кто! Возвращайся к Валентине, она вся слезами изошла, через день в церковь ходит, день и ночь молится за тебя, вся извелась. А Роза — рискованная баба, ей терять нечего. Намучаешься с ней, уж поверь мне! С Валентиной-то ходил чистый, ухоженный, а теперь, погляди, на кого похожим сделался?!

— А вот это, дорогая Марьяна Кирилловна, тебя не должно волновать! И нечего на жалость давить. Не нуждаюсь!

Даже не попрощавшись, Бунтов запрыгнул в кабину и с места по газам. «Адвокатша нашлась, нос свой везде сует! — бушевал и ругался Бунтов в душе на Половинкину. — Сидишь в своей конторе и сиди, нечего людей сплетать!»

Валентина ожидала чего угодно, но только не «милости» Бунтова, когда увидела огород вспаханным. Это надо до чего снизошел, что называется, — расщедрился! Она попыталась равнодушно принять его жест, и все-таки не смогла. А тут еще Половинкина стала приставать.

— Я бы на твоём месте и минуты не ждала, не дала бы мужику очухаться! В тот же день привела его назад! А ты все чего-то гордую из себя строишь! — всякий раз горячилась Марьяна, закуривая папирску, словно муж ушел не от Валентины, а лично от нее.

Валентина же отмалчивалась, краснела да пускала слезу, обещала сходить и забрать Андрея, но никак не могла побороть в себе обиду и гордость, не могла первой пойти на уступ-

ку, не могла унижить себя — и от этого еще больше страдала. В первые дни была мысль позвонить сыну, пожаловаться на отца, но и это не смогла сделать. Не могла побороть себя, признаться в том, в чем стыдно признаться даже постороннему человеку, а не только взрослому сыну. Была, правда, мысль поговорить с Мариной, но та вот-вот должна уйти в декрет — волновать не хотелось.

Все открылось в следующие выходные, когда, как показало, ни с того ни с сего приехала дочь с семьей. Марина сперва принялась делиться с матерью женскими секретами, и могла бы, наверное, говорить о собственном положении и предстоящих родах бесконечно, но тут вернулся с улицы Павел и сразу попросил вазу для букета из красно-оранжевых рябиновых ветвей:

— Все-таки красиво в сельской местности! Природа — загляденье. Сейчас за огороды вышел — и дух захватило! Поле вспахано до горизонта, а вдалеке трактор-красавец кораблем плывет по нему! Николаич, что ли, старается?

— Он и старается... — растерялась Валентина. — Они с Фроловым по очереди через день вlepились работать.

Когда собрались за стол, Марина спросила:

— Отца-то будем ждать?

— Без него можно... Его дотемна прождешь, а вы с дороги!

За столом долго не рассиживались и вскоре разбежались кто куда: Данилка подсел к телевизору, Марина с матерью принялась за посуду, а после занялись в кухне тестом, решив завтра выпечь пирогов. Павел вышел к машине, а как стемнело, вернулся и, заглянув в кухню, спросил у тещи:

— А где «Беларусь»?

— К Фролову отец отогнал, чего-то чинить собирались... — в очередной раз отговорила Валентина и совсем расквасилась, не в силах более обманывать.

Когда Павел ушел к сыну в комнату, она неожиданно уткнулась в фартук, начала всхлипывать, а Марина сразу заволновалась, даже с табуретки поднялась:

— Мам, случилось, что ли, чего?!

— Вот именно — случилось... Отец-то ушел от меня, у Казашки скрывается!

— Ну и дела! — прихлопнула розовыми ладошками Марина. — И чего же ты раньше молчала?! Сразу бы позвонила, раз такое дело!

— Все думала — вот-вот образумится и вернется, а он, видно, и не думает. Да с ним разве поговоришь... Уж на что Половинкина жох-баба, но он и ее шуганул. Как с цепи сорвался — никого слушать не хочет!

— Ничего — нас послушает... Мы сейчас с Павлом сходим за отцом, как бычка на веревке приведем!

— Да уж ладно, не выдумывай — срамиться пойдете!

— И пойдём! — начала заводиться Марина и крикнула мужу: — Паш, одевайся, пошли за отцом!

— Чего, у него ног, что ли, нет?! — не понял Павел просьбу, потому что все еще ничего не знал о тесте.

— Ноги у него только в одну сторону ходят! Он ведь в другом доме живет, маму бросил!

— Я-то при чем?

— Не ходи, не ходи — сама пойду, если уж мужики такие дружные! — Чуть ли не в истерике закричала Марина и позвала сына: — Данилка, пошли, мой хороший, за бабушкой!

Они в две минуты собрались, вышли на улицу, а Валентина, не закрывая за ними, вернулась в дом и залилась слезами, совсем растерявшись от навалившихся переживаний и стыда.

Зато Марина, нисколько не смущаясь, за пять минут дошла до Розино дома и требовательно стукнула кулаком в раму. Не сразу, но в доме зашевелились, а вскоре и входная дверь скрипнула, а из веранды раздался несмелый голос хозяйки:

— Кто там?

— Родственники! — пошутила Марина, хотя ей в эту минуту было совсем не до шуток.

Дверь приоткрылась, и в темном проеме показался женский силуэт:

— Андрея Николаевича нет...

— Прячешь, что ли?!

— Он позавчера уехал в Сычи... На похороны брата...

— Смотри, если врешь!

Она молча вернулась и, не хуже матери, неожиданно разрыдалась:

— Ну что это за жизнь такая?! Что происходит, если мы хуже диких зверей стали! Даже те заботятся друг о друге, помогают, а мы... — сквозь слезы приговаривала она, и Валентина кинулась уговаривать дочь, еще не зная настоящей причины ее слез, даже укорила, видя, что дочь вернулась без отца:

— Говорила тебе, чтобы не позорилась, говорила ведь!

— Эх, мама, мама! Не о том я совсем. У нас ведь дядя Коля умер, и папа уехал хоронить его, а мы ничего не знаем! Вот что обидно!

— Может, еще не поздно?! — спросил Павел. — А что, машина есть, сейчас собрались бы и махнули. Езды-то всего два часа!

— Поздно спохватились... Отец три дня назад уехал, не сегодня-завтра вернется. Тогда уж сам и расскажет, что там и как произошло, — предположила Марина. — А так вполне можем разминуться.

Все на какое-то время притихли, почти растерялись, обдумывая сложившуюся ситуацию и себя в ней. Лишь Данилка ластился к матери и что-то тихо говорил ей на ухо, успокаивая. Но его детская непосредственность не смягчила сердца взрослых, лишь добавила невысказанного горя, которое совсем некстати прижилось в бунтовском доме.

Сам же Бунтов в этот вечер собирался возвращаться в Казачью Засеку, похоронив накануне единственно брата и все еще не поняв до конца, как это произошло и почему. Ведь Николай не такой уж и старый, только-только в прошлом году вышел на пенсию. Правда, он в последнее время жаловался на ноги, по врачам ходил, даже в больнице лежал на обследовании, и признали у него варикозное расширение вен — болезнь неприятную, но не смертельную. А тут простудился, началось воспаление легких, и его вновь повезли в больницу.

— Я и думать ни о чем таком не думала, — рассказывала его жена Нюра — ротастенькая, курносенькая бабенка, часто испуганно моргавшая. — В больницу повезла Николая, а по пути у него это и случилось... В один миг преставился, только успел сказать «Прощай!». Врачи позже сообщили, что тромб у него отделился и притек к сердцу.

Бунтов, как мог, утешал вдову и приехавших из Москвы и Тамбова двух его сыновей с женами и все никак не мог отделаться от собственных мыслей, какие прижились в нем еще несколько дней назад, когда обсуждали с Розой возможность переезда. А теперь, получалось, и ехать некуда, потому что без брата это село показалось безлюдным, даже печальным.

На следующее после похорон утро Бунтов проснулся затемно и, распрошавшись с разрыдавшейся Нюрой, племянниками, один из которых подвез на машине до поселка Сарай, откуда автобусы ходили на Рязань, уехал. После обеда сошел в Лонске и только тут почувствовал, что да, теперь он дома! Когда же через полчаса ступил в Казачью Засеку, то по-настоящему вспомнил о Розе и решил заскочить в магазин, чтобы не с пустыми руками явиться к ней. Накупил продуктов, вышел из магазина, а навстречу шагает Павел с сыном — откуда только и взялись?! Увидел Данилка деда — и со всех ног к нему. Подбежал, обнял, в глаза заглянул, и как закричит на всю улицу: «Ура! Дедушка вернулся!» А у Бунтова от его голоса слезы, того и гляди, ручьем брызнут!

Андрей поздоровался с подошедшим зятем, взял за руку внука, а что говорить и как вести себя далее — с этим заминка. Чтобы хоть как-то снять неловкость, Бунтов спросил у Павла:

— Когда прибыли-то?

— Вчера вечером... — туманно ответил зять, а сын его уточнил:

— Тебя, дедуль, искали... Ходили с мамкой к другой теньке. Ты больше не дружи с ней, она злая!

И все-таки они разошлись кто куда: Павел с оглядывавшимся сыном в магазин, а Бунтов через ближайшую чужую усадьбу выскочил за огороды, чтобы не мелькать на улице. Через Розин сад по-воровски пробрался к ее веранде, постучал, но Роза не отозвалась, не мелькнула, как обычно, в окне. Пришлось уйти за двор и искурить там не одну сигаретку, потому что ключа от Розино дома у него все еще не имелось. А как накурился, то услышал, что кто-то стукнул дверь веранды, выглянул Бунтов из-за дома и увидел Розу. И она его увидела, выжидающе и виновато заулыбалась, словно чувствовала за собой какую-то вину, и кинулась навстречу. И он обнял ее, поцеловал, повел в дом, стремясь побыстрее скрыться от возможных любопытных глаз. В первые минуты они не могли наговориться, особенно когда Бунтов рассказывал о поездке, о том что увидел и услышал в Сычах, а когда умылся с дороги и сел обедать, коротко поговорив о слободских делах, то вроде бы и говорить стало не о чем, и каждое слово приходилось вытаскивать из Бунтова клещами, особенно когда он вспоминал встречу с внуком. Роза это изменение сразу заметила и пугливо спросила:

— Или видел кого?

— Да так... — не стал он ничего объяснять.

Роза, заметив его смущение и догадавшись о том, что он успел кого-то встретить из своей семьи и теперь скрывает это, сама призналась:

— Вчера твоя дочь приходила... Позорила меня, даже сына не постеснялась!

— Чего добивалась-то?

— Папочку своего искала, хотела домой под конвоем отвести.

— Ладно уж... Не кривляйся! Ничего смешного не вижу!

— Хочу и буду кривляться! А тебя все равно не отдам. Так и знай! — настырно сказала она и добавила с привычной заботливостью в голосе, в которой было больше игривости: — Отдохни с дороги.

Он разделся, забрался под одеяло, она сразу нырнула к нему, и впервые за последние месяцы Бунтов не почувство-

вал в себе нестерпимого чувства, которое всякий раз оживало, едва Роза оказывалась рядом. Что-то изменилось в нем за последние дни, и он не мог до конца понять, что именно, не верил в то, что смерть брата отсекла все возможные пути отступления из слободы. Нет, конечно. Ведь страна велика, и на Сычах белый свет не сошелся клином. Дело в чем-то другом. Чтобы хоть как-то сгладить все нараставшее неудобство, воспользовавшись моментом, когда Роза начала собирать чай, Бунтов оделся и сказал:

— Пойду до Коляни добегу.. Насчет работы надо поговорить.

— Добеги, — согласилась Роза, — только не долго бегай.

Он отмахнулся на ее шутку, надел куртку и, попросив закрыть за собой дверь, вышел на веранду. С крыльца спустился, а за палисадником кто-то стоит, почти незаметный в сгустившейся темноте. И вот уж отделился от темнеющего куста сирени и... к Бунтову. Присмотрелся он, а это Валентина загородила дорогу.

— Все подглядываешь?! — усмехнулся Андрей.

— И не собираюсь более подглядывать! За тобой пришла! Ты долго нам будешь нервы-то трепать?! Весь дом взбаламутил! Данилка второй день слезьми обливается, а тебе хоть бы что! Совесть-то хоть есть?! — спросила Валентина и подступила к мужу, прижалась к нему и затряслась в беззвучном плаче.

Что-то в этот момент хрупнуло в Бунтове, даже сломалось, заставив изменить отношение ко всему, что происходило вокруг него в последние месяцы. Он будто посмотрел на себя со стороны, и показался ему увиденный человек до такой степени смешным, неуклюжим в поступках своих, и оттого неизмеримо жалким, особенно в те моменты, когда выказывал свой горор и что-то кому-то пытался доказать. И он не выдержал такого унижения перед самим собой, обнял Валентину и вздохнул:

— Скоро приду..

— Правда, Андрюш?! — посмотрела она на него, а он увидел, как блестят ее глаза, полные слез. — Пойдем сейчас, сразу! Вот Данилка обрадуется!

— Сейчас не могу, совестно... Завтра вечером приду, когда Марина уедет.

— А сейчас-то куда собрался?

— К Коляне надо сходить, поговорить о работе.

— У него и заночуй, не смей сюда возвращаться!

— Считай, что договорились, мой командир! — пошутил Бунтов и неожиданно для себя поцеловал Валентину, прижал к себе и стоял с ней в обнимку, чувствуя, как вся она ходит ходуном.

Он действительно засиделся у приятеля, зная, что Валентина сразу домой не уйдет и захочет проверить его обещание. Попив чаю с Полиной, Колянкой и его сухореброй тещей, посмотрев какой-то фильм, во время которого даже вздремнул, Бунтов все-таки собрался уходить.

— Чего так долго? — сонно спросила Роза, когда он вернулся. — Я уж начала переживать!

— Обсуждали дела с Колянкой, да разве все обсудишь... - Давай будем спать. Завтра работать. Несколько дней подряд, — отговорился Андрей, так и не набравшись духу, чтобы признаться Розе в том, что сегодняшняя ночь у них последняя.

Он и утром не открыл свои мысли и поспешил к трактору, быстро выскочил за слободу, боясь встретить кого-нибудь из своей семьи. Пока ехал до дальнего поля, до которого надо было добираться километра три, радостно думал о том, что в такую даль да после дождя никто к нему не придет, никто не будет лезть в душу. Да и чего теперь лезть, когда он сам все для себя решил и хотел, чтобы вся эта суета поскорее закончилась.

Подобными мыслями Бунтов мучился весь день и, в конце концов не заметил, как начали сгущаться сумерки, и он взял курс на слободу. Когда въехал на свою улицу, у него еще был выбор, у какого дома остановиться... Он затормозил трактор все-таки около своего крыльца и сразу увидел выглянувшую из веранды Валентину, разглядел на ее лице едва заметную улыбку.

— Ребята уехали? — спросил он, не зная, как начать разговор.

— Уехали, тебе привет передавали... Ну, чего застыл-то? — спросила Валентина после паузы. — В дом проходи!

— Схожу, вещи возьму, чтобы потом не возвращаться.

Бунтов пошел вдоль порядка, а ноги не хотели идти, подкашивались. Когда оказался у дома Розы, то долго не решался постучать в окно, а когда все-таки постучал и увидел ее за стеклом, то почувствовал, как заколотилось сердце.

Роза выскочила на веранду и почти с отчаянием спросила:

— А трактор где?

— За вещами я пришел! — поставил он ее перед фактом и очень был в этот момент рад тому обстоятельству, что Роза в темноте не могла разглядеть его глаза.

Она ничего не сказала, лишь охнула, словно оступилась, и пошла в дом. Бунтов за ней. Остановился на пороге и сказал:

— Прости... — И ничего более не стал объяснять и мямлить.

Роза молча собрала его одежду, вынесла пакет с казачьей формой, подала гармонь. Приподнявшись на цыпочках, поцеловала в щеку:

— И ты меня прости... Всегда буду любить тебя!

Андрей ушел, а Роза вернулась в дом, упала на кровать и разрыдалась. Почему-то сразу вспомнилась вся жизнь: и до замужества, и после. Почему-то так получалось, что ее всегда все бросали. Одноклассники, потом лейтенант-десантник, приезжавший в отпуск... Она бы могла вспомнить еще нескольких мужчин, с которыми рассталась не по своей воле, любила их до последнего дня. И Андрей оказался ничем не лучше их. Эта мысль-прозрение заставила Розу успокоиться. Она поднялась с кровати, умылась и вновь легла, но теперь с другим настроением. «На нем белый свет не сошелся клином!» — холодно подумала она и вновь разревелась.

Бунтов же, прощаясь, был готов разрыдаться от ее неженского спокойствия. Не найдя сил, чтобы хоть что-то сказать, он подхватил вещи и нырнул под притолоку, как ошпаренный выскочил на улицу. Не помня себя, дошел до дому, а Валентина по-прежнему дождалась на крыльце. Увидев мужа, самодовольно улыбнулась:

— Молодец, быстро вернулся!

Она похвалила, а он в этот момент был готов задушить ее.

Когда прошли в дом, Валентина приняла вещи и сказала:

— А теперь в баню иди и отмывайся. Грехов на тебе много накопилось!

На следующий день Валентина отобрала у Бунтова чековую книжку, расспросила, сколько денег они с Коляней да Артемом потратили и на что, и жизнь у Бунтова потекла так же, как и текла все лето, с той лишь разницей, что спать теперь он перебрался в дом. Правда, укладывался на диване отдельно от Валентины.

Прошла неделя после отъезда Марины, и Бунтовы за это время успели привести телушку на двор. Валентина настояла, а той житья не давала хозяйка телушки, все уши прожужжала, особенно, когда скотину перестали гонять в стадо: мол, кормить нечем! Бунтов был не против, но хотел допахать поле, тем более что им с Коляней оставалась три-четыре дня работы. Тогда уж самое время заниматься всеми остальными делами.

Но разве баб переспоришь?!

Роза только в первые минуты после бегства Бунтова внешне спокойно восприняла его предательство, потому что хорошо видела со стороны, как он мучается, находясь меж двух огней. Но когда он оставил ее, даже не поговорив напоследок

по-настоящему, все равно сделалось обидно до невозможности. Она не заметила, как высохли слезы, а сердце загорелось решительностью. И, находясь в разобранном состоянии, когда хотелось кричать от отчаяния, она вдруг вспомнила о Темнове и удивилась, почему относилась к нему насмешливо, можно сказать по-хамски, словно к наивному подростку. А ведь Алексей не достоин такого отношения. Он — совсем другой.

Чтобы не остудить собственный порыв, Роза сразу начала одеваться, собравшись в Перловку, потому что внутренне уже была готова к этому. Никто и ничто не могло остановить ее в эти минуты, даже наступившая ночь. Роза не помнила, как, разгоряченная, выскочила на крыльцо, накинула на дверь замок, запахнула плащ, поправила платок. Сперва шла тропинкой мимо палисадников, а потом, споткнувшись, осмелела и вышла на асфальт, укоряя себя за излишнюю осторожность. Почему она должна от кого-то скрываться? Она и мимо дома Бунтова проплыла так же гордо и пожалела, взглянув на празднично светившиеся окна в его доме, что он не видит ее в этот момент. Все-таки волнуясь и переживая, Устинова не заметила, как миновала слободу и оказалась на шоссе. Отсюда до Перловки было четыре километра, но что они ей?! За мыслями она не заметила, как, изредка прячась в кювете от встречных и догонявших машин, добралась до Перловки, и только здесь вдруг почувствовала, как заколотилось сердце. Перейдя по мосту Алешню, говорливую в этом месте, Роза вскоре оказалась перед трехэтажкой, разукрашенной светившимися окнами. Окно Темнова на втором этаже она сразу узнала, потому что еще с прошлого года запомнила его квартиру, когда три недели подменяла перловскую почтальонку, гулявшую в отпуске. Розе казалось, что легко и смело постучится в дверь к Темнову, но чем дальше жалась на лавке у подъезда, тем острее понимала, что желанная встреча все удаляется и удаляется, и вскоре наступил такой момент, когда она уж знала: если сейчас, в эту секунду не поднимется на второй этаж, то уже не поднимется никогда.

Чем дальше она томилась у чужого подъезда, тем больший стыд ее охватывал, тем острее понимала девчоночью глупость своего поступка. Она почти не помнила, как оказалась на шоссе, как немного успокоилась сама, и сердце успокоилось, только чувствовала, как горят от пережитого волнения щеки. Поэтому, когда ощутила на лице невидимые в темноте капли дождя, то обрадовалась им; они словно охлаждали душу. Незаметно дождь разошелся не на шутку, начал хлестать подобно летнему ливню, и когда Устинова добралась до

Казачьей, то изрядно вымокла. И может, от этого своего неуютного состояния, от обиды, ей вдруг нестерпимо захотелось, когда она проходила мимо темных окон Бунтова, расколошматить хотя бы одно из них, чтобы его толстокожая Валентина поняла, что это такое — разбитое окно! Ничего, конечно, Роза не позволила себе, тихонько прошмыгнула по тропинке мимо палисадников в свой дом. В нем хотя и было тепло, но она, переодевшись в сухое, долго отогревалась у газовой плиты, пыталась пить чай, но в эти обидные минуты душа ничего не принимала.

Дней десять Роза ходила сама не своя, многое передумала за это время. Теперь она ждала подходящего случая, чтобы увидеть Алексея и поговорить с ним, напомнить его прежние ухаживания. Она докажет, что Роза Устинова не какая-нибудь заваливающая торфушка, а самая что ни на есть роскошная женщина, которую еще надо поискать в здешних местах!

И это вскоре произошло, сбилось так, как она желала. Будучи в Лонске, Роза случайно увидела «Ниву» Темнова и остановила ее, нахально махнув перед самым капотом сумкой, чуть под машину не бросилась. Темнов даже дверку открыл, чтобы отругать разеватую женщину, но, увидев Розу, не сразу узнав ее в ярко-желтой молодежной куртке, улыбнулся, глазами указал на переднее сиденье, а она легко вспорхнула в машину, уселась рядом, почти вплотную. Он к этому дню уже знал всю ее историю с Бунтовым, знал, что тот угомонился, вернулся к жене. Поэтому Алексей сейчас очень хорошо понимал состояние Розы, зная, что она не может успокоиться от обиды. А у него на нее своя обида, поэтому и сам не прочь был напомнить Розе, как еще сравнительно недавно увивался вокруг нее, а она тогда уж такая гордая была, такая недоступная. Размышляя, Алексей не смотрел на попутчицу, нарочито внимательно наблюдал за дорогой, все-таки чувствуя, что Роза во все глаза смотрит на него. Когда молчание затянулось и они проехали по мосту через Лоню, как через Рубикон, она спросила:

— Так и будем в молчанку играть?!

— О чем говорить-то?

— Разве не о чем?! Два месяца назад вы, Алексей Алексеевич, были уж такими разговорчивыми... К себе жить звали!

— Не было такого... — буркнул Темнов и обиженно надулся.

— Понимаю: мужчине, конечно, интересно завоевать гордую женщину, а не такую, какая сама напрашивается... А я ведь особенно и не набиваюсь. Остановите машину — мне надо выйти!

— Не кипятись, — вздохнул Темнов. — До дому подвезу.

— Одолжения делать не надо.

— А я и не делаю... А если серьезно захотелось поговорить, то здесь не самое лучшее место. И не сегодня.

После этих слов Роза сразу поняла, что Темнов, увидев ее, начал отгаивать, и, может, поэтому ее так и подмывало спросить: «А когда же?!» Но не спросила, промолчала, а когда у крыльца выходила из машины, настырно посмотрела блестящими глазами в глаза Темнову:

— Спасибо, Алексей Алексеевич! Когда ждать на чай с вареньем?

— Не знаю... — неопределенно отозвался тот и, резко развернувшись, поспешил уехать из Казачьей, в душе ругая себя за проявленную слабость, малодушие, когда в очередной раз пошел на поводу у почтальонки. Может, от этой неопределенности, даже растерянности, первым желанием, которое появилось, когда он вернулся к себе в контору, было желание выпить. Сейчас же, сию минуту. Он даже достал из сейфа бутылку коньяку, но тут, едва стукнув в дверь, зашла бухгалтер, и пришлось бутылку убрать под стол. Когда, сбив настроение, бухгалтер ушла, оставив приторный запах духов, Темнов повертел-повертел бутылку перед носом и, вздохнув, вернул на место, закрыл сейф.

Чтобы не мучиться вопросами, Темнов не придумал ничего лучшего, как съездить к Розе еще раз и поговорить откровенно. И когда принял такое решение, то и на душе посветлело, и вся обида на Розу пропала, словно и не было никогда. Не дождавшись окончания рабочего дня, Алексей прыгнул в «Ниву» и помчался в Казачью Засеку. Когда остановился у дома Устиновой и поднялся на крыльцо, то почувствовал дрожь во всем теле, когда же Роза открыла ему, — постарался не выдать себя и поспешно прошел за нею в дом. Впустив гостя, она остановилась, пристально посмотрела ему в глаза, спросила немного испуганно:

— Просто так приехал или поговорить? Если поговорить — тогда чайник поставлю!

— Чего зря слова переводить. Да и некогда. Собирайся — у меня чаю попьем!

— Алеша... — выдохнула Роза и, смутившись, подошла к гостю, прижалась к нему, не зная, что еще сказать, как вести себя и что делать.

Темнов по-хозяйски подсказал:

— Собери вещи, чтобы лишний раз не мотаться, и документы не забудь!

Бунтов с Коляней успели управиться с главными делами до снега, как говорится, будто украли, потому что на другой день он, как всегда неожиданно, укрыл слободу и окрестности. Бунтов проснулся в понедельник и, увидев за окном на кустах сирени белые хлопья, сразу вышел за огороды, чтобы полюбоваться простором, который почему-то особенно заметен ранней зимой. После вспашки целина за слободой рогатилась бадерником, а теперь сделалась ровной, пушистой — так и хотелось пробежаться по ней. И эта мысль была не у него одного: уж какой-то шалопутный охотник бродил по полю, и гончая собака впереди него челноком носилась. И воздух свежий-свежий, чистый-чистый. Дышишь им, и не надышишься. И радость на душе от такой красоты, а у Бунтова еще и гордость за то, что смог, сумел сделать то, что хотел, что не зря прожил последние полгода.

Он не спеша возвращался, когда около дома услышал голос Валентины:

— Андрей, Андрей, ты где?! Сейчас Павел звонил, сказал, что Марина дочку родила. Вот радость-то!

— Ну и дай бог! Желаю счастья и добра...

Они прошли в веранду и, прежде чем разуться у порога, Бунтов сказал:

— Может, сперва в магазин сбежать? Обмыть событие надо!

Валентина так жгуче глянула в ответ, что Андрей пожалел о сказанном.

— Тебе только бы причина была! Опять за старое? — не сказала, а будто ударила она.

— День-то какой? На всю жизнь надо запомнить двенадцатое ноября! Хотя понедельник считается тяжелым днем, а для нас он оказался радостным. А насчет выпивки не беспокойся. Я же не обманывал, когда говорил, что самостоятельно бросил! Законно говорю. А выпить за внучку шампанского — это нормально.

— Не более того, заруби себе на носу! — припугнула Валентина.

Бунтов сразу отправился в магазин и через двадцать минут вернулся с шампанским, конфетами. Мог бы и раньше, но зачем-то разговорился с невесть откуда взявшимися цыганками. Они сразу окружили, начали приставать, обещая предсказать судьбу, а он, вспомнив весеннее происшествие с ними, из-за которых и разгорелся тогда сыр-бор, неожиданно расшедрлся.

— Без вашего гадания всю жизнь обходился, и теперь обойдусь! Но раз такая история случилась, то подарок с меня! —

сказал он так радостно, словно давно ожидал этой встречи. — Зина, — обратился он к продавщице, — выдели им по шоколадке!

Оценив его щедрость, цыганки размахались руками, замелькали юбками и окончательно прижали в углу. Нет, они не испортили Бунтову настроения, да и не могли, только удивило, что они появились именно в тот момент, когда оно было хоть куда. Это настроение и за столом сохранилось. Правда, выпив шампанского, Валентина начала трезвонить по телефону, сообщая новость о рождении внучки родственникам в Скопине, а Бунтов же, оставшись не у дел, вышел на крыльцо покурить и увидел перед собой полненькую женщину в синей куртке и красном платке, жившую, кажется, в Нижней слободе. Она остановилась перед крыльцом, и только тогда Бунтов увидел на ней почтальонскую сумку Розы, к которой еще недавно пришивал оторвавшийся ремень.

— Письмецо вам, Андрей Николаевич! — не дав опомниться, глянув на конверт, сказала женщина.

Взял Бунтов письмо, хотел спросить, где Роза, почему не разносит письма, но будто язык отнялся. Сказав «до свидания», новая почтальонка ушла, а он глянул на конверт, а на нем вместо обратного адреса казенный штамп, взглядевшись в который, Бунтов понял, что письмо от казаков. Все прояснилось, когда распечатали конверт и Валентина прочитала письмо.

— Велят тебе на собрание зачем-то приехать! — без особенной радости сообщила она.

— Не на собрание, а на Круг! — всколыхнулся и поправил Андрей. — Не зря Генка упреждал. Как сказал, так и получается! Шашку будут вручать и всю полагающуюся амуницию! Так что теперь со мной шутки плохи! Поняла, мать?! А ну, где мундир, давай-ка его сюда — примерить надо!

За минуту Андрей переоделся, подошел к зеркалу в зале и, шелкнув каблуками, приложил руку к козырьку:

— Хорунжий Бунтов прибыл по вашему распоряжению!

Валентина увидела мужа в форме и прыснула со смеху:

— Да уж ладно, не выкрутасничай, хорунжий!

— А что, настоящий лихой казак! Таких в кино показывают. Только усов не хватает, и чуб отрастить надо, но это временная закавыка.

Бунтов вышагивал по комнате, вертелся перед зеркалом, рассматривая звездочки на погонах, и нравился сам себе, потому что после армейской службы ни разу не надевал форму. Он мог бесконечно любоваться, но в какой-то момент вспомнил о новой почтальонке, и невыносимо захотелось что-

либо узнать о Розе: где она, что с ней случилось, почему кто-то работает вместо нее?! За всем этим явно скрывалась какая-то тайна. Попереживав, не зная, как найти объяснение собственным мыслям, Бунтов сказал:

— До Коляни дойду, сапоги размять надо!

Валентина ничего не заподозрила и отозвалась почти равнодушно:

— Иди, теперь тебя все равно не удержать, раз уж на язык попало!

Она укорила выпивкой, а у него душа совсем по другому поводу маялась: хотелось быстрее увидеть Фролова и хоть что-нибудь узнать о Розе, хоть словечко услышать о ней. Ведь с того раза, когда расстались, он так ничего и не знал о ней. Тогда он постарался не думать о Розе, окончательно забыть ее, чтобы не страдать лишний раз. А сейчас прошел мимо ее дома, и сердце обмерло, потому что он стоял занесенный снегом, с замороженными окнами, и ничьих следов у крыльца! Вот так новость! С Розой явно что-то случилось, а он узнал об этом в последнюю очередь.

Бунтов надеялся на Коляню, но тот ничего особенного не сказал, только удивился, увидев приятеля в казачьей форме, выглядывавшей из-под телогрейки:

— Тебя и не узнать! Чего вырядился-то?

— Показать пришел... Что с Розкой, где она?

— Хватился, милоч! Она еще неделю назад в Перловку усакала. К Темнову. Знаешь такого?

— Нет, не знаком...

— А я думал, ты в курсе, поэтому и не говорил ничего, не хотел душу травить. А теперь чего уж, теперь тебе надо смириться. Сам же отлепился от нее. И правильно сделал: на двух стульях долго не просидишь. Так что на нас с Полиной равняйся. Будь конкретным человеком, а не флюгером!

Бунтов слушал-слушал приятеля и шуганул его:

— Да пошел ты, учитель нашелся!

Остаток дня Бунтов слонялся по дому сам не свой. Он, конечно, и не мечтал о том, чтобы однажды возобновить отношения с Розой. Просто до сегодняшнего дня, до этой минуты хотелось знать, что она рядом, а она как косою подсекла. Даже не поговорила на прощание, не произнесла даже малюсенького словца. И от этой обиды сразу появилась мысль напиться в доску. И, наверное, напился бы, не будь Валентины, но было совестно перед ней нарушить обещание, сам себя после этого перестал бы уважать. К тому же она отвлекла, заведя разговор о поездке в Рязань, будто знала о его состоянии, правда, оговорила:

— Мечтай не мечтай, а раньше чем через неделю там делать нечего. Маринка в себя только-только придет. А через неделю вместе можно поехать: и новорожденную повидали бы, и ты к своим казакам заглянул. Полина бы за домом посмотрела.

Бунтов понимал, что Валентина не хочет оставлять его одного, и эта маленькая хитрость немного рассмешила и, как ни странно, успокоила, помогла забыть последние переживания, и он согласился, вдруг рассмотрев в жене то, что прежде, оказывается, не видел, не придавал этому значения, не ценил.

— Вот и договорились! — поспешно сказал Андрей и посмотрел на Валентину долгим и пронзительным взглядом, словно впервые увидел ее.

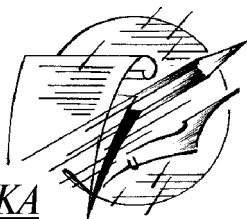
В этот момент ему захотелось наговорить ей много приятных и ласковых слов, но сдержался, не стал зря молоть языком, лишь подумал, навсегда сдаваясь: «Вот и началась моя новая жизнь!»

Юрий МАРКОВ,
доктор философских наук

О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В истории России не раз высказывались так называемые русские национальные идеи. Особенность этих идей заключалась в стремлении достичь гармонии между обществом и властными структурами. В частности, известная триада «православие, самодержавие, народность» была призвана достичь единения между церковью, государством и народом. Министр просвещения и главный идеолог времен правления Николая I С.С.Уваров был автором этой триады. Важно было исключить стихийный характер народности, сделав её официальной, т.е. подчиненной монархическому строю. В этой связи можно говорить об «официальной народности» или «народной монархии». Доктрина «официальной народности» во многом определяла деятельность царской власти в условиях России вплоть до 1917 года.

После социалистической революции в октябре 1917 года «официальная народность» трансформировалась в доктрину единства партии и народа. Народу предоставлялась роль строителя коммунизма под руководством партии. Данная установка продержалась до 1991 года, продемонстриро-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вав всему миру, что «официальная народность», которая, в конечном счете, зиждется на насильственном правлении, не может быть достаточно прочной основой исторического процесса.

В целом, национальная парадигма развития неотделима от духовно-нравственной истории общества, от особенностей культуры (понимаемой в самом широком смысле этого слова) того или иного народа. Собственно говоря, этот вот духовно-нравственный базис общества, который в социальной философии часто определяют термином «духовная культура» или просто «культура», формируется не просто как что-то абстрактное, безликое, общечеловеческое, а как природно-социальная культурная общность (по Гумилеву) или, говоря проще, как национальная культура. Разнообразие национальных культур в человеческой истории имеет природно-социальные основания и является аналогом видового разнообразия в биологической истории.

Поскольку хозяйственная жизнь в её конкретных организационных формах есть продукт культуры (в этом и состоит принцип социокультурного детерминизма), то это значит, что экономика всегда будет нести на себе национальную окраску или специфику. И совсем не случайно Китай официально объявил миру, что он строит экономику с китайской спецификой. Все это говорит за то, что капиталистической или социалистической экономики, чему нас учили в марксизме, в чистом виде, строго говоря, не бывает. В реальности мы имеем модели китайской, японской, шведской и других экономик, т.е. национальные экономические модели.

Концепция социокультурного детерминизма, отменяющая так называемый исторический материализм вместе с формационной теорией общественного развития, в сущности, была подготовлена в необходимых деталях в трудах М.Вебера, В.Зомбарта, С.Булгакова, П.Сорокина и многих других крупных ученых, социологов, экономистов, философов. С позиции этой концепции М.Вебером и В.Зомбартом были раскрыты особенности западной модели развития, корни которой уходят в эпоху Реформации XVI—XVII веков. В частности, было показано, что смысл Реформации заключается в смене социокультурной парадигмы развития в ряде стран Западной Европы (Германия, Англия, Нидерланды). И что самое важное: было показано, что формирование своеобразной хозяйственной системы, которую с легкой руки Маркса стали называть капитализмом, произошло фактически на базе новой социокультурной парадигмы. При этом Вебер подчеркивал особую роль протестантских ценностей. А Зомбарт

показал, что само выделение протестантской ветви христианства и формирование капиталистической хозяйственной системы произошло под сильным, можно сказать, решающим влиянием традиционного иудаизма.

Таким образом с позиции социокультурного детерминизма западный капитализм — это тоже феномен национальной экономики, а именно экономики с еврейской спецификой. К этому надлежит отнестись как к научному факту. Фигура умолчания, к которой нас длительное время приучала идеология марксизма, здесь просто неуместна.

В настоящее время все чаще говорят об этапе финансового капитализма. Глобальная финансовая система в её нынешнем виде напоминает раковую опухоль на живом теле реальной мировой экономики, лишая её национальных черт в каждой конкретной стране. Эта система, выстроенная западной иудео-протестантской культурой, нарушает жизненный мир человека, его социальную и природную среду, грозит разразиться мировым кризисом XXI в. Поддерживающая Новый мировой порядок политика обречена на провал, поскольку она с необходимостью ведет к межнациональным столкновениям, к глобальному противостоянию Запада и Востока, которое рано или поздно приведет к возникновению национальных экономик, либо к апокалипсису, в котором ни один народ (даже если он «богоизбранный») не сможет выжить.

Войны развитых демократических стран с остальным миром становятся неизбежными, особенно в условиях глобального экологического кризиса, и будут носить, скорее всего, скрытый характер при самом непосредственном участии масонских структур. Войны эти слишком опасны. Чтобы избежать их, необходимо отказаться от идеологии и психологии мирового господства. Необходимо признать, что в каждом обществе действительным источником законной власти является народ с его национальной культурой, и потому государство в обязательном порядке должно быть национальным. Путь насильственной глобализации и принудительной демократизации неприемлем. Современный Запад действует в данном случае против объективных обстоятельств, требующих сбалансированного развития национальных государств. Именно такое развитие и будет устойчивым в социальном и экологическом смысле.

Удержать мировую финансово-экономическую систему в равновесии странам «золотого миллиарда» не удастся уже сегодня. Рост национального самосознания и возникновение с последующим укреплением национальных государств заложены в самой сущности планетарного общества подоб-

но тому, как биологическое разнообразие заложено в сущности биосферного организма. Значит, речь идет о необходимости выработки национальной экономической политики во всех странах мира. И уж, конечно, Россия должна это сделать в первую очередь.

Нынешнее геополитическое положение России довольно сложное. Национальная парадигма развития страны должна исходить из внутренних потребностей России, её населения, но при этом не следует забывать, что страну окружают четыре мировых цивилизационных региона: Западная Европа, Китай, Япония и исламский мир. Причем все эти регионы испытывают дефицит в тех или иных ресурсах — природных и территориальных, имеющихся в распоряжении России. Кроме того, в российских ресурсах заинтересованы США.

В этих условиях часть политиков готова приветствовать миграцию из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, Китая, способную повлиять на демографическую ситуацию на территориях Сибири и Дальнего Востока. Однако для России, остающейся пока русской цивилизацией, гораздо более важно скорейшее хозяйственное освоение этих территорий и поддержка на должном уровне своего оборонного потенциала. Задача заключается в том, чтобы не просто войти в систему геополитических полюсов, но взять на себя координирующие функции между Востоком и Западом, утвердив себя в статусе лидирующего национально-государственного образования. Геополитическое положение России таково, что она обязана вести протекционистскую политику в интересах отечественной экономики, одновременно отказавшись от пагубного перекоса в сторону топливно-сырьевых отраслей. Наличие инвестиционной активности в области высоких и наукоемких технологий, в машиностроении и металлообработке могло бы послужить задаче возрождения России.

К сожалению, внутреннее положение России представляется даже более сложным, чем геополитическое. Духовно-нравственные устои в современной России становятся все менее прочными. Хотя видимая деформация нравственных принципов произошла в эпоху перестройки, не следует забывать о целенаправленных процессах разложения русской цивилизации, которые начались задолго до перестроечной вакханалии в ходе так называемой холодной войны, осуществляемой Западом против России по специально отработанным программам. Вспомним известные программные заявления Даллеса в начале 1945 г.

Объявленная Даллесом программа во многом осуществилась, породив в России невиданный размах наркомании и алкоголизма, деградацию внутрисемейных отношений, духовную опустошенность и потерю смысла жизни. И, тем не менее, есть фундаментальная объективная причина нравственного распада. Это своеобразная расплата за идеологию потребительства, за культ наживы и материального преуспевания, за идеалы черствой практичности и бездуховного рынка, что с самого начала было чуждым русской ментальности.

По своему культурно-бытовому укладу Россия всегда была чуждой Западу, вызывая раздражение и стремление западных политиков к разрушению российской цивилизации. Своей огромной территорией Россия всегда наводила страх на Европу. Неудивительно, что с 1240 по 1462 год почти ни одного года не обходилось без войны. Начиная со времен Куликовской битвы и до момента окончания Первой мировой войны Россия пребывала в состоянии военных действий 334 года. И, тем не менее, все испытания она с достоинством выдержала.

В Советском Союзе усилиями И.В.Сталина была создана уникальная по своим возможностям мобилизационная система, благодаря которой разрушить СССР можно было только изнутри, что, по-видимому, и понял Даллес. После Сталина пришлось приложить немалые усилия, чтобы перестроить хозяйственную систему на европейский лад и заменить Союз Советских Социалистических Республик на Содружество Независимых Государств. Работа над общим проектом «реформ» происходила уже при Брежневе в группе «советников», диссидентский (раскольнический) характер которой не вызывает сомнений. Андропов, по существу, сформулировал многие задачи перестройки, к реализации которых потом приступил Горбачев. Последний уже при Андропове стал вторым человеком в партийном руководстве. Сам перевод Горбачева в Москву в свое время стал возможным благодаря Андропову.

Социальная среда, в которой сегодня приходится осуществлять свою жизнедеятельность, нельзя назвать благоприятной. Рост депрессий и реактивных психозов связан с тем обстоятельством, что более 70% населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального стресса. Нарушение здоровья человека, находящегося в подобном состоянии, может происходить довольно часто. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Россия (по данным ВОЗ на 2001 г.) занимала 107-е место из 191 страны по продолжительности здоровой жизни. Неблагоприятная социальная среда явля-

ется причиной того, что около 40% жителей испытывают чувство раздражения, психического напряжения, переходящего в тоску или страх, неудовлетворенность от постоянного ощущения несправедливости общественного уклада, рождающую апатию или даже неприятие жизни.

Существуют очевидные признаки того, что в современном мире осуществляются скрытые процессы по сокращению численности населения. В частности, Запад с помощью Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) способствует распространению во всем мире кампаний по вакцинациям, явно абсурдным и вредным. Нужно ли поэтому удивляться, что в соответствии с российским прививочным календарем в первый год жизни ребенок должен получить 13 прививок, а всех девочек от 10 до 14 лет призывают вакцинировать против рака шейки матки. Известно, что прививки содержат такие ядовитые вещества, как ртуть, алюминий и их соли, формальдегид. Причем последний является канцерогеном. Соли ртути и алюминия поражают внутренние органы и центральную систему, нередко приводя к деградации сознания или даже смерти. Прививки вирусов животных приводят к деградации генома и поражению иммунной системы. Прививка от туберкулеза (БЦЖ) для новорожденных чревата заболеванием активной формой туберкулеза. Нередко прививки вынуждают делать под угрозой не допустить детей в детский сад или школу, хотя необходимости в таких прививках нет. Это уже нарушение законов РФ. А ведь даже проба Манту с целью выявления туберкулеза чревата обострением хронических заболеваний и ОРЗ при ослабленной иммунной системе.

Массовые и частые прививки нужны прежде всего для финансового благоденствия самих фармакологических компаний. Кроме того, есть и ещё одна скрытая цель, стоящая перед вакцинаторами, — сокращение населения Земли. Перед беременными женщинами ныне ставится обязательная задача — пройти УЗИ. А между тем, известно, что прохождение УЗИ для плода ребенка вредно в связи с повышением температуры плода на несколько градусов. Известно также, что для человеческого организма вообще чрезвычайно опасно воздействие низкочастотных излучений, способных трансформировать биополя. Ультразвук, как выяснилось, пагубно влияет на репродуктивную функцию некоторых живых организмов. И, несмотря на все это, будущие мамы вынуждены проходить УЗИ минимум 4 раза. В результате находят достаточно много поводов для более серьезных и опасных обследований или к прерыванию беременности. Это один из

примеров того, как достижения человеческой мысли могут с успехом использоваться во вред человеку.

Богатейший человек планеты, основатель Microsoft, Билл Гейтс в одном из своих докладов на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь, 2010 г.) сообщил о выделении его Фондом («Фонд Билла и Мелинды Гейтс») 10 млрд. долларов на разработку и доставку новых вакцин для детей в развивающихся странах. Упомянутый Фонд входит в Глобальный альянс по вакцинации и иммунизации (ГАВИ), перед которым стоит задача вакцинации каждого новорожденного ребенка в развивающемся мире. Партнеры ГАВИ — Всемирный банк, ВОЗ, производители вакцин.

В таких условиях одной из главных задач (своего рода, национальной идеей) можно было бы считать рост качества жизни, обеспечивающей сохранение народа. Однако простая формулировка социологами и экономистами целевых программ повышения качества жизни и человеческого потенциала не может считаться достаточной, поскольку нет уверенности, что у нынешнего государства есть силы и желание осуществлять такие программы. Необходима коренная идеологическая переориентация на строительство национального государства и национальной экономики, предполагающие возрождение и укрепление социокультурных основ жизни русского народа. Тогда вместе с русским народом выживут и другие коренные народы России.

Такой переориентации у нас пока не наблюдается. Прорабатывая различные сценарии развития, отдельные представители «научной элиты» России обращаются к наиболее примитивным механизмам встраивания российской экономики в западную модель, в частности, через присоединение к ВТО (Всемирная торговая организация), дабы избежать более пессимистического, по их мнению, сценария, связанного с построением национальной модели хозяйства. Чл.-корр. РАН М.Носов (зам. директора Института Европы РАН) полагает, что Россия будет наращивать эффективность управления, обеспечит развитие производства и сферы обслуживания, в частности, потому, что, вступив в ВТО, она окажется перед необходимостью трансформации системы управления, а через это достигнет демократизации существующих политических институтов. Таким путем будет осуществляться движение по оптимистическому сценарию, исключающему ксенофобию, национализм и «особый российский путь развития», являющимися признаками пессимистического сценария.

Такой взгляд на вещи представляется не просто малоубедительным, но способным разрушить (при надлежащем рас-

пространении) национально-исторические основания цивилизационного развития России. В рамках открытой международной торговли либерально-демократическая Россия может предложить на внешний рынок только сырье, став страной с лишним и постепенно вымирающим населением согласно известным планам Нового мирового порядка.

Естественная история формирования культур (наций) осуществлялась в виде создания региональных систем национальных государств. В пределах национальных государств могли создаваться субкультуры, представленные этническими образованиями. Данные образования могут существовать в виде регионально обособленных ассоциаций, которые иногда трактуют как национально-культурные автономии. Это могут быть, например, деревни или группы деревень и иных населенных пунктов. Причем национальное государство не исключает множества различных этнических образований, существующих в пределах территории данного государства.

Нация представляет собой естественноисторический феномен. В рамках нации люди объединены общей культурой, языком, социально-психологическими особенностями. Все это может быть стимулом к образованию государственной структуры, обеспечивающей территориальное единство нации. Это хорошо понимали И. Кант и И. Фихте. С этими именами связывают рождение национализма как общественно-политического учения. Некоторые исследователи полагают, что именно «национализм порождает образ нации как якобы реально существующей общности». Можно подумать, что нации реально не существует, и что апелляция к этому понятию появляется лишь у тех, кто мечтает о государственной структуре. Нация рассматривается как чуть ли не единственный источник легитимации политической власти. Мысль о национальном государстве таким исследователям представляется неприемлемой уже потому, что в свое время об этом говорил И. В. Сталин, и что отсюда появилась идея образования СССР как совокупности союзных и автономных республик. В этой связи распад СССР некоторым авторам представляется как внешнее выражение «номенклатурной революции» в интересах региональных властей. По этой же причине стали возможными чеченский, ингушский, татарский, марийский и иные национализмы, ответом на которые стал русский национализм, почему-то не приветствуемый российскими властями.

Можно согласиться с тем, что национальные республики целесообразно ликвидировать, переструктурировав территорию России, но это вовсе не значит, что нации являются эфе-

мерными образованиями и что нет чеченцев, татар, якутов, алтайцев и русских. Нация, представляя собой культурную общность, вовсе не нуждается в государственной фиксации, а национализм допустим как любовь к своей нации. Важно лишь, чтобы эта любовь не была эгоистичной. Национальный эгоизм выгоден Западу, стремящемуся к раздроблению России. Однако это вовсе не значит, что нужно отказаться от любви к своей нации и даже от самого понятия нации.

Национализм порой понимают как враждебную и разрушающую страну идеологию. Однако если национализм понимать как любовь к своей нации, то отсюда вовсе не следует неуважение к другим нациям. Подобным образом внутри-семейная любовь не исключает уважение и дружелюбные отношения к другим людям. Важно, чтобы национализм не перерастал в идеологию фашистского толка. Если подобно-го перерастания произойти не может, то и национальные республики внутри государства не обязательны. Забота о сохранении особенностей национальных культур возможна в рамках единой государственной структуры. Так было, например, в рамках Российской империи до революции 1917 года. Феномен угнетения иных национальностей со стороны русских был исключен. А вот создание республик в рамках СССР в конечном счете привело к распаду страны. В условиях империи подобное бы не произошло. Национальные осложнения, как показывает история, возможны как в условиях капитализма, так и в условиях социализма. Если заглянуть в будущее, то конструкция имперского типа могла бы обрести подлинную прочность лишь в условиях кооперативного жизнеустройства. Именно кооперативизм с его механизмом самоуправления в самых широких масштабах дает решение всех национальных проблем при сохранении особенностей национальных культур.

В Российской Федерации, которая имеет полное право называться русским государством (здесь проживает 83% русских), находится, по приблизительным подсчетам, 130 других народов и национальностей. Какая-то часть этих народов проживает в условиях регионально обособленных этнических образований. Подобные образования могут разрастаться до определенных территориальных масштабов. Однако это не может служить препятствием для существования единого русского государства с его возможностями опекать все остальные народы.

К сожалению, случаются и иные вещи. Например, проникновение представителей иудейско-протестантской субкультуры во властные структуры ряда европейских госу-

дарств привело к очевидному нарушению правил естественной истории. Сегодня в Европе национально-государственной форма политического устройства находится в кризисе. Некоторые авторы, обескураженные такой ситуацией, готовы считать национальное государство исторически преходящей формой государственного строительства. Но в таком случае исторически преходящим явлением становится культура, способная существовать лишь в форме регионально обособленных национальных государств.

Существует мнение, что национальному менталитету русских присущ врожденный интернационализм, делающий российское общество открытым для выходцев любых национальностей. В такого рода мнении слышится отголосок марксистской теории общества, устроенного на интернациональных принципах. Не следует забывать об этнических корнях автора этой теории. Присущая русским отзывчивость отнюдь не означает, что они готовы стать космополитами, не помнящими родства и забывшими о своих культурно-исторических ценностях. Всякий, кто сам не является представителем агрессивной культуры, не будет думать, что становление национального государства невозможно без этнической чистки (т.е. уничтожения) субкультурных образований. Традиционный опыт России свидетельствует о том, что различные народы могут жить дружно и в рамках одного национального государства.

Русский народ испокон веков отличался своей соборностью и коллективизмом. В среде нынешних предпринимателей эгоистические и собственнические устремления вытесняют чувства единения и ответственности за общее дело, любовь к своей родине, уважение к людям. Нынешняя тенденция к огораживанию мест своего проживания высокими заборами, нередко с охраной, говорит о многом. Национально-патриотические чувства в подобной ситуации слабеют. В свое время мы нередко полагали, что быть русским значило быть православным. Однако нетрудно заметить, что национальные чувства привязаны не столько к церкви, сколько к сложившимся условиям бытия, к социальным особенностям жизнеустройства. При этом нет особой необходимости разделять территорию государства на систему национальных республик, как это было в СССР. Это хорошо понимали, в частности, в Китае, несмотря на существующую там коммунистическую идеологию. В России же не удалось избежать даже отделения Украины и Белоруссии, не говоря уже о среднеазиатских республиках. Степень развития национальных чувств в обществе во многом зависит от государственной

политики. К сожалению, в нынешней России правительство не склонно проводить последовательной национальной политики. Так было и в СССР, что не могло не привести к развалу страны.

Принадлежность к нации не менее важна, чем принадлежность к государству. И это в полной мере относится к Европе, несмотря на стремление к политической интеграции. Не случайно из последнего конституционного договора между европейскими странами в рамках Европейского Союза (ЕС) было изъято предложение о европейском флаге. Государственное сближение не означает образования «наднациональной Европы». Национальное различие с Турцией и вовсе исключает её вступление в ЕС, хотя некоторые политики муссируют этот вопрос, апеллируя к философии всеобщего гуманизма.

Психофизиологическая сущность человека в значительной степени определяется природно-географическими основами общественного бытия, и в этом плане, пожалуй, лучше осмыслена неторопливым Востоком, чем суетливым Западом. Быть может, поэтому склонность к национальной парадигме развития более свойственна Востоку.

Приверженность своим национальным традициям является важным критерием духовного и культурного роста и нередко выражается людьми в их отношении к своему языку. Так, интенсивное загрязнение русского языка словами англо-американского происхождения (менеджмент, маркетинг, рейтинг, рэкет, дилер и т.д.) являет собой пример вестернизации российской элиты, в массе своей поддерживающей евроцентризм. Поразительно, что в свое время генсек ЦК КПСС Н.С.Хрущев рассматривал отказ от заимствования иностранных слов как проявление шовинизма и высокомерия. И это при том, что многие наши известные классики (А.С.Пушкин, А.П.Сумароков и другие) всегда выступали за чистоту национального языка. Заимствование чужих терминов и слов совершенно не свойственно Китаю. Не потому ли китайская культура до сих пор остается оригинальной и духовно богатой.

Разумеется, соприкосновение с зарубежной жизнью никому не возбраняется, но при этом важно сохранить собственную духовную устойчивость и не забывать о том, что человеческая ценность в значительной степени определяется принадлежностью индивида к определенному народу и неповторимой национальной культуре. И уж совсем не годится широко открывать ворота для западной так называемой «массовой культуры» — этого своеобразного проявления духов-

ной нищеты и вырождения. Лишь к зарубежной классике надлежит открывать соответствующий доступ.

Кстати, тот же Китай полностью переводит на китайский язык русскую классику и знает Россию лучше, чем русские Китай. Во многом это происходит благодаря позиции национальной и политической элиты. За многие годы российское руководство недопустимо мало интересовалось восточными цивилизациями, в том числе культурой Китая. Между тем, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с его цивилизационной исключительностью можно рассматривать как территорию будущего, тем более что США и Европа неумолимо идут к своему культурному закату. Высказываемая в свое время идея общеевропейского дома была вброшена в перестроечную Россию во многом для того, чтобы отвлечь её внимание от набирающего силу Востока.

Китай и Россию во многом сближают национальные философские системы. Любовь и уважение к людям, культ знаний и пропаганда духовной культуры были характерны для философии Конфуция и, несомненно, близки к русским национальным ценностям. Сближение западных научных и технологических достижений с восточной духовной культурой важно для будущего мирового человечества, сталкивающегося с труднопреодолимым комплексом социальных и экологических проблем. Роль России в этом деле могла бы быть исключительной и, пожалуй, даже мессианской.

Транснациональность — основная черта глобалистской тенденции, и уже поэтому «глобалистская культура» лишена исторической памяти, духовно-нравственных ценностей, всего того, что составляет конкретику реальной жизни народов. Нынешняя Россия нацелена на вестернизацию, но следует помнить, что импорт чужой культуры ведет к разрушению собственной системы ценностей. При этом изменить свою национальную идентификацию, стать западным человеком все равно не удастся в силу объективных особенностей социума. В отличие от ввоза чужих товаров импорт культуры попросту чреват цивилизационной катастрофой. Здесь господствует фактор социокультурной несовместимости, аналогичный принципу биологической несовместимости. Опыт насильственной «европеизации» России конца XX — начала XXI века представляет собой попытку её денационализации и, следовательно, разрушения. Актуализация проблемы сохранения национальной идентичности стала в России естественным следствием социокультурной имитации Запада. Очевидно, наша политическая элита продолжает исповедывать тезис К. Маркса об общественном бытии, де-

терминирующем общественное сознание, всячески стремясь к трансформации этого бытия на западный манер. А.С.Панарин писал: «Материя следует за духом и подчинена ему».

В настоящее время неблагоприятная социокультурная среда российской жизни вызывает потенциальное желание эмигрировать из России. Число желающих, как следует из социологических опросов, составляет 28,7% опрошенных граждан. И тем не менее, в России остается живой идея русского мессианизма, лежащая, по сути дела, в основе русской цивилизации. Она не имеет ничего общего с западной стратегией покорения и подавления других стран и регионов. Западная экспансия, длящаяся вот уже пять веков, ничего не может предложить миру кроме мещанских устремлений и потребления жизненных благ. Весьма вероятно, что будущее мироустройство будет некоторым образом ассимилировать российские духовно-нравственные ценности, имеющие непреходящее значение для стратегии экоразвития. Русская культура содержит альтернативу традиционному потребительскому обществу Запада. В ней усматривается возможность гармонического развития науки, хозяйства и нравственности, исключающего экологический кризис. Новая интегративная идеология в рамках российского мессианства могла бы проводиться в жизнь лишь при национально-государственном строительстве в России, противостоящем вестернизации в современном варианте.

Существует тесная логическая связь между культурно-национальной и личностной идентификацией. Поэтому имеет смысл более подробно остановиться на этом моменте. Прежде всего заметим, что самоидентификация личности и собственное самосознание возможно лишь относительно другой личности, и с этой точки зрения самосознание обременено информационным взаимодействием с социальной средой. Можно сказать, что подобно информации феномен сознания является свойством отношения личности с окружающей средой, а не автономным, внутренним свойством этой личности. Человек обнаруживает себя лишь во взаимодействии с социальным и природным окружением. Чувство «Я» есть чувство целостности, единства человека с остальным миром. В конечном счете, человек — часть Вселенной, и эта его характеристика отражается в самосознании, определяя сущностную основу «Я». В известной фразе Р.Декарта «Я мыслю — следовательно, существую» фактически содержится утверждение, что существование есть свойство отношения между «Я» и Вселенной и что характеристикой этого отношения является информационная связь — мышление. Вся-

кий объект тоже составляет единство со Вселенной, и это выражается в том, что всякое его свойство, начиная с массы, является свойством отношения между объектом и Вселенной.

Аналогично обстоит дело с национальными культурами в человеческом социуме. Культурная самоидентификация выражает собой связь того или иного народа с природной и социальной средой. Глобализация несет с собой обезличивание культур и потому разрушает социум. Связность мирового сообщества можно понимать только как результат взаимодействия различных национальных культур, не теряющих, однако, своей самоидентификации. Подобным образом личность не растворяется в обществе, а индивидуальное сознание человека не растворяется в общественном сознании.

В свое время Ф. Достоевский говорил о таком свойстве русского народа как всемирная отзывчивость. Развитие России как национального государства дает возможность вхождения в Россию иных народов без потери накопленных этими народами культурных ценностей и социально-психологических особенностей. Стоит вспомнить в этой связи историю, когда русскому народу приходилось осуществлять таким путем освободительную или защитную миссию. Освобождение грузинского и армянского этносов от угрозы экспансии со стороны Турции и Персии началось в 1783 г., когда Россия утвердилась в Крыму. Уже тогда значительная часть Грузии официально перешла под покровительство России, сохраняя широкие этно-территориальные права (Георгиевский трактат). Одновременно создавались условия для прекращения междоусобных распрей в Закавказье. На принципах добровольности осуществлялась политика освоения среднеазиатских земель, в частности, при проведении там железной дороги к Памиру и Кушке. Под покровительство России перешел Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства.

Ни о каком великорусском шовинизме не может быть и речи. Напротив, в некоторых случаях входящие в состав России народы имели больше прав, льгот и привилегий, чем коренное русское население. Во времена СССР устойчивый рост экономики и улучшение условий жизни имели место в Казахстане и Грузии, Азербайджане и Молдавии, в Прибалтике и других национальных республиках и автономиях, при полном обеспечении национального руководства. Представители различных народов имели определенные преимущества перед русскими в науке, искусстве, здравоохранении.

Аналогичным образом, стратегия вхождения России в глобальный мир, которую разрабатывал ещё В. С. Соловьев, пред-

полагает бережное отношение к иным цивилизациям, включая европейскую. Она менее всего похожа на агрессию, ибо не затрагивает национальную идентичность различных государств, сохраняя их оригинальность. При этом сама Россия будет развиваться как духовно-нравственный целостный организм, поддерживая собственную государственную суверенность, как и суверенность прочих стран мира. Так формирование живого организма из исходной яйцеклетки ничем не мешает обособлению и развитию различных внутренних органов. Совсем наоборот: эти органы функционируют вполне «суверенно», порождая в ходе взаимодействия друг с другом гармонию организмической целостности.

В современной России имеет место усиление вертикали власти, выражающееся в процессах централизации управления и контроля. В этом видится один из способов борьбы с сепаратизмом, угрожающим расчленению России. Параллельно происходит рост русского национального самосознания. Важная черта данного национализма заключается в попытке русского большинства (более 80%) взять на себя ответственность за развитие России и судьбу национальных меньшинств, представляющих собой коренные народы России, связанные с русскими общей историей. Представляется отрядным тот факт, что основная масса представителей армии, МВД, служб безопасности в целом разделяет и поддерживает этот настрой русских людей. Централизация власти проявляется, в частности, и в том, что суды нередко оказываются зависимыми от исполнительной власти, демонстрируя тем самым фактическое разрушение принципа разделения властей. Различные формы поддержки традиционной имперской политики в области государственной централизации и взаимодействия этнокультурных сообществ, которые проявляются во властных структурах и силовых ведомствах, являются свидетельством формирования национальной парадигмы развития в России. Это значит, что коренные народы России должны жить в соответствии со своими культурно-национальными традициями, находясь под надежной государственной защитой в условиях общего политического и экономического пространства. Миф об этнократической модели государства под русским началом и особыми привилегиями русского большинства, якобы культивируемый в нынешней России, является скорее одним из проявлений русофобии.

Идеологической базой всякой политической системы являются традиционные ценности национальной культуры. Порожденная реальной историей национальная культура

обладает свойством внутренней гармонии, эффективности и целостности. Напомним в этой связи, что первейшей ценностью в русской культуре является приоритет духовного над материальным. Духовность нацелена на познание истины в мире, смысла в жизни. Любовь к человеку полагается высшим благом, несущим добро и сердечную теплоту во внешний мир. Отсюда проистекает традиционное русское миролюбие, мессианская функция, стремление нести в себе ответственность за всех, желание делать добро, помогать. Т.Рассади́на отмечает, что все эти черты были присущи русскому человеку ещё до принятия христианства на Руси.

Особенности русской культуры исключительно важны в области социально-гуманитарного знания. Что же касается естественнонаучного знания, то оно со всей его рациональностью всегда казалось недостаточным для удовлетворения потребностей русской души. Более того, рационализм нередко ассоциировался с эгоизмом и инертностью в социальной жизни. Ценности духовной жизни являлись причиной неприязни к богатству и накопительству. Душевное благополучие было всегда важнее материального. Более того, стремление к наживе, по мнению наших классиков, отрывает человека от реальности, от проблем действительной социальной жизни. В области материальных отношений должно господствовать высшее духовное начало. Одухотворенное отношение к человеку в русской национальной культуре является истоком моральных ценностей и нравственного максимализма. С этим обстоятельством теснейшим образом связана и установка на коллективизм, соборность. У русских всегда ценилась любовь к общему труду, непоказная деловитость. Общинные отношения несоместимы со стремлением к роскоши и потребительскими установками. Государство почиталось как сила нравственной власти, которая важнее силы правовых норм. Его единство с народом обязательно. Основные черты политики национальной России таковы:

— Россия в рамках своей стратегии выживания обязана обеспечить рост своего духовно-нравственного потенциала, согласуя с ним развитие норм права. Право должно быть полностью согласованным с требованиями нравственного императива. Моральные ценности следует воплотить в правовых нормах и установках;

— Ради целостности национального государства необходимо пресечение сепаратизма. Допуская культурное самоопределение наций, следует запретить политическое их самоопределение;

— Приоритетность духовно-нравственных ценностей предполагает отработку механизмов сотрудничества государства и общества с использованием институтов самоуправления на разных уровнях властной иерархии. Коррупция и преступность — результат противостояния государства и общества, несоответствия законодательства нравственным ценностям. Наблюдаемое в России пренебрежение к социальному и экологическому благополучию, к социально-правовой защите населения тоже можно рассматривать как результат вышеупомянутого противостояния;

— В рамках восстановленного духовно-нравственного потенциала целесообразно ставить вопрос о прочном союзе славянских народов и введении в единую государственную систему Белоруссии и Украины. Причем народы СНГ в этом случае окажутся в русле стратегических интересов России, обеспечивая её функции евразийской державы и прочное, лидирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

— Разумеется, участие России в наднациональных, омасоненных структурах международного контроля и управления в рамках Нового мирового порядка категорически невозможно. Россия должна понять, что надеяться и опираться следует исключительно на собственные силы, проводя политику разумного изоляционизма и исходя из практических интересов и нужд страны. Идеология глобализации и так называемые общечеловеческие ценности, реализуемые в интересах «золотого миллиарда», нацелены на мировое господство финансовой олигархии и не могут поддерживаться Россией.

Русские культурно-национальные ценности, выработанные ходом истории, формируют определенную социальную среду обитания, которая должна всячески оберегаться, как и природная среда обитания. Этнические ценности любого малочисленного народа должны гармонически сочетаться с ценностями государствообразующего народа. Если этого не происходит, то никаких особых прав для упомянутого этноса не может быть. Влияние такого этноса на вопросы, имеющие стратегическое значение для развития России, должно быть минимальным.

Культ денег, который в современной России всячески навязывается человеку, в конечном счете стимулирует рост финансовых спекуляций и мошенничества. Общество, основанное на культе денег, обречено. Оно неумолимо идет к краху. Государство, которое способствует такому развитию событий, перестает быть национальным. Оно теряет поддержку и доверие своего народа. Силою обстоятельств оно принуждается к укреплению своих силовых структур. Во вне-

шних отношениях обретает значимость военный потенциал, рост которого предполагает прогресс в области технических знаний. При этом гуманитарная сфера не только лишается духовно-нравственной составляющей, но и остается за пределами должного государственного внимания.

Государство возникло в свое время как национальный организм и должно оставаться таковым и далее. В государстве заключена форма и средство национального бытия. Потеря этой функции делает ненужным само государство. Отказ от национального государства в пользу глобализации и образования мирового правительства таит в себе угрозу всеобщего краха (апокалипсиса). Мировое правительство, по своему своему смыслу лишенное возможности отражать культурно-национальные ценности различных народов, не может осуществлять функцию поддержания этих ценностей. Оно перестает быть нужным всем этим народам и может существовать исключительно как средство насилия. Социосфера нашей планеты может существовать не иначе как совокупность национальных образований. Этим своим свойством она напоминает биосферу, существующую благодаря разнообразию биологических видов.

В ходе исторического процесса в России была выработана форма имперского правления, обеспечивающая единство территории в условиях культурно-национального разнообразия. Прочие формы правления, испытанные Россией XX века, оказались менее удачными. Россия, будучи империей, не имела колоний в отличие, например, от Англии. Не потому ли словосочетание «английский индеец» кажется нелепым, в то время как всегда существовали «русские татары», «русские армяне» и т.д. И это представлялось вполне нормальным, поскольку русский народ являл собой самоорганизующий фактор в многонациональном государстве.

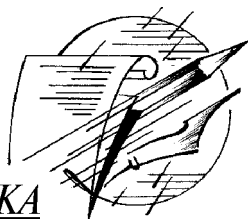
Новосибирск

СЕГОДНЯ РУССКАЯ ИДЕЯ НАЗЫВАЕТСЯ БЕЛОРУССКОЙ

Как навести порядок в стране

Традиционная встреча белорусского президента с российскими журналистами длилась пять с половиной часов. Это было живое, доброжелательное, заинтересованное с обеих сторон общение. О чем бы ни заходила речь, Александр Григорьевич давал точные, откровенные, без дипломатических уверток ответы. Многих интересовало, как белорусам удалось обуздать преступность? Вопрос озвучил наш коллега из Тамбова, прогулявшийся по ночному Минску: «Как вам удалось не только здесь, в Минске, но и в других городах, создать такую спокойную, комфортную обстановку? Вечерами люди гуляют и не боятся каких-то преступных выходов. Похоже, вам и милицию пора распустить...»

— Когда я стал президентом, — сказал Лукашенко, — Советский Союз только что развалился. Страшная была беда. А мы страна транзитная. Наша главная магистраль Брест — Москва и туда — на Берлин... Мне приходят и докладывают: там остановили машину и кого-то убили, автомобиль забрали. Тогда не

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

столько было «мерседесов», как сейчас. Это была редкость, и бандиты сразу же «положили глаз» на эти автомобили и их хозяев. Видят, «Мерседес» едет или «Ауди», останавливают под видом милиции или кого-то еще. Если сопротивляешься, могут убить или покалечить. Автомобиль и все, что в нем, забирают. Я вынужден был принять радикальное решение. Собрали несколько групп, подобрали «крутые» автомобили и устроили ловушки от вашей границы до Бреста. Всех бандитов, кто сопротивлялся, расстреливали на месте. Три таких группы уничтожили. Четвертой не было. И до сих пор тихо и спокойно.

Вернувшись в Москву, я заглянула в интернет. Реакция наших сограждан была одобрительной. «Молодец, Батяка! С отморозками нечего церемониться. Не желают сдаваться — в расход!» «По делам и расплата!» «Мое уважение к Лукашенко от подобных признаний и подобных действий только возрастает. Человек не боится брать на себя ответственность за самые жесткие решения». «Молодец Лукашенко! Нам бы такого президента!»

А что же у нас? В свое время Медведев при всеобщем неодобрении народа переименовал милицию в полицию. И решил, видимо, что таким образом «закрыл» проблему преступности. Сколько денег впустую потратили! И вот наши новости одной только недели: в Волгограде взорвали автобус. Шестеро погибших. В Бирюлево зарезали парня, вступившегося за девушку. Разгневанные жители вышли на улицы. В одном из районов Москвы бандиты напали на инкассаторскую машину... Как говорится, и так далее и тому подобное. Может, пора поучиться у президента Беларуси, как навести порядок в стране?

На пресс-конференции прозвучали такие цифры: за прошлый год в России раскрываемость преступлений упала на 17 процентов, а в Белоруссии она выросла на восемь, хотя и до этого была высокой. Дело здесь, разумеется, не только в том, что когда-то бандитам преподали хороший урок на трассе Москва — Брест. В стране принят целый комплекс мер, обеспечивающих безопасность граждан. Не отменена смертная казнь. Сравнительно недавно к высшей мере были приговорены организаторы взрыва в метро. Почему они должны жить, если из-за них погибли люди, говорит Лукашенко.

«Мы, — продолжает Александр Григорьевич, — наводили железный порядок, подключали общественность. Никому спуска не давали. Никому! Но при этом ты сам должен быть чистым. Если ты борешься с коррупцией, проводишь острые мероприятия и, не дай бог, тебя народ заподозрит... Ведь если

ты, даже будучи главой государства, получил миллион в виде взятки, — этого нигде не спрячешь. Завтра вокруг тебя сформируется слава, что ты такой же бандит, как и они. И тогда ты никогда порядок в стране не наведешь... Так должно быть в любой стране, которая хочет, чтобы у нее был порядок. Так действуем и мы. Все перед законом равны: близкие, которые сегодня перед тобой расшаркиваются возле левой и правой ноги, дальние и прочие. Ко всем отношение одинаковое!»

«Я работаю для людей», — говорит он. Они в ответ называют его Батькой. По-своему, по-родственному, без тени фамильярности. Он и есть для них Батька. Вот пожаловались они ему, что на рынке приезжий народ стал пошалить: забирает у крестьян мясо подешевле и перепродает его по монопольно сформированным высоким ценам. Он дает задание редактору республиканской газеты Якубовичу: поезжай, Павел Изотович, в деревню, зарежь там поросенка и с журналюгой — на рынок. Под видом крестьян. Сделали. А наутро вышла газета, в красках описавшая рыночные будни. И начались, как выразился Александр Григорьевич, «жесточайшие разборки по всем направлениям». Не удержусь, чтобы не привести здесь цитату из новой книги Г.А. Зюганова «Пока не поздно»: «Первое решение, которое необходимо принять немедленно, — обеспечить свободный доступ российских крестьян к продовольственным рынкам. Это позволило бы сельским труженикам получать более высокие доходы, самостоятельно реализуя свою продукцию, а не отдавать свой товар за копейки паразитам-перекупщикам».

Чего не хватает нашей власти — ума, воли, желания — чтобы взять на вооружение этот простой белорусский рецепт?

В прошлом году на Матвеевском рынке столицы произошла дичайшая история. Толпа обнаглевших от безнаказанности торговцев с юга проломил голову полицейскому, пытавшемуся задержать насильника. Со стороны на расправу спокойно взирали двое других наших же полицейских. Их осудили за «невмешательство». Дали смешные сроки. Отрапортовали по телевидению, а дальше — что? Если бы тогда же, по горячим следам, были приняты «жесточайшие меры по всем направлениям», глядишь, и не случилось бы того, что позже произошло в Бирюлево.

Но наша власть благоденствует сама по себе, а народ выживает, как может, тоже сам по себе. И когда этот народ, отчаявшись, выходит на улицы, чтобы по-своему разобраться с обидчиками, власть спохватывается и начинает махать кулаками: найдем и накажем всех виновников беспорядков. Нашли четверых. Как пишет «Комсомольская правда», «про-

тив всех четверых возбуждено уголовное дело по статье «хулиганство». По версии следствия, парни кидали в полицейских металлические урны. Сами они этого не отрицают, но вины в организации беспорядков не признают».

Интересно было бы узнать: а власть хоть в чем-то признает свою вину? К примеру, в том, что в течение длительного времени путь, ведущий на эту злосчастную овощебазу, где хозяйничали наши гости из солнечного Азербайджана, местные жители окрестили «дорогой смерти». Пойдешь, рассказывали они, и если не зарежут, то ограбят, изобьют, изнасилуют. В этом-то кто виноват? Может, парни, взявшиеся за урны, после того как зарезали их ровесника, вступившегося за девушку?

Белорусское село. Мечта, претворенная в жизнь

Помнится, год назад, вернувшись из Белоруссии, я уже писала, что сельское хозяйство наших соседей обеспечивает своих сограждан тонной зерна. Каждого. Специалисты знают — это высокий показатель. Такая же картина по мясу, молоку, сахару, картофелю. Белорусы способны досыта накормить не только себя (их десять миллионов), но и еще столько же народа. А пока лишняя продукция сельского хозяйства нарасхват идет в России. Ценят ее и в странах ближнего зарубежья. Например, на Обуховском мясокомбинате колбасу делают по старым советским рецептам. Без добавок и только из охлажденного мяса. Потому и спрос такой.

Например, для нас показателен опыт ОАО «Старица-Агро». Белорусское хозяйство получает кредиты под 2—3 процента годовых. Сельхозугодьями владеет государство, с которым у акционерного общества договор аренды... на 99 лет. Таким образом исключена опасность рейдерского захвата земель. Что еще? Специалистов обеспечивают жильем с последующей его приватизацией. Молодежь учат в вузах на стипендии хозяйства. Условие одно: вернуться сюда на работу.

Сошлюсь еще на один пример. Личный. Во время поездки по Гродненской области наша группа посетила сельскохозяйственный производственный кооператив «Обухово», которым руководит Герой Социалистического Труда Илья Петрович Сенько.

«Обухово» — крупное многоотраслевое хозяйство. На протяжении многих лет урожайность зерновых составляет здесь не менее 70 центнеров с гектара. Высокие показатели обеспечивают не только новые технологии, но и современная техника своих и зарубежных производителей. Надой молока на

корову в последние три года держится на показателе 7300—7500 килограммов, а его рентабельность достигла 80 процентов. В Белоруссии на молочно-товарном комплексе «Баторовка» я впервые увидела, как роботы доят коров. Впечатляющая картина.

В России много говорят о модернизации. Это стало чем-то вроде заклинания. А между тем износ оборудования многих наших предприятий составляет 75 процентов. Сравните: Обуховский мясокомбинат, принадлежащий сельскохозяйственному кооперативу, оснащен современным оборудованием австрийской фирмы «Ласка».

Ошеломляющее впечатление производит в Обухове состояние так называемой социальной сферы. Во-первых, сам агрогородок напоминает картинку с какой-нибудь красочной открытки. Цветы, газоны, плитка на тротуарах. И всюду чистота. Но это, можно сказать, уже стало фирменным знаком белорусской действительности. За последние пять лет хозяйств вложило в благоустройство агрогородка более пяти миллиардов рублей. В перечне объектов, призванных обеспечить обуховцев всем необходимым, не хватает... церкви. Но и этот «пробел» скоро будет ликвидирован. Начато ее строительство. За счет средств СПК.

Особая забота — о детях. Ясли-сад посещают 150 ребят-шек. Говорят, Лукашенко не разрешает вводить в строй детские дошкольные учреждения без бассейнов. Чтобы смена росла здоровой. Есть свой бассейн и у здешних малышей. А еще — музыкальный и физкультурный залы, медицинский центр, физиокабинет, уютные комнаты.

Для тех, кто постарше, сеют «разумное, доброе, вечное» не только в общеобразовательной школе. Есть еще школа искусств, которую посещает 120 детей. Их обучают — на выбор — игре на фортепиано, скрипке, гитаре, виолончели, баяне, аккордеоне, домбре, цимбалах. Открыто художественное отделение.

215 юных обуховцев занимаются в детско-юношеской спортивной школе. Здесь приоритет волейболу, плаванию, вольной борьбе. В 2011 году местная команда вошла в высшую лигу чемпионата Белоруссии по волейболу. Воспитанники школы демонстрируют спортивное мастерство не только на площадках своей страны. Они занимали 2-е место среди кадетов на чемпионате Европы, и 5-е — на чемпионате мира. Вот это и есть современное белорусское село.

Хотела уже поставить точку... Но как не рассказать про Обуховский Центр культуры и досуга. Это современное здание. С библиотекой, концертным залом на 500 мест, залом

торжественных обрядов. Раньше бы это сооружение назвали Дворцом культуры, теперь звучит скромнее. Но мастерство здешних артистов не всякому Дворцу по плечу. Нас покорила своим исполнением ансамбль белорусской народной песни «Рукавички», а юные артисты танцевального ансамбля «Лялечки» не посрамили бы честь белорусского искусства и на сцене Кремлевского Дворца съездов.

Сразу хочу отметить возможное недоверие к столь впечатляющей картине. Открывая пресс-конференцию, Александр Григорьевич Лукашенко подчеркнул: «Специально для вашего приезда мы не ретушировали действительность и не возили вас по образцово-показательным агрогородкам или предприятиям. Вы видели реальную картину — то, как живет Беларусь каждый день. Ну, конечно, пол подмели, как и любой хозяин, ожидая гостя. В остальном — все, как есть».

Многие из нас не раз и не два бывали в многодневных поездках по Белоруссии. И везде одна и та же, радующая глаз, картина. Поля вспаханы и засеяны. Коровы ухожены, дороги заасфальтированы. Безработицы нет. Мигрантов не видно. Не случайно за последние пять лет в Белоруссию переехали на постоянное жительство 35 тысяч наших сограждан.

Но ведь не сразу же пришло к белорусам это изобилие. Не само собой. С чего-то же пришлось начинать. Привожу с небольшими сокращениями ответ на эти вопросы Александра Григорьевича Лукашенко:

— *Главное — мы не разрушили крупнотоварное сельскохозяйственное производство. Мы не приватизировали сразу землю, основные средства и так далее. Этим самым мы и спасли село. В этом пресс-туре вы были на молочно-товарном комплексе, где тысяча голов скота. А что такое тысяча коров, которых надо доить? По-моему, вы посещали роботизированное предприятие. У нас в каждой области уже не один десяток таких производств. Я скептически раньше относился к этому. Думал, ну, роботы, когда мы до них доживем... Но когда построили первую ферму, я поехал и посмотрел, как доит коров робот. Был потрясен и дал команду, чтобы развивали свое производство этих роботов и строили дальше эти фермы.*

Согласитесь, это высший уровень. Корова к порядку привыкает, в очередь становится, чтобы подоили. Если не подойдет вовремя, то ее компьютер туда не пустит.

Мы начали очень массированно все это делать. Но возникла проблема. Тысяча голов — это комплекс крупнорогатого скота со всем шлейфом — сухостой, телятки, доразщивание и так далее — сколько надо земли! Наши бывшие крупные колхозы и

совхозы не справляются. Трудно одному хозяйству обслужить такой комплекс, да еще пару мелких ферм. И встала необходимость укрупняться. Если у нас в районе раньше было 22—25 колхозов, совхозов, то сегодня 10—12 осталось. Укрупнения сама жизнь потребовала. Ведь этим комплексам нужна кормовая база, нужна земля. И то, что мы не пошли по пути раздачи земли и приватизации, нам помогло создать сверхкрупнотоварное производство. У нас хозяйство, где 8—10 тысяч гектаров земли, — это норма. Есть некоторые, у которых и по 20, и по 25 тысяч. А кое-кто замахнулся уже, чтобы к одному району и другой присоединить. Мы и на это пойдем, если увидим, что хозяйство потянет такие площади.

Поэтому направление такое: крупнотоварные хозяйства, где много земли, где можно сконцентрировать ресурсы, энергонасыщенную технику... Мы создали трактор гораздо эффективней «Кировца», энергонасыщенный, пользуется хорошим спросом.

Крупнотоварное сельское хозяйство позволяет сконцентрировать и соответствующую технику. Мелкое — не рентабельно. Ну что там, 50 гектаров и такой энергонасыщенный трактор. Разве это дело? Есть, правда, у нас и такие. Мы начали для них маленькие тракторы делать. Если раньше «МТЗ» выпускал 2—3 номенклатуры тракторов, то сегодня — 81, начиная от «детских» и заканчивая гигантскими, эффективными.

Ну и потом, мы ведь в зоне критического земледелия находимся. Кукурузу на зерно трудно вырастить, а мы пробуем и выращиваем. В этом году 2 миллиона тонн примерно получим. Мы даже семена кукурузы научились производить у себя на юге Беларуси. Уже не покупаем, как раньше. Почти 30 процентов в этом году от зернового хозяйства получим только кукурузы. Кроме силоса и прочего. Это победа.

Я ведь сам сельский человек, работал на селе. Знаю эту жизнь не понаслышке. Что такое деревня? Это не просто какой-то поселок, где живут люди. Это особый уклад жизни. Я всегда говорю: для Беларуси, да и для России, село — это основа государства. Если мы потеряем деревню и людей — не будет у нас нормального государства. И мне, решая в свое время этот вопрос, идя на модернизацию сельского хозяйства, главным было — сохранить человека на земле. А для того, чтобы сохранить, надо, чтобы молодежь там хотела жить и работать. Да и не только молодежь. А для этого надо, чтобы теплая вода была, чистый асфальт, как в городе, чтобы детей можно было искупать в ванне. И мы создали агрогородки. 1480 агрогородков. Это поселки. Мы сейчас будем кое-что шифовать, доделыв-

вать, но ядро уже есть. А вокруг этого агрогородка — производственные помещения и массив земли в 20 тысяч гектаров. Вот это эффективность.

Ну а дальше создавать надо компании по реализации продукции. Крупные компании. Сначала шесть или семь, а потом, может, и две гигантские создадим, которые будут продавать молоко за пределы страны. Эта работа четко координируется и контролируется министром сельского хозяйства. А у вице-преьера главная задача — продать продукцию. Я могу ночью его поднять и спросить — какая цена на молоко, на мясо, куда проданы последние партии, по какой цене, как рынок складывается? Он это все знает. Полная координация. Мы на биржу сейчас продукцию отдаем и по биржевым ценам торгуем. То есть как складывается мировая цена на молоко, на мясо, на зерно, на муку и так далее. Это целый блок. Мы не разрушили потребкооперацию. Я понимал, что если мы ее уничтожим, на селе не будет торговли. Какой частник пойдет обслуживать деревеньку, где живет 50 человек? Какой там товароборот, какая прибыль... Мы поддержали наш «БелКоопСоюз». Они строят на селе магазины, содержат автолавки. Конечно, могут быть какие-то недостатки, куда-то в глухую-глухую деревеньку хлеб вовремя не завезли. Но я не помню за последние годы ни одного серьезного случая. Все — на контроле. Мы нормально обслуживаем сельское население.

Ни в коем случае нельзя потерять управляемость. Ни в коем случае! Говорят, стихийный рынок все отрегулирует. Да его нигде нет. Япония — суперрыночная страна — составляет в год около двух тысяч планов. Они всё планируют. Когда я не знал, как делать, то слушал Запад и делал наоборот. Потому что знал: мы — конкуренты, они нам ничего не порекомендуют хорошего. Скажите, что плохого в том, что мы в Советском Союзе наперед всё планировали? Так планируют все! И в Америке ведомства планируют. А нам говорили: нет никакой экономики плановой, плановая экономика — это плохо... Чепуха! У нас и пятилетнее планирование, и ежегодное планирование есть. И я не считаю, что это плохо. Ну а село — это самое тяжелое, что предстоит России. Самое тяжелое!

Назову здесь еще одну цифру, прозвучавшую на пресс-конференции: за две пятилетки в сельское хозяйство Белоруссии было инвестировано больше 40 миллионов долларов.

А ведь пойдя мы тогда — в роковые девяностые — той же дорогой, что и белорусский президент, не было бы сейчас в сельской местности картины, про которую кто-то сказал: «как Мамай прошел». В советские годы двухмиллионная Омская область производила столько продукции, что могла

прокормить зерном 19 миллионов человек, молоком — более 4 миллионов, мясом 3 миллиона, картофелем — более 5 миллионов.

В Обухово нам показали молочный комплекс на 1000 голов, а у нас в совхозе «Ленинский» был комплекс на 1200 голов. Роботов, конечно, не было. Думаю, тогда их не было ни у кого. Но производство молока было поставлено на промышленную основу. Такой же комплекс существовал в совхозе «Золотонивский», других хозяйствах.

Как белорусам повезло с Лукашенко, так и омичам в свое время повезло с Манякиным, возглавлявшим Омскую область без малого четверть века.

Ушедший на фронт добровольцем в 18 лет, служивший в морской пехоте, участник знаменитого Керченского морского десанта, он был человеком еще той, фронтовой закалки, суровым и требовательным.

Возглавивший сибирский регион еще совсем молодым человеком, он за несколько лет вывел сельское хозяйство области на высочайший уровень: была реализована специальная программа обустройства села, шла целенаправленная работа по подготовке кадров, были введены новые технологии земледелия, развивалось животноводство. В манякинские годы из Омской области продовольствие поставлялось в 72 региона СССР.

Как и белорусский президент, Манякин в первую очередь думал о людях. Они чувствовали это и платили ему искренней признательностью. Когда в 1985 году его перевели в Москву на должность председателя Комитета народного контроля СССР, туда посыпались телеграммы омичей с требованием: «Вернуть нам Манякина».

В день 90-летия Сергея Манякина, 7 ноября 2013 года в Омске откроют ему памятник.

Манякин, как и Александр Григорьевич, был сельским жителем, агрономом по образованию и профессионалом высочайшего класса.

Напомнить об этом меня заставило очередное «откровение» Д.А. Медведева: мол, в Советском Союзе не было откормочных хозяйств.

Услышав это в Омске, люди недоуменно развели руками, а мне захотелось по горячим следам сослаться вот на эти строки из книги Героя Социалистического Труда С.И. Манякина «Сибирь далекая и близкая», вышедшей из печати в 1985 году: «Колхозы и совхозы, главным направлением которых стало молочное производство, освобождены от забот по откорму молодняка на мясо. Эта обязанность возложена на 22 специ-

ализированных хозяйства». В области даже ухитрились создать племенной совхоз по выращиванию канадских герефордов. Манякин долго обхаживал министра сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевича. Наконец тот сдался: «Попробую помочь. Хотя ваша затея будет стоить не меньше 10 миллионов». «Большое дело стоит больших денег», — отшучивался Сергей Иосифович. Завезли из Канады герефордов, которые вполне комфортно чувствовали себя в суровых сибирских условиях, и дело пошло. Вскоре «Юбилейный» — так назвали новый совхоз — начал продажу племенного скота. Снабжали им хозяйства от Прибалтики до Дальнего Востока.

Кстати сказать, в народе все острее ощущается ностальгия по прошлому.

Зашла об этом речь и на пресс-конференции. Началось все с полушутливого диалога президента с нашим молодым коллегой, корреспондентом телерадиокомпании «Пятый канал» и переросло в серьезный, откровенный разговор.

«Я — человек советский»

Корреспондент: Александр Григорьевич, многие говорят и даже ставят вам в вину то, что вы хотите в Беларуси сохранить дух Советского Союза. Тут уже говорили и про плановую экономику, и про большой госсектор, но дело даже не в этом. Мы как-то оторвались от пресс-тура и просто проехали в общественном транспорте. Все, как в советские времена: кондуктора нет, зато сохранились компостеры, уже подзабытые...

А.Г. Лукашенко: Надо, чтобы кондуктор был? Так кондуктор и в советские времена был.

Корреспондент: Но всё на доверии. Это подкупает... Скажите честно: Вы скучаете по СССР?

А.Г. Лукашенко: Я не просто скучаю, я — человек советский. Я вырос в этой стране. Хотя от той системы мне сполна досталось. Меня чуть из партии не исключили в свое время. Вы знаете — что такое исключить из партии, а я руководителем работал? Это пятно на всю жизнь. Было несколько выговоров, в том числе с занесением в учетную карточку. Правда, позже оказалось — в райкоме партии не записали.

Корреспондент: Наверное, знали, что президентом будете.

А.Г. Лукашенко: Наверное (*смеется*). Я это нормально воспринимаю. Было всякое. Сейчас система в целом не лучше. Где-то проще, можно из подворотни «гавкать», можно оскорбить президента — и тебе ничего не будет. Раньше это было

невозможно. Но есть и много гораздо худшего... Я — единственный депутат, который голосовал в нашем парламенте против развала Советского Союза. Я действительно очень переживал и переживаю сейчас. С Михаилом Сергеевичем Горбачевым встречаюсь иногда. Поругивая его, когда он сейчас начинает невпопад что-то говорить, не всегда получается красиво, он начинает себя обелять. Я ему говорю: «Ну зачем ты это делаешь, ведь люди тебе оценку уже дали, и когда ты будешь оправдываться, что-то говорить, это не значит, что поменяется общественное мнение». Но если бы лично для меня не было Горбачева, я бы президентом не был точно. Если бы сохранился Советский Союз, у нас вообще не было бы президентства в стране. Но это ничто по сравнению с развалом Советского Союза.

Кто-то сказал, что я уже «древний президент». Правильно сказал. 20 лет работаю в этой должности. Постоянно сравниваю: так было тогда, так сейчас. И за что ни возьмись, ведь ответ один — «не хватает Советского Союза». Если бы этой страной нормально управляли... Я уже как управленец, извините, высокого уровня понимаю, в чем причина распада Советского Союза. Самое главное, этим отчасти и в нынешней России страдают — вы не умеете ценить людей. Если человеку плохо, у него нет хлеба, стиральных порошков, за которыми мы с вами, кто постарше, стояли в очереди, а некоторые из заднего угла заходили и выносили, что хотели... Была несправедливость и перекосы. Ведь в экономике, создавая хорошее и гигантское, забыли о простых людях. Этим не занимались. Ну что, Советскому Союзу трудно было построить две мощнейшие фабрики по производству суперсовременных стиральных порошков? Пришли бы любые западники, вложили деньги и построили. Стирайте... И проблему бы сняли.

Я помню, какая была вспышка негодования... Неужели тогда надо было ЦК партии повышать себе зарплаты, в пику обездоленным людям? Можно же было потерпеть. Нет, в два раза повысили. Бездумно делали, не уважали людей. А их надо ценить. И тогда люди к власти будут относиться терпимее. Будут бурчать, будут чем-то недовольны, но внутри они люди нормальные, поймут, что не сегодня, так завтра все наладится.

Это главная причина. Я не говорю уже о том, что на нас давили, к распаду этому подталкивали. Ну разве же это нормально — в Беловежской пуще собрались троим... В нарушение Конституции! Я предлагал тогда: «Слушайте, не надо против них воевать, там все любят выпить. Давайте им еды

туда отвезем, пускай кормятся, пьют. Огородим их колючей проволокой». Нужна была только команда из Москвы, и КГБ Беларуси осуществил бы эту операцию. Два часа — все были бы за забором. Пусть выпивают там, в бане парятся. Приедете в следующий раз, мы вас завезем в Вискули, покажем резиденцию, где все происходило. Это же надо так — собрались втихомолку, все обрушили. И ни у кого не хватило силы воли приостановить это. А сейчас, куда бы я ни поехал, везде один разговор: «Нет Союза. Нет альтернативы. Мир стал однополярным». Вы посмотрите, до чего договорились: американцы — исключительная нация... Это пахнет серединой прошлого века! Мы знаем, к чему приводит такая исключительность. 50 миллионов человек угробили с этой исключительностью!

Если бы был Советский Союз, не полыхал бы Ближний Восток, войны бы в Ливии и Сирии не было. Не переговоры бы вели. Там бы стояли наши авианосцы, и никому бы в голову не пришло воевать. А сейчас говорят: альтернативы нет. Поэтому как я могу не переживать, не жалеть, сравнивая то, что было тогда и что имеем сейчас?

Не все у нас было плохо. И я вижу все больше и больше молодежи, которая говорит: «А вот у нас в той стране было так...» Поэтому да, ностальгия большая, как у многих сидящих за этим столом, кто жил в Советском Союзе, кто знал, что такое Советский Союз. Пройдет немного времени и, наверное, мы окончательно дадим оценку всем этим процессам.

К разговору подключается журналист из Воронежа А.И. Соловьев: «Вы сказали, что вы советский человек. Я беру на себя смелость сказать, что в подавляющем большинстве присутствующие здесь тоже советские люди, и мы все хорошо помним, чем гордилась наша страна. Сегодня все эти позиции практически утрачены. Но страна без национальной гордости жить не может. Поэтому нам сегодня усиленно прививается необходимость гордиться тем, что мы занимаем первое место с мире по экспорту газа. Нас учат гордиться страной по причине того, что мы занимаем первое место по поставкам газа в Европу. Как твердят телевизионные ролики, у нас хорошее будущее, потому что мы открываем новые рынки и маршруты поставок».

Как говорится, без комментариев. Но чтобы не заканчивать эту часть разговора на столь удручающей ноте, приведу ответ Александра Григорьевича на вопрос: чем он как президент республики Беларусь может по праву гордиться?

«Горжусь тем, что я, — сказал Лукашенко, — президент у этого народа, что он меня избрал. Это искренне и это правда.

Могу себе и моим коллегам поставить в заслугу то, что мы создали свое государство, суверенное и независимое. Люди даже не мыслили, что это возможно. Психологически, ментально народ к этому не был подготовлен. И мы из разрухи, подхватив страну на краю пропасти, какую страну — обломок, сохранили ее, людей одели, накормили, очистили, отмыли. Насколько могли, модернизировали производство. Вот единственное, что я могу себе в заслугу поставить, а все остальное народ делает. И государство мы тоже создавали вместе, не я один. Просто мне выпало счастье идти впереди в этом процессе».

Наша общая война и Победа

Открывая пресс-конференцию, Александр Григорьевич сказал, обращаясь к собравшимся: «Если бы не вы, то, наверное, в России очень мало бы знали о Беларуси. Поэтому моя единственная цель встречи с вами и ваших командировок в Беларусь, чтобы вы ее показали такой, какая она есть. Чтобы русский человек, живя до Урала или за Уралом, на Дальнем Востоке, знал, что здесь живут крепкие люди, с крепкой дружбой, хорошим отношением к русскому человеку, россиянину. Абсолютно ничего после той страшной войны, где мы вместе умирали в окопах, не изменилось».

И вот я еду по Гродненской области и с волнением читаю на указателях знакомые названия: Новогрудок, Волковыск. Вот дорога пошла на Белосток, за который сложил голову выпускник Омского пехотного училища полковник Петров, заместитель командира дивизии. А 13 июля 1944 года здесь, на Гродненской земле, погиб командир дивизии Ян Янович Фогель. Оба помянуты удостоены звания Героя Советского Союза. Оба покоятся в местечке Дятлово. Я попросила пресс-секретаря губернатора Виктора Павловича Железняковича прислать мне фотографию. Думалось, прошло почти 70 лет, как там эти могилы? Посмотрела. Могилы утопают в цветах, над ними возвышаются два бюста со знакомыми лицами. И пионеры в красных галстуках стоят в почетном карауле.

А теперь — о дивизии. Это была Омская 308-я стрелковая дивизия. В 1942-м она ушла из Омска в Сталинград. Защищала завод Баррикады. Это было направление главного удара немцев. Есть очерк Василия Гроссмана, который так и называется «Направление главного удара». «Количество бомб, — писал он, — сброшенных немцами на дивизию Л. Н. Гуртьева, исчислялось цифрой с четырьмя нулями... Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и

металлом можно было сжечь государства. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело — люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильнее и спокойнее... Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и ее людей, героизм стал будничной, каждодневной привычкой, героизм всюду и во всем». Прочитав очерк, Сталин наложил резолюцию: ознакомить всему командному составу. Речь шла об Омской дивизии. Она стояла там насмерть, не позволив немцам пробиться к Волге.

В Бобруйской операции ее опять поставили на направлении главного удара. К этому времени она называлась уже: 120-я гвардейская стрелковая Рогачевская Краснознаменная дивизия. Участник тех сражений генерал Ивашечкин позже писал: «Вечными узами связана теперь история наших соединений и частей с Советской Белоруссией. Белорусские города сохранились не только в нашей памяти. Их имена присвоены большинству наших соединений и частей — Гомельских, Рогачевских, Бобруйских, Волковысских. На белорусской земле остались дорогие нам могилы».

Наверное, нигде так трепетно не относятся к памяти о войне, как в Белоруссии. Рассказ о дивизии требует некоторых уточнений. Сейчас это одно из лучших боевых подразделений Белорусской армии. 120-я гвардейская мотострелковая Рогачевская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова бригада имени Верховного Совета Белорусской ССР.

Участник тех давних боев генерал Василий Егорович Корнеев рассказывал мне, как они пешим ходом возвращались из Берлина, оставив на рейхстаге свои подписи. Местом новой дислокации стало Уручье — местечко под Минском. Там они не только продолжали службу, но и помогали отстраивать разрушенный Минск. Теперь это наша общая бригада. Своим днем рождения она считает 1942-й год, когда полковник Гуртьев увел свои сибирские полки в горящий Сталинград. В прошлом году наша небольшая делегация во главе с маршалом Язовым побывала на юбилее бригады. Принимали нас по-родственному. А белорусские генералы обращались к Дмитрию Тимофеевичу как к своему военачальнику: «Товарищ маршал Советского Союза...» Куда же мы друг без друга? У нас общее прошлое и, хочется, думать, общее будущее.

На пресс-конференции не могла не зайти, речь об этом. Приближается новый юбилей нашей Великой Победы. Мно-

гих тревожат непрекращающиеся попытки принизить вклад Советского Союза в разгром врага. Журналисты предложили президенту провести серию совместных мероприятий, посвященных участию наших народов в совместной борьбе с врагом, Победе, за которую пришлось заплатить слишком дорогую цену. В Белоруссии погиб каждый третий житель. Россия отдала на этот алтарь миллионы жизней. По мнению журналистов, подобные мероприятия помогли бы кое-кому освежить память и, конечно, способствовали бы патриотическому воспитанию молодежи.

Александр Григорьевич моментально подхватил идею: «Любые мероприятия! Мы к этому не только подключимся, но будем главными инициаторами, а если нужно, то и проводниками этих мероприятий. То, что в Беларуси делается, вы, наверное, видели, знаете. У нас есть музей Великой Отечественной войны. Мы создали проспект Победителей. Туда сейчас переносим новый музей Великой Отечественной войны. Это будет самый современный и самый крупный в Европе музей Великой Отечественной. Там, у этого музея и у Стелы Победителей, у Стелы городу-герою Минску мы проводим все торжественные мероприятия: и праздник Победы, и парады. У нас в Беларуси молодежь помнит и знает, что такое Великая Отечественная война и чего она нам стоила. Когда я стал президентом, то, выступая у военных, как обычно, 23 февраля, сказал: обратите внимание, у нас хотят отнять нашу Победу, отнять и показать, что не мы были защитниками, не мы защитили от «коричневой чумы» Европу и весь мир в том числе. Если бы Советский Союз тогда проиграл эту войну, то Америке было бы жарко. И она не удержалась бы. Гитлер стоял на пороге создания ядерного оружия. Хватило бы всем от этого маньяка.

Я сказал об этом на всю Европу. А тут только Советский Союз развалился, экономическое положение тяжелое, Борис Николаевич говорит мне: «Слушай, ты, может, как-нибудь поаккуратней с ними». Я отвечаю: «Борис Николаевич, не могу, мы каждого третьего человека потеряли в этой войне, искалечили, сколько умерло после войны. Треть населения! Как можно об этом молчать?!» Вот слово в слово. Это было непопулярно, и в той же России тогда. Мы с тех пор не изменились. Мы следуем тем же курсом.

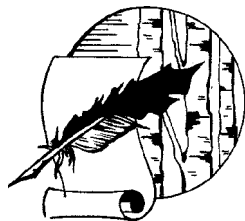
А для того чтобы сохранить память о войне, о подвиге наших народов, мы с вами должны не просто помнить, не просто отдавать дань этой Великой Победе, мы каждый день, каждый час должны воспитывать своих детей, внуков, у кого они есть, рассказывая об этой войне. Я вам из своей жизни

могу привести пример. Каждый вечер, когда мне приходится укладывать своего малыша спать, он мне говорит: «Так, телевизор нельзя смотреть? Ты мне будешь рассказывать историю». «Что, опять про войну?» — «Опять про войну». Я говорю: «Коля, у меня уже нет историй этих». Каждый вечер про войну... Это пацаненок в третьем классе, а ему про войну и про войну.

Хочу сказать, что его уже сейчас не надо поворачивать к тому, что была война и что фашисты нам нанесли огромный урон. Если включаем телевизор, он сразу шелкает каналы: «Так, папа, посмотрим, что на «Звезде» (знаете, «Звезда», патриотический канал, удивительно, что в России есть такой канал откровенный). Он смотрит особенно фильмы военные...»

Недавно свою молоденькую племянницу я свозила в Хатынь. Ходила она с фотоаппаратом по этому скорбному месту и из глаз у нее ручьем катились слезы. Прав Александр Григорьевич, основы патриотизма закладываются в семье.

Покидали мы Белоруссию с ощущением, что оставляем здесь близких людей и что впереди у нас с ними будет еще не одна встреча.

Владимир СМЫК

НАД РАДОСТЬЮ ЗЕМНОГО БЫТИЯ

* * *

Испепеляющие годы.
А. Блок

Не видя, не помня друг друга,
Отчаянье в сердце храня,
Мы отняли руки от плуга,
Под яростный крик воронья.

Не видя друг друга, не помня,
В урочный, но проклятый час
Уходим мы с русского поля
В тот день, что за нами погас.

И в полночь с небесного свода
Нам путь не укажет звезда,
Рожденным в великие годы,
Пропадшим в глухие года.

КУКУШКА

Любимая пора. Заполнят старый сад
Веселой стаей молодые листья,
И майский вечер нежно осветят
Цветущие сиреневые кисти.

Не дожидаясь ночи, соловей
Начнет свое бельканто в ближней в роще,
Прекрасна жизнь, и ты в союзе с ней,
Исполненной и сладости, и мощи,

И знаемых от юности чудес;
Пить можно и не с горя — вот и кружка...
Вдруг с высоты, едва ли не с небес
Подаст сиротский голос свой кукушка.

Над радостью земного бытия
Он зазвучит уныло, одиноко,
Разгадку наших судеб не тая,
Определяя времена до срока...

НОЧНОЙ МОТЫЛЁК

В лучах заката рыба над стремниной
блеснула чешуею золотой;
Хор малых птах в ракитах над рекой
светило проводил руладой длинной

и замолчал до утренней зари —
что им прикажешь делать ночью южной,
цикадам и сверчкам одним не чуждой?
Зажглись вдоль тихих улиц фонари.

Включаю свет и я. Под потолок
к плафону, словно к солнечному диску,
летит себе, не думая о риске,
летит, как пепел белый, мотылек.

Он не порхал над розой жарким днем,
как бабочки, не радовался солнцу,
спал где-нибудь под розовым кустом,
и вдруг — ко мне, увидев свет в оконце.

Сужает всё опаснее круги
мой гость ночной. Как всё же странно это:
проспав источник истинного света,
к лучам тянуться, но совсем другим.

Что за самоубийственная страсть,
лезть в щель меж потолком и абажуром,

решая дело безнадежным штурмом
стеклянного светила, чтоб упасть
на дно плафона, крылья опалив.
Еще минута — он уже не жив.

Душа моя, а час ведь недалек,
учись у рыб, у птиц. Свет видевши вечерний,
воздай хвалу Творцу, сосуд скудельный.
Не то сторишь, как этот мотылек.

* * *

Вас Жванецкий не смешит?
Значит, вы антисемит.
Вас от Познера тошнит?
Вы вдвойне антисемит.
Тот, кто в ящик не глядит,
Тот тройне антисемит.
Ну а кто про Русь твердит,
Тот такой антисемит,
Для которого слова
Лишь в статье 2-8-2.

* * *

Вдруг судьба моя, став расторопной,
мне стезю проложила удачно:
оказался я в сердце Европы,
мерно бьющимся, тёплом и злачном.
Тротуары здесь вымыты с мылом,
на дорогах здесь нет наших рытвин,
за деревьями белые виллы
дорогой черепицей покрыты.
И по делу, и праздно без толку
здесь народ суетится дородный,
всем обильна земля эта... Только
в ней Креста не увидишь Господня.
Разговаривая с небесами,
тянут шпили церковных зданий
не кресты, а шары с шипами:
«Не хотим никаких страданий.
У людей наших гладкие лица.
У людей наших жесткие выи.
Нам ходить под Крестом не годится.
Пусть останется Крест в России».

Если же кто о своих... не печется, тот
отрекся от веры и хуже неверного.
(1 Тим. 5;7)

В древнем храме поклоны кладешь,
И не лях вроде ты, и не турка.
А борцов за народ свой зовешь:
Шовинисты, придурки.

В храме хор монастырский поет,
Из апостола Павла читают,
А Руси православный народ,
Словно свечка в руках твоих, тает.

Ты спортивен, и ладен, и лих,
И с Ангелой немецкою дружен...
И читает монах: «Кто не любит своих,
Тот неверного хуже».

ИМПЕРАТОР

Как в серебряные застучишь ты свои молоточки,
И алмазный бурав повернешь в купине там, где полночь
темней,
Тотчас брошу перо, не уважив строку свою точкой,
И пойду в подмастерья проситься к тебе, соловей.

А когда над лесною поляной ударишь картечью,
Далеко разнося пламенеющих звуков пунктир,
 Попрошусь я тогда на родном нам обоим наречье
В рядовые солдаты к тебе, господин бомбардир.

Я люблю разных птиц, и скворца мне мелодья известна
Переливчатая — так ручей в жаркий полдень течет —
Вся она в обаянии с детства знакомого места,
У тебя, государь мой, характер и голос не тот.

...Заметались вороны, пугаясь колес перестука,
поезд крикнул — и все, что вдоль насыпи, бросило в дрожь.
Ты же, доблестный мой, на секунду труда не прервешь:
Пусть его пошумит, тебе надо работать над звуком.

Камертоном твоим — луч высокой Полярной звезды.
Не чужой ты под чашей луной осененного свода.

Император ты мой, голос твой покоряет народы.
Собирай же Россию, воздаст тебе Бог за труды.

Над излуками рек, над изгибами долгих путей
Воцарись, самодержец, в цветущих весенних хоромах,
Посылай по зеленым волнам в белой пене черемух
Свою трель, мореплыватель.

Труженик.

Царь.

Соловей.

Михаил ТИМОНИН

Стихи Михаила Тимонина (1910—1977) нам в редакцию прислал молодой прозаик Антон Лукин. Он сообщил, что поэт жил в селе Яковлевка Дивеевского района Нижегородской области, работал каменщиком, штукатуром, плотником. Потом — война. Вернувшись с фронта, в результате ухудшения здоровья, не мог заниматься тяжёлой работой, и друзья устроили его дворником в музее детства Алексея Пешкова («Домик Каширина»).

Стихи поэта публиковались в местной печати, но имя его не обрело широкой известности. Их и сегодня немало, светлых русских поэтов, живущих в глубинке, творчество которых знают лишь близкие люди. Но они пишут, не думая о славе, воспевая свою прекрасную Родину — большую и малую.

ВХОЖУ Я В РУССКИЙ ЛЕС

МОЛОДОЙ АПРЕЛЬ

Лес к весне прислушался,
позабыв усталость.
заползает зелень
дымкой на холмы.
Под корягой скорченной
в логове осталось
ледяное блюдо
бабушки-зимы.

На кусте черемухи
пьёт росу синичка,
иглами густыми
ловит звуки ель.
К фитильку подснежника
голубую спичку
в сумраке подносит
молодой апрель.

* * *

Люблю, когда играет дрозд
В саду за рёбрами забора,
Когда визжит на стройке гвоздь
В железной лапе гвоздодёра,

Когда с рассветом пастухи
Погонят из деревни стадо
И лепестки в мои стихи
Летят с росинками из сада.

Люблю, когда весенний гром
Полям и рощам словно скажет,
Платочек красный над бугром
Во мраке молния развяжет,

Когда огнём зари весна
На ёлках зажигает свечки,
Когда прожектором луна
Влюблённых ищет на крылечке.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

За окном в глуши зарница
Бродит над рекой,
Спи, мой мальчик светлицей,
Глазёнки закрой.

Бродит утро за опушкой
Где-то вдалеке.
Месяц брошенной игрушкой
Плавает в реке.

Над тобой, сынок Ванюша,
Радио поёт.

Накуплю тебе игрушек —
Трактор, вертолёт...

Подрастёшь — отдам учиться,
Разум окрылишь.
На стальной могучей птице
В космос полетишь.

И в космическом тумане
Над страной родной
Засияет имя Вани
Золотой звездой.

* * *

Всё реже отдых, чаще перегрузки
И в волосах — нежданный первый снег.
Всё чаще вспоминается: я — русский,
Не бедный и не серый человек.

Я видел Русь — в опорках, в равной шляпе
Она просила хлеба под окном.
Но пел мне о дубинушке Шаляпин,
И Стенька Разин угощал вином.

Я в мыслях был у юного Максима,
Бродившего часами у реки.
И это мне окутанные дымом
Не раз желали счастья бурлаки.

Я славил солнце вешнее и небо,
Мне улыбались небо и трава.
Но, честно жизнь прожив, ни разу не был
Иваном я, не помнящим родства.

* * *

Шумят дубы и клёны,
Светлее даль небес.
Как в магазин зелёный,
Вхожу я в русский лес.

Играет луч в малине,
За пнями — след зверей.

В зелёном магазине
Нет окон и дверей.

Черники много спелой,
Блестят ряды маслят.
Берёзы в куртках белых,
Как продавцы, стоят.

Стоят они в прохладе,
Подняв кусты к лучу.
Беру себе, что надо,
Копейки не плачу!..

* * *

Поутру в разливе света
Зашумели глухари,
Сыроежки жарит лето
На большом костре зари.

Заплетает кудри вика,
Сок готова для пчелы.
Сыплет звёзды земляника
На зелёные столы.

Трактористы встали рано,
А вдали наперебой
Ходят тучи с барабаном
По дороге голубой.

РАССКАЗЫ

ОДИНОКИЕ СНЫ

Когда я говорю молодым врачам, что слушал лекции академика Воячека, на меня смотрят, как на ископаемое. А я не только слышал голос Владимира Игнатьевича, но и ощутил на себе прикосновение его рук, тонких, сухих и легких, как крылья бабочки.

На втором курсе, зимой, нас, курсантов, частенько выгоняли на мороз скалывать лед на тротуарах улицы Рузовской. В результате я простудился и с воспалением пазух носа угодил в академическую клинику отоларингологии, что и по сей день размещается в здании на Клинической улице. Сначала меня обследовал личный врач Сталина профессор Засосов. Огромного роста генерал, за одну ночь поседевший в тюрьме во время знаменитого «дела врачей», гулким голосом спросил: «Ну что, морячок, будем долбить пазухи? Что морщишься?» А еще через день меня осматривал седенький старичок с ласковыми глазами и манерами земского доктора. Я и понятия не имел, что это знаменитый академик, сделавший в об-

ПРОЗА

ласти болезней уха, горла и носа столько, что последующим поколениям специалистов осталось лишь усовершенствовать его идеи. «Давайте с операцией повременим, уважаемый коллега, — сказал он мне, девятнадцатилетнему мальчишке, — сначала сделаем проколы, проведем консервативное лечение, а там посмотрим...»

В начале семьдесят первого года на Клинической улице можно еще было встретить старичка в поношенной шинели с погонами генерал-лейтенанта. Слегка пришаркивая мальчишковыми ботиночками, он медленно направлялся к зданию клиники, доставал из кармана ключ и открывал дверь парадного входа. Уже много лет этим входом пользовался он один. Персонал клинки ходил через гардероб, так было удобнее.

В кабинете Владимира Игнатьевича стоял его бронзовый бюст, и когда академик усаживался за письменный стол напротив своего изваяния, сразу было видно, что бронзовое поддоброе значительно проигрывает подлиннику. У Воячека после того, как ему перевалило за девяносто, в лице появились черты, отмеченные тем духовным совершенством, которые можно было увидеть разве что у последних Оптинских Старцев.

Как-то утром я шел по Клинической улице и увидел Воячека у подъезда клиники: он, видно, никак не мог открыть дверь.

Я подошел и предложил помощь.

Старик сконфуженно глянул на меня:

— Что-то ключ заедает... А может, сил нет.

Я нажал на старинную бронзовую ручку, легко повернул ключ — замок солидно шелкнул, и дверь отворилась.

— Спасибо, дружок. Как ловко у вас получилось. Вы слушатель факультета усовершенствования врачей?

— Так точно.

— И кто по специальности?

— Эпидемиолог.

Воячек удивленно посмотрел на меня:

— Как странно... Я ведь тоже чуть было не стал эпидемиологом. И этой ночью как раз думал об этом.

Когда тебе за девяносто, сны кажутся реальной жизни. В них странным образом сохраняется прошлое: лица, события, краски, звуки и даже запахи канувшей в Лету эпохи. Лет пять назад, кажется, в канун девяностолетия, он попросил молодого адъютанта отвести его в Мариинку. Нет, опера или балет ему уже были не по силам — просто постоять в фойе. Лучше бы он не ездил. Все здесь было так, как и прежде, десятилетия назад, когда знаменитый театр был его вторым домом, но изменился запах, словно просторное фойе, коридо-

ры, замысловатые переходы обработали дезодорантом, а потом долго проветривали. Вместе с запахами театр покинули и тени прошлого. Все это, конечно же, была чепуха, старческая блажь. Но этой же ночью он увидел сон, настолько отчетливый, настолько ясный, что, проснувшись, долго лежал во тьме, ощущая на щеках слезы. Он видел свой дом неподалеку от Театральной площади, отца, профессора Петербургской консерватории, и капельмейстера Мариинского театра — они стояли вдвоем у распахнутого окна, внизу в сквере цвела, благоухала сирень, а за спиной, в глубине квартиры, сестра София исполняла скерцо номер два Шопена. Во сне не было обычной зыбкости, когда видения уплывают, раздваиваются, смещается сюжет. Была, пожалуй, только одна несообразность: он выглядел старше отца. Отец, поправляя накрахмаленную манишку, спросил: «Ты в самом деле доволен жизнью?» — «О да, я счастливый человек, отец», — ответил он. Отец с укоризной глянул на него: «Занятия музыкой забросил?» — «В профессиональном смысле — да. Но играю... Скрипка, виолончель... Недавно сочинил «Вестибюлярный вальс». — «Какое странное название...»

Этот сон стал началом целого цикла сновидений, и Владимир Игнатьевич уже без страха ожидал ночь, загадывая, что же посетит его на сей раз. Иногда это были развернутые картины — он называл их «полотнами» и даже пробовал записывать иногда небольшие фрагменты. Как в минувшую субботу: Пасха, ветреный апрельский денек, голуби в ясном небе, перезвон колоколов, он, слушатель академии, и его учитель профессор-биолог Холодковский стоят на набережной Невы. Лед сошел, но изредка проплывают мимо рыхлые, изъеденные солнцем льдины. «Как поживает ваш батюшка?» — спросил профессор. «Здоров, слава Богу. Намедни спрашивал, над какой частью «Фауста» вы работаете...»

Иногда Владимир Игнатьевич думал: snyли это? Или наполненные красками и звуками воспоминания. Мозг, привыкший работать с максимальной отдачей, отмирая, выплескивал напоследок потоки энергии, и они вспыхивали в сознании. Что-то вроде телевизионного эффекта. Когда живешь почти век, уже ничему не удивляешься. Он помнил конку на Литейном, помнил выезд государя императора Александра Александровича... А вот уже Гагарин в космосе и американцы на Луне. Майор, что помог ему сегодня утром открыть дверь, напомнил, что в его, профессора Воячека, жизни, в которой, казалось, все выверено до последней детали, все же определенную роль сыграл случай. Было это, правда, давно, страшно подумать, в прошлом веке.

29 декабря 1899 года военный министр Куропаткин вручил выпускникам Военно-медицинской академии врачебные дипломы. Прощай, академия! Увязший в снегу лазарет 199-го Сибирского пехотного полка, лай собак по ночам, сиплый звук трубы, треск барабанов на утрамбованном плацу, серые тени солдат, ядреный запах казармы и нескончаемый ручеек больных на приемах.

Офицеры считали его, доктора Воячека, «военной косточкой» — строен, красив, подтянут, на коне сидит не хуже полкового командира, хоть сейчас назначай ротным — не оскандалится на маневрах. А то, что Владимир Игнатьевич водки не пьет, так это даже оригинально, другие младшие врачи не просыхают: на прием придешь, так тут же и закусить хочется. Непьющий лекарь такая же диковина, как силач из второй роты унтер Агатов или полковой священник отец Иоанн, умеющий вещать чревом. А Владимир Игнатьевич к тому же музыкант, на скрипке играет.

С приходом Воячека в полк в офицерском собрании появились накрахмаленные скатерти, и денщики обрели образ Божий, перестали даже совать пальцы в тарелки со щами, подавая господам офицерам. «А ведь эдак, господа, мы и к культуре приобщимся, — сказал поручик Ракитин. — А культура, как известно, приводит к вольнодумству. Вы, любезнейший Владимир Игнатьевич, случаем, не бунтарь?» — «Был, господа, честно признаюсь. Добился, чтобы академия наша перестала выписывать черносотенную газету «Новое время».

И вот надо же, полк посетил инспектор Главного военно-медицинского управления Министерства обороны профессор Иван Федорович Рачевский. О Рачевском младший врач полка Воячек знал: крупный эпидемиолог, бактериолог, строг, суховат, но справедлив. После осмотра полка столичный инспектор пригласил Воячека к себе. В комнате было жарко натоплено. Рачевский был по-домашнему, без сюртука, предложив молодому врачу сесть, сказал:

— Наслышан о вас от профессора Симановского, знаю, увлекаетесь отоларингологией. Так-с? А бактериологией заняться не хотите? В нашем управлении создана бактериологическая лаборатория. И есть вакансия врача. Ежели согласитесь, постараюсь побыстрее оформить ваш перевод. Сразу же оговорюсь: врачу-бактериологу не возбраняется заниматься болезнями уха, горла и носа. Не упустите возможность, коллега, вернуться к научным занятиям. Когда-то еще такой случай представится?

Воячек согласился. Через месяц пришел приказ о его переводе в Петербург.

Бактериологическая лаборатория помещалась в бельэтаже мрачного здания Главного военно-медицинского управления на Караванной улице. Сладковатый запах агар-агара, из которого готовили питательные среды для выращивания микробов, сухое потрескивание спиртовых горелок, в углу стол профессора Рачевского, на стене статистические графики, цифровые выкладки. В те времена это был единственный всероссийский эпидемиологический центр, сюда стекались данные об инфекционной заболеваемости в различных военных округах и губерниях обширной империи, отсюда отправлялись вакцины и сыворотки. Магия цифр Владимира Игнатьевича не увлекала, его тянуло в клинику, к больным...

А то как-то приснился Кисловодск. Да так отчетливо. 1910 год, двугорбый Машук в голубой дымке, в недавно открывшемся павильоне «Храм воздуха» отдыхающие пьют кофе. Пестрые шляпки дам, канотье мужчин, гуляние в парке и у игрушечного вокзала, слух, что вот-вот приедет Шаляпин, а окраинные, карабкающиеся в горы улочки хранят память о поручике Тенгинского полка. Так и кажется, затрещат кусты шиповника и возникнет всадник на черкесской лошади. Праздные люди толпятся у странного сооружения: горы белого кирпича, изогнутые трубы, невиданные аппараты.

— Господа, что это такое строят?

— Какой-то ингаляторий, будут лечить людей сухим туманом.

— От чего лечить?

— От похмелья, милейший.

Стройкой руководит приват-доцент Военно-медицинской академии Владимир Воячек. Странно видеть себя со стороны. Кто же ему помогал тогда? Студент Борис Чунин, весельчак и прекрасный организатор. Борис умер в восемнадцатом году от тифа...

Иногда его терзали сны о войнах: Русско-японская, Первая мировая, финская, Великая Отечественная. Изуродованные лица, вырванные гортани, глухие, немые... Мертвенный свет софитов над операционным столом и жуткое ощущение, что многим ты не в силах помочь, а значит, твоя жизнь бессмысленна. В такие дни по утрам Владимир Игнатьевич был хмур, неразговорчив, сердился на экономку Наталью, ухаживающую за ним, — опять прикасалась к письменному столу! — а укладываясь спать, мечтал увидеть, скажем, Давос — маленький городок на северо-востоке Швейцарии, где довелось ему побывать в 1912 году, или Вену, клинику профессора Полицера и хорошенькую медицинскую сестру...

Господи, как же ее звали? Но опять снились война и эта жуткая эвакуация в Среднюю Азию, где он потерял жену. Тени, тени... Нет, человек не должен жить так долго, не должен переживать свое время.

На работе видения оставляли его, в клинике все было привычно: обходы больных, практические занятия со слушателями, подготовка к операциям. Он уже давно не оперировал, но обстановка в операционной создавала иллюзию его участия. Наконец, можно было укрыться в своем кабинете. Воячек любил свой кабинет, где десятилетиями ничего не менялось, где каждая вещь лежала на своем, обжитом месте, где все было под рукой, а это важно, когда начинает сдавать память и где, казалось, ничто не подвластно времени. Смушал, пожалуй, бронзовый бюст, предназначенный изображать хозяина кабинета, но, по сути, — бездушный идол, символизирующий эпоху вождя, страдающего гигантоманией. Когда Воячек увидел фотографию макета Дворца Советов, который собирались поставить на месте взорванного храма Христа Спасителя, с ним впервые случился сердечный припадок. Если это капище дьявола утвердится в центре Москвы — России конец. И когда бредовая идея отпала, и на месте котлована устроили бассейн, Владимир Игнатьевич, бывая в столице, обязательно сворачивал к этому сооружению. В бассейне среди желтоватого, пропитанного хлором тумана возились черные, напоминающие мелкие картофелины в котле люди, и он не без злорадства думал, что вот так же в аду будут вечно кипеть грешники, виновные в содеянном святотатстве.

Журналисты, слава Богу, перестали его беспокоить, а тогда, в девяностолетний юбилей, от них не было никакого спасения. Одна девица с крашенными хной волосами настойчиво добивалась ответа на свой вопрос: «Назовите самое значительное событие в вашей жизни». Он задумался. Таких событий за девяносто лет произошло немало. Но «самое»?

...Может, тот вечер, когда они с профессором Тонковым сидели у «буржуйки» в кабинете, ожидая звонка от наркома Семашко? Решалась судьба академии. Печка дымила, и пламя толстой церковной свечи колебалось от сквозняка. За окном постреливали. Дрова Воячек добыл на вмерзшей в Неву барже и, добираясь до заснеженной Пироговской набережной, едва не угодил в полынью...

...Или день, когда он узнал, что его назначили начальником академии? Пустое. К власти он никогда не стремился, новая должность только добавила забот. И он вздохнул, когда освободился от этого бремени...

И вдруг вспомнил.

...1903 год, май, холодный ветер с залива. Самая большая в академии аудитория кафедры химии — та самая, где читали лекции «дедушка русской химии» Николай Николаевич Зинин и профессор Александр Порфирьевич Бородин — заполнена полностью. Профессора, врачи, студенты. Стоят даже в проходах. С минуты на минуту должна состояться публичная защита докторской диссертации. Но не имя скромного соискателя вызвало такой ажиотаж. Главный цензор диссертации — профессор Иван Петрович Павлов, он и выступит с оппонентской речью, а его выступления всегда неожиданны.

Учитель Воячека Симановский сказал накануне о Павлове: «Учтите, голубчик, он любознателен до въедливости и прямо до резкости». С Павловым соискателю уже приходилось встречаться. Несколько месяцев назад Владимир Игнатьевич обратился в Общество русских врачей с просьбой разрешить ему сделать доклад на одном из заседаний, сообщить о результатах произведенных им исследований вестибулярного аппарата человека с помощью сконструированной им центрифуги. Председатель Общества профессор Павлов обещал подумать и на другой день неожиданно сам явился в мастерскую при клинике.

— Вот что, любезный коллега, покажите мне вашу штуковину в действии, — сказал он и стал снимать сюртук.

— Иван Петрович, ведь здесь не прибрано, испачкаетесь.

— Полноте, полноте. Нам ли, физиологам, грязи бояться. Прокатите на этом чертовом колесе?

— Как пожелаете.

— Пожелаю. А как иначе пойму?

Профессор встал на колени и принялся рассматривать станину центрифуги, осматривал дотошно, приборматывая: «Так-с, понятно. Умно, ничего не скажешь...»

Встал, вытер руки ветошью:

— Неужто сами смастерили?

— Отдельные узлы заказывал. По моим чертежам рабочие делали. Опытный образец, оттого и нескладна карусель.

Павлов вцепился в бороду, хмыкнул:

— Станину я бы укрепил. А так — прекрасно. Редкий, знаете ли, случай, когда врач с техникой управляется. Кстати, откуда у вас такая необычная фамилия — Воячек?

— Отец — чех.

— Понятно. Так вот, я думаю, вы еще не до конца оценили огромную значимость вашего изобретения. Авиация развивается, а главным в авиации, как ни крутите, все же человек

остаётся, с его вестибулярным аппаратом. Что ж, как говорили древние: «Через тернии — к звездам!» Ждем вашего доклада на ближайшем заседании Общества...

...Свою речь на защите диссертации Воячек не запомнил, от волнения периодически начинало звенеть в голове, как перед обмороком. А вот заключение Павлова запомнилось на всю жизнь: «Главная ценность рассматриваемой диссертации — в ее соответствии понятиям современной научной физиологии. А это, господа, огромный шаг вперед!»

По-видимому, Владимир Игнатьевич на мгновение уснул, потому как ему открылся простор аудитории, сотни глаз устремлены на него, а за окном — гранит набережной, отсекающий вороненую сталь Невы. Голос корреспондентки пробился сквозь немоту: «Простите, вам нехорошо?» А рядом встревоженное лицо ученика, профессора Константина Львовича Хилова.

Воячек тихо рассмеялся:

— Самое главное в моей жизни, уважаемая, ученики. Да! И знаете, сколько их? Взвод докторов наук и, как минимум, два взвода кандидатов. Вполне боеспособное стрелковое подразделение.

Воячек скончался на моем дежурстве. Еще в пять часов вечера, заступив помощником дежурного по академии, я видел старика, а где-то в начале четвертого утра позвонила его экономка. Дежурный отдыхал, потому трубку взял я: тихий, увядший голос сообщил о горестном известии. Сделав необходимые распоряжения, я разбудил дежурного, сказал ему о кончине академика и что нужно доложить начальнику академии.

Дежурный, подполковник с кафедры фармакологии, испуганно моргал:

— Вы с ума сошли? Сейчас четыре утра, генерал еще спит.

— Полагаете, что будет лучше, если Николай Геннадьевич узнает о случившемся из других источников? Сомневаюсь.

Я учился на командно-медицинском отделении факультета усовершенствования врачей, сам собирался стать начальником, и нрав начальства мне был известен.

— Как хотите, но я звонить не буду. Боюсь.

Я набрал нужный номер и тотчас услышал знакомый голос: генерал, похоже, уже не спал. Выслушав меня, хмуро спросил:

— А где дежурный?

— Проверяет караулы. — Я подмигнул протирающему очки подполковнику.

— Хорошо, что вы мне позвонили. Спасибо. Нужна моя помощь?

— Основные распоряжения сделаны, товарищ генерал-полковник. Остальное — до утра терпит.

— Всего доброго, до встречи.

Начальник академии положил трубку, а у меня перед глазами возникла легкая, как бы уже лишенная плоти фигура старого академика, постепенно растаявшая в сумраке, затопившем Клиническую улицу.

ЦВЕТЫ НА ВОДЕ

Я хорошо помню то январское утро 1961 года. Севастополь, Корабельная сторона, солнце, иней на крышах, пусты, прозрачные сады. И запах, скорее осенний, чем зимний: солений, перебродившего виноградного сока и еще дыма костров — в садах жгут листья.

Я возвращался домой после дежурства в госпитале. Нас, небольшую группу врачей-подводников, направили на усовершенствование по хирургии. Ночка выдалась хлопотная: несколько часов у операционного стола, а под утро привезли моториста с проникающим ранением сердца. Парня спасли. И хотя я только ассистировал, все мое тело, до последней клеточки, было наполнено приятной усталостью, какую всегда испытываешь после удачно проведенной операции.

Мы с женой снимали крошечную комнату в доме, стоящем на улице, скатывающейся к морю, и ночами было слышно, как ворочается, живет, погромыхивает Корабельная сторона, а утром этот равномерный, неумолчный гул пробивали пронзительные трели боцманских дудок, а чуть позже, во время подъема флагов на кораблях, трубили горнисты.

В нашей комнатке стояла старинная кровать с медными шарами на спинках, пузатый комод, а в кухне над печью висели гирлянды лука и чеснока. Во дворе, за сараем, прилепилась коптильня. Хозяйка, вдова моряка, коптила в ней янтарную, с золотыми прожилками барабульку. В ветреную погоду ветви миндаля с легким звоном стучали в окно.

Я шел, представляя уютную тишину комнаты, нашего временного жилья, прибежища посреди дорог, перестука колес вагона, тоскливого крика паровоза, сулящего разлуки и радость встреч. Я был счастлив в то утро, с жадностью вдыхал горьковатый дымок костров, чадающих за высокими каменными заборами, и все вокруг виделось отчетливо, остро и так же остро запоминалось. Я миновал площадь, на которой стоял пустой троллейбус с опущенной дугой и молочно-белыми, запотевшими за ночь стеклами, и тут увидел их. Три офицера и мичман шли странной какой-то походкой, будто не шли, а

плыли, поддерживая друг друга. И я не сразу понял, что они пьяны. Я знал этих парней — вместе столовались в бригаде подводных лодок.

«Что это они с утра пораньше?» — подумал я и пошел навстречу, глядя в их окаменевшие лица, еще не испытывая, а как бы предчувствуя тревогу.

— Привет! — сказал я. — Со свадьбы, что ли?

— Какая свадьба, — хмуро отозвался старший лейтенант, штурман. — «С-80» не вернулась из полигона. — Губы у него дрогнули. — А у меня на ней друг, на соседних койках в училище спали.

«С-80»? Лодок с таким номером в нашей бригаде не было.

— А где? В каком полигоне? — растерянно спросил я.

— На Северном флоте. Второй день ищут. Гробанулись, видно...

И они прошли мимо, унося на плечах тяжелую ношу горькой вести. А вокруг все кричало о жизни, о скорой крымской весне с влажными ветрами и розовой пеной цветущего миндаля.

Я стоял, ощущая, как струйка холодного пота соскальзывает между лопатками, пытаясь осознать грубоватое и емкое «гробанулись», а перед глазами встал другой день, сущность которого я понял только сейчас. Ведь и мы могли...

Наша лодка дифферентовалась неподалеку от Феодосии. Обычный плановый выход. Я сидел на своем «боевом посту» — за обеденным столом во втором отсеке, на котором в случае необходимости я должен был оперировать. За спиной — посудный шкаф. На противоположном конце стола примостился замполит, шелестел какими-то бумажками. Шипение сжатого воздуха, плеск воды, запах щей и мокрой резины. И вдруг лодка провалилась вниз, в глубину, с резким дифферентом на корму. Замполит упал со стула, посудный шкаф распахнулся, и фаянсовые тарелки, описав дугу, с грохотом раскололись о край стола, осколки брызнули в разные стороны. А лодка стремительно соскальзывала вниз. Ничего не понимая (это был мой второй выход), я ухватился за дверцу шкафа, и тут тишину рассек крик. Я с трудом узнал голос механика. Лодка дрогнула, замерла на месте, покачалась, в глубине ее что-то хрустнуло, зашипело, и стало слышно, как булькают пузыри воздуха. Длилось это, как мне показалось, целую вечность, и в себя я пришел только тогда, когда услышал тяжелый всплеск: лодка всплыла по-аварийному и покачивалась теперь на волнах. Несколько секунд тишины, и спокойный голос командира возвестил: «Свободному от вахта офицерскому составу разрешается подняться наверх».

Я отдраил кремальеру, протиснулся в межотсечный люк на центральный пост, снял с крючка жетон и по скользкому трапу поднялся в рубку. Объемный, наполненный солнцем мир. В отдалении, сквозь дымку проглядывались горы. Волны заплескивали в шпигаты и с шипением опадали. Отсюда, с высоты рубки, лодка казалась маленькой и ненадежной.

— Доктор, а что сегодня на обед? — с усмешкой спросил командир.

— На обед? — поразился я, не понимая, как после того, что произошло, можно думать об обеде.

— Что рубать будем, док?

Я сказал, сказал и про разбитую посуду.

Командир рассмеялся:

— Не забудь отметить это событие в вахтенном журнале, а то тыловики потом затаскают, начет пришлют. Ничего, сервиз для кают-компания купим. Скинемся по равному и купим.

В рубку поднялся механик. Он был голым по пояс. На груди, испачканной машинным маслом, проступали крупные капли пота, пилотка сдвинута на лоб. Он жадно закурил.

— Ну что, механик! — В голосе командира послышались жесткие нотки. — Так провалиться на дифферентовке! А дно-то здесь илистое, воткнулись бы кормой и... — Он не закончил, швырнул папиросу за борт. Окурочок подхватило ветром и отбросило метров на пять...

Дурные вести быстро распространяются по флотам. Вечером мой однокашник, с которым я учился на курсах, сказал:

— На «С-80» Володя Зубков был. Обеспечивал выход. Поиски лодки продолжаютя, но, скорее всего, она погибла.

Боже мой, Володя! Разом погас целый мир: это и тот окопчик с рыжим, осыпающимся бруствером, откуда в военном лагере под Приветнинским мы с ним бросали учебные гранаты, и тяжкий, одуряющий запах анатомички, и удивительная кафедра боевых средств флота, где в коридоре шелестели знамена, на стеллажах лежали торпеды и мины, а устройство шлюпки преподавал мичман по прозвищу Карасин, и мы от него впервые услышали звучные, как заклинание, слова — пиллерс, подлегас, ширстрек, это и первая самостоятельная операция, и первый самостоятельно поставленный диагноз, и, наконец, удивительное, ликующее чувство, которое все мы испытали, когда, скосив глаза, впервые увидели на собственных плечах новенькие погоны с лейтенантскими звездочками, а у левого бедра ощутили приятную тяжесть кортика. Неужели все это может исчезнуть?

О подводной лодке «С-80» ходили невероятные слухи, один, самый нелепый: лодка со всем экипажем ушла к... супостату. Говорят, семьям погибших какое-то время даже не выплачивали пенсии. Пресса в те годы угрюмо отталчивалась. Первые сообщения появились лишь в 1990 году.

Из рассказов участников ЭОН — Экспедиции особого назначения, из документов, публикаций мне удалось более-менее точно восстановить события, происшедшие много лет назад. К тому же какой-то собственный опыт у меня уже был.

...27 января 1961 года подводная лодка «С-80» под командованием капитана третьего ранга А. Ситарчика шла под перископом в режиме РДП — работы дизеля под водой. Штормило. В том районе Баренцева моря всегда беспокойно. Выдвижные устройства покрылись коркой льда. Когда волна захлестывала шахту РДП, дизель начинал стучать с переборами, в отсеках падало давление, и рулевой-горизонтальщик морщился, удерживая штурвал. Где в этот момент был Володя Зубков? Скорее всего на «боевом посту» во втором отсеке.

Командир лодки не отходил от перископа. Ударил снежный заряд, видимость резко снизилась, а тут, как всегда бывает по закону подлости, забарахлила радиолокационная станция. Командир развернул перископ и сквозь белесую муть с трудом различил тень судна, скорее всего траулера, пересекающего курс лодки, коротко скомандовал: «Лево на борт!», пытаясь разойтись с траулером, но через несколько минут понял: опасность столкновения сохранена, и тогда последовала команда: «Срочное погружение!» Дизель замер. Наступившую тишину разорвал нарастающий гуд поступающей воды, и лодка стала стремительно проваливаться на глубину. Трагедия произошла в 14 часов 20 минут.

Это потом комиссия установит, что у «С-80» была конструктивная особенность: шахта РДП оказалась значительно шире, чем на других средних подводных лодках, что на верхней крышке шахты намерз лед, и она не могла закрыться. Когда вода ринулась в пятый отсек, два моряка пытались предотвратить аварию, но было уже поздно. Их так и нашли вместе. Установлено и то, что экипаж до конца боролся за живучесть корабля, и им удалось сделать почти невозможное — мягко опустить лодку на грунт. Они пытались всплыть, но иссякли запасы воздуха высокого давления...

До глубокой осени в районе, где затонула «С-80», шел интенсивный поиск. В поиске участвовало свыше 40 кораблей, судов, самолетов и вертолетов — безрезультатно. Флот еще не располагал эффективными средствами поиска, еще не было

ни гидрографического эхотрала, ни подводной телевизионной установки, ни буксируемого магнитного металлоискателя. И только спустя несколько лет в районе промысла рыбаки случайно зацепили тралом подводный объект. Им оказалась «С-80».

Подводную лодку подняли и отбуксировали в бухту Завалишина. Для извлечения тел погибших были созданы бригады врачей. Володю Зубкова опознали по медицинским эмблемам на истлевших погонах. Выяснилось одно странное, почти мистическое обстоятельство: Володя вышел на ракетные стрельбы... не на своей лодке. Однокашник, уезжавший в Архангельск на курсы усовершенствования, попросил Зубкова вместо себя сходить в море, всего на несколько суток. Судьба у этого однокашника тоже не сложилась. Должно быть, его угнетало, что он как бы проживает чужую жизнь.

Четверть века спустя после трагедии белой ночью стоял я у памятника, сделанного матросскими руками, на котором среди прочих имен было начертано: «Лейтенант медицинской службы Зубков В.И.». Лысеющий полковник стоял у могилы юного лейтенанта. Теперь уже вечно юного.

Суровое и строгое место выбрали моряки для братской могилы — скалы, отливающее свинцом море. Тревожный свет рождался в вышине, за ржавыми, напоминающими коралловые рифы облаками, и в свете этом чахлая зелень была ядовито-зеленой, а берег, казалось, подернулся плесенью: цвела пушица — клочки ваты, нанизанные на голые жесткие стебли. За памятником рождался туман, он густел, уплотнялся на глазах, словно поставили дымовую завесу, и в эту туманную пустоту с отчаянными криками кидались чайки, растворялись, таяли в ней.

Я снял фуражку. Легкий ветерок шевелил волосы. Все вдруг как бы застыло. И сопки, и море, и кустики пушицы словно встали в почетный караул. Даже чайки перестали орать. Как вдруг под опаленными облаками родился звук, точно судорога пробежала по сопкам, звук отдался плаксивым эхом — в бухту входила подводная лодка. Пейзаж был суров. А я видел веселую сутолоку на площади перед Финляндским вокзалом и Володю в новенькой форме, с улыбкой на губах. Нам только что в старинном парке Военно-медицинской академии вручили дипломы, впереди были дальние дороги, и никто еще не знал, как сложится его судьба.

Тогда, у Финляндского вокзала, я видел Зубкова в последний раз. Прошло более сорока лет. Многое из жизни Володи

подернулось дымкой. Каким он был? Застенчиво-тихий, молчаливый, вроде бы нерешительный. Но в его угловатой фигуре чувствовалась сила. И еще надежность. Теперь, когда мне вот-вот стукнет семьдесят, это качество я стал особенно ценить в людях.

На памятнике надпись: «Вечная память подводникам экипажа ПЛ «С-80», погибшего при исполнении служебных обязанностей». Шестьдесят восемь человек погребены под плитами. Сколько таких памятников стоит на российской земле, а у иных моряков нет и надгробий — только координаты, занесенные в вахтенный журнал, да изредка цветы на воде, сброшенные с борта корабля в память о погибших. Сколько вдов, взрослых сыновей и дочерей приходит к могилам! В храмах в те дни горят поминальные свечи, и своды отражают скорбно-светлые слова молитв...

Владимир МЕНЬШИКОВ,
доктор педагогических наук

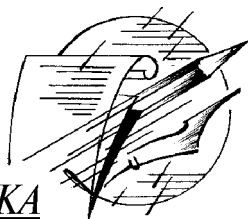
ДУХОВНАЯ ВОЙНА С РОССИЕЙ

Дехристианизация

Центральный путь уничтожения духовной сферы России — уничтожение Русской Православной Церкви. Именно против нее, а потом традиционного ислама направлена духовная война в России. Важнейший путь уничтожения православия — это создание на территории России бесчисленного множества нетрадиционных религиозных организаций, деятельность которых направлена против православия.

Сегодня против христианства вновь начинает активно действовать возрождающийся атеизм — видимо, десятков тысяч поруганных православных святынь и сотен тысяч убитых верующих в нашей стране ему мало. Он вновь жаждет крови.

В этом русле идет и создание разного рода оккультных организаций, групп, расцвет астрологии, магии и т.п. Идет явное культивирование под разными названиями и предложениями шаманизма, язычества, в том числе и славянского. Словом, сегодня идет все расширяющееся служение темным силам.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

При этом сознательное уничтожение христианства происходит не столько открытой борьбой с ним, сколько навязыванием человеку и человечеству греха, его усиленным культивированием. Какая самая главная проблема современной Европы? Однополая любовь. Что такое однополая любовь? Грех, вопиющий к небу! И эта культура греха в качестве определяющей и навязывается современному обществу. И эта культура абсолютного меньшинства навязывается и очень успешно абсолютному большинству!

Но почему культура меньшинств, культура вопиющего греха навязывается большинству? И при этом большинство принимает этот проект, принимает сатанизм и начинает жить по сатанинским законам. Почему столь активно и успешно меньшинство? Потому что оно питается черными энергиями. И абсолютное, но бездуховное большинство ничего не может сделать с духовно больным, но духовно более сильным меньшинством, не может остановить процесс разрушения традиционной культуры. Но жизнь не по Божественным, а по темным духовным началам — это смерть человечества.

И общество доходит до потери даже не разума, а элементарного здравого рассудка. Гольфстрим ушел от Европы, а Европа решает проблему однополых браков!..

При этом процесс дехристианизации в настоящее время осуществляется и сознательно, и бессознательно. Сознательно этот проект запустили определенные круги еще во времена Возрождения на уровне специальных проектов определенных закрытых организаций. Бессознательно — это важнейший идеологический проект эпохи Просвещения. Её главнейшая идея — научно-технический прогресс с одновременным преодолением суеверий и заблуждений человечества, к числу которых и была отнесена религия. В результате сегодня сложился единый колоссальный проект разрушения христианства, разложения и уничтожения христианской Церкви.

Чем же страшна дехристианизация? Не только духовной смертью и нравственной деградацией самими по себе, но и тем, что христианство изначально лежит в основе европейской цивилизации. Поэтому гибель христианства — это и гибель европейской цивилизации, поскольку христианство уничтожается, а никакой другой духовной альтернативы в качестве общей основы Европе не предлагается. Вспомним, князь Владимир, отвергая в своем государстве язычество, предложил Руси более высокую религию — христианство. Какую духовность современному человечеству могут предложить разрушители христианства? Ничего, кроме того, что они навязывают — бесчисленные формы смертельно опасных культов.

А разрушение христианской цивилизации будет ударом и по всему человечеству, так как основные направления развития современного человечества все-таки определяет европейская, то есть христианская, цивилизация.

Возможно ли сегодня полноценное возрождение христианства? В сущности, это, в первую очередь, зависит не от нас, а от Бога. Но... Есть и наша часть ответственности. Господь без нас не спасет нас. Тогда что же зависит от нас?

Общество должно найти в себе силы и умение противопоставить этому многообразному спектру разложения идею всестороннего возрождения христианства.

А для этого прежде всего надо понять, что причины расчеловечивания человека и человечества — в отказе от Бога. Это главное, что ведет к духовному и нравственному угасанию, к эпидемии духовно-нравственных болезней. Поэтому магистральный путь духовно-нравственного возрождения — это возвращение к христианской религии, восстановление христианской нравственности. Если же этого не произойдет, то все остальное будет разрушаться по цепочке, как разрушение фундамента обрекает на обрушение весь дом. В свою очередь, разрушение всех социальных сфер будет окончательно добивать духовно-нравственную сферу, ускоряя гибель человека и общества.

Оценивая европейскую цивилизацию с этих позиций, следует признать, что у России есть определенное стратегическое преимущество перед Европой и США — в ней идет духовное воскресение, что выражается, в частности, в строительстве храмов, возрождении монастырей и т.п.

Однако нельзя не видеть, что пока это чисто внешнее явление. Духовное возрождение — это построение храма в душе человека. А много ли имеется сегодня в России людей, пришедших в Церковь? И многие ли из пришедших в храм стали подлинно православными людьми? Храм только тогда становится домом Божиим, когда он наполнен верующими, которые и есть настоящая Церковь.

Пока же храмы не будут построены в душах людей, пока каждый человек на своем месте не начнет служить Богу, ибо без Бога в мире «все мертво», до тех пор никакого духовного возрождения в России не будет. И с этой точки зрения Россия пока не может говорить, что в ней идет полноценное духовно-нравственное возрождение.

Если православие не станет живой верой большинства российского общества, то сегодняшнее христианское возрождение так и останется чем-то внешним для России. И Россия неизбежно повторит страшный опыт 1917 года. При этом неизбежно во внешне разрушительном варианте. Поэтому

Россия вырвется из сегодняшней духовно-нравственной дегерации только тогда, когда духовная жизнь станет повседневным образом жизни большинства российских людей.

Распад семьи

Центр борьбы с духовностью перенесен уже совсем в другое пространство — уничтожаются не храмы и святыни, целенаправленно уничтожается ее важнейшая часть — домашняя церковь — семья. Эпидемия разводов в Северном полушарии поражает. А разложение христианской семьи, безусловно, ведет и к гибели Церкви как организма.

Сегодня важно понять и онтологический, и мировоззренческий аспекты разрушения семьи. Онтологическая сторона распада семьи — объективный процесс, независимый от нас. Семья, если она перестает быть малой церковью, лишается духовной защиты и поддержки и сама собой деградирует. Процесс дехристианизации семьи длительный, многовековой.

Важно понять и мировоззренческую основу распада семьи, которая была предопределена эпохой Возрождения с ее культом автономного человека. Казалось бы, что здесь страшного? Разве не является на самом деле человек высшей ценностью во Вселенной? А страшно при таком понимании человека то, что теряются не менее важные ценности, чем сам человек. И прежде всего теряет свое значение как величайшая ценность семья. И получилось это потому, что высшей ценностью автономного человека стал культ любви. Все остальное можно принести в жертву. Интересно проследить демографическую ситуацию в Европе после Возрождения.

Напротив, в это же самое время на Руси сформировался культ семьи. Именно семья стала высшей ценностью для человека средневековой Руси. Этому учила вся Православная Церковь. Этому учил «Домстрой». В результате из небытия воскрес русский народ. Повторю еще раз: русский народ воскрес из небытия, когда на Руси в XIV—XVI вв. сформировалась православная семья.

А начиная с XVIII в. все начало меняться. Перешли к западноевропейскому идеалу семьи, стали терять образ семьи как малой церкви, как великой святыни и ценности.

Поэтому, пока семья не станет высшей ценностью и святыней, то есть малой церковью, не будет никакого реального возрождения ни семьи, ни Церкви, ни страны. Поэтому речь должна идти не только о восстановлении жизни каждого человека по христианским заповедям, а о возрождении семьи как малой или домашней церкви.

Если под углом сказанного посмотреть на состояние современного общества, то можно увидеть, сколько социальных факторов направлено на его духовное и нравственное разрушение.

Стратегия разрушения духовности на социальном уровне — формирование общества потребления и превращение людей в класс потребителей. В этой связи самую серьезную опасность и для России представляет перестройка общества с формирования созидателей на формирование потребителей. Следует напомнить, что если в советско-американском противостоянии СССР делал ставку на созидание, на формирование человека-созидателя, то Запад сделал ставку на потребление. Безусловно, в этой стратегии СССР был выше Запада.

Но в том-то и дело, что потреблять может только животное, а человек должен трудиться, должен в поте лица добывать хлеб свой. Только в труде человек как человек сохраняет себя: «...труд сделался довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы, и, наконец, его наслаждений, и его счастья» (К.Д. Ушинский).

Однако как только человек перестает в поте лица добывать хлеб свой насущный, он неизбежно деградирует. Поэтому, оценивая социальные факторы с точки зрения их неблагополучия, на первое место следует поставить стремительное вытеснение труда из жизни человека, из его идеалов и его потребностей. Многие люди в России находятся вне сферы настоящего, тем более творческого, труда. При этом не важно, какие причины выбрасывают человека из труда: нежелание работать или невозможность найти работу. Но разрушение труда не менее страшно и на уровне социума. Разрушение сельского хозяйства, промышленности и т.д. превращает в зоны духовно-нравственного бедствия села и целые города.

Не менее страшно и то, что Россия села на нефтяную иглу и оказалась в положении русского дворянства XIX — начала XX в., которое получило благодаря Екатерине II одновременно свою вольную и свою дармовую рабскую силу. Но дворянство, переставшее служить, стало стремительно разлагаться и фактически исчезло как класс. Сегодня может исчезнуть русский народ, как исчезли в истории многие другие

народы. Нефть и газ для России сегодня страшны потому, что они являются для нас тем же, чем были крепостные для освободившихся русских дворян, — источником дармовых денег, которые можно пускать на все, что угодно, только не на дело, не на обустройство России. Увы, новый «креативный класс», говоря словами Гегеля, «ничто не забыл и ничему не научился». Все то же безумное выкачивание денег из страны и все те же виллы на лазурных берегах. И даже более того — нефть и газ для нас, что рабы для Древнего Рима. Римляне, переставшие трудиться, исчезли.

Усугубляет социальную деградацию современного человечества и искусственно запущенный в Западной Европе и США проект нравственной деградации человека и общества. Его важнейшая часть — проект «сексуальной революции». Этот проект, подобно встречному палу при лесном пожаре, был запущен как проект погашения процесса развивающейся социальной революции на Западе. На короткое время праявший класс Запада выиграл. Но... Сегодня этот проект порождает более страшные проекты: систему однополых браков, ювенальную юстицию и т.п.

Как и каким образом можно преодолеть духовно-нравственную деградацию в социальном пространстве общества? Прежде всего нужно понять, что решение главных социальных проблем не сводится к проблеме собственности. Дело не в частной и не в общественной собственности. Человек может иметь миллиард и быть его хозяином, а может иметь три рубля и быть их рабом. Дело не в собственности, это только средство, а в духе. Каким духом, каким смыслом живет собственник и каким целям служит его собственность — вот главный социальный вопрос. А эта проблема духовная и нравственная.

Социализм более соответствует сущности человека, он более оптимален для социального развития общества, нежели капитализм. Но социализм как самоорганизация общества, а не как уравниловка и подачи, которые всегда и всюду развращают. И самое главное: общественная собственность — не как идеологический фактор войны с Богом. Оптимальное построение общества возможно только на подлинной духовной основе. Если выразить это в терминах русской религиозной философии, то это — православный социализм.

В связи со всем сказанным большую опасность для России представляет потенциально возможная революция, так как она, пришедши в страну, не очень скоро покидает ее. Более того, превращается в долгую волну: революция — контрреволюция. На определенном этапе развития общества ре-

волюция сменяется контрреволюцией. Господствующий социальный тренд современной России — контрреволюция. Контрреволюция должна была победить, и она победила. При этом разрушителей не волновало, что погибает невиданная в истории человечества социальная система, более справедливая, чем капиталистическая. Среди них не было людей, которые бы задали вопрос: «На что он руку поднимал?» Но утверждение капитализма означает, что он будет разрушать все социальные сферы России, превращая их в органы, функционирующие по законам капитализма, а это, так или иначе, будет пожирать все человеческое в людях.

Но поскольку социальные процессы имеют внутреннюю логику своего развития, то, значит, и нас неизбежно ждет новая революция. И когда Г.А. Зюганов говорит, что Россия исчерпала свой лимит революций, то это свидетельствует о совершенном непонимании им объективности социальных процессов. Волны революций-контрреволюций еще ждут Россию, как еще раньше они захватили Францию, где до сих пор действуют. Сколько жертв принесла Франция этой революционно-контрреволюционной волне! И во что эта волна превратила некогда великое государство!

Поэтому мы должны честно спросить себя: а какие жертвы еще предстоит пережить России в случае революции? И значит — должны найти реальные способы, как этого избежать, потому что революция будет страшна для всех, кроме тех, кому война — мать родна.

А для этого надо понять, что революцию придумал вовсе не Ленин. Революции периодически вспыхивали на протяжении всей истории человечества и во многих странах как способ разрешения социальных проблем, когда мирными средствами этого не достичь. Или когда руководство страны не захотело или не смогло решить эти проблемы. Причем революция при всем ее ужасе чаще всего является способом выживания. Неразрешение назревших проблем — это точный путь к смерти. (Нельзя забывать и о том, что революции сегодня научились делать и искусственно.)

Представляю реакцию СМИ. И спешу их всячески успокоить. Ребята, ваши хозяева прекрасно знают, что революция в России неизбежна. И поэтому уже давно спрятали все нажитое непосильным грабежом подальше от своей страны. Так что все и всё знают. А вы... В лучшем случае наивные идиоты, в худшем — умные циники, зарабатывающие свой хлеб сказками про замечательных парней — новых русских. Единственное, чего не учел, вернее, о чем даже не задумывался «креативный класс» с первого дня своего появления, — и в

этом он удивительно не похож на все креативные классы вообще, что ждет его и каждого его представителя в отдельности в случае революции в России не вила на Лазурном берегу, а пуля в зарубежном аэропорту. В лучшем случае тюрьма, пока он не освободится от ставшей ненужной ему собственности.

Фатально ли обречена Россия на разрушение всего советского сегодня, равно как и на революцию в будущем? Нет, не фатально. Да, внутренне, в силу имманентного развития капитализма всё социальное советское пространство России обречено на уничтожение. Но будет ли запущен механизм разрушения очередной социальной страты — образования и науки — это зависит от самого общества. Зная о неизбежности разрушения той или иной сферы, можно уйти из-под удара. И можно избежать революции. Но только надо понимать, что революция заложена внутри социума. И даже искусственная революция вызывается специальным стимулированием внутренних социальных процессов, социальных проблем.

Можно продолжить этот ряд причин современного социального неблагополучия России и мира, усиливающий духовно-нравственную деградацию. Однако важнее определить главное направление его преодоления: социальную работу как духовное служение Богу и Отечеству. И, соответственно, необходимо понимание: общество должно жить в соответствии с высшими духовно-нравственными ценностями, человек может спастись на своем месте своим честным трудом на благо Богу, обществу, своей семье и себе.

Деуправляемость

Страшную опасность для современного общества представляет угроза разрушения управляемости общества, проявляющаяся сегодня во всем — от коррупции до неисполнения принимаемых решений. И прежде всего это связано со все усугубляющимся процессом разрушения государства. Способствуют этому разрушению и современные концепции государства.

По сути дела, современные теоретические представления о государстве сосредоточены вокруг двух главных идей: максимальное отключение государства от жизни общества и автономизация различных ветвей власти внутри государственного организма.

Первая идея: чем меньше присутствие государства в обществе и любой социальной сфере, тем лучше для общества и для любой социальной сферы. По сути дела, эта идея рав-

нозначна педагогической идее, рожденной Руссо: чем меньше педагог вмешивается в жизнь ребенка и чем больше ребенок предоставлен сам себе, тем успешнее развивается ребенок: природа сама все сделает лучше любого педагога. Жизнь миллион раз опровергла эту теорию, она опровергает ее на каждом сантиметре воспитательного, образовательного пространства, но ее упорно внедряют и расширяют.

Точно так же несостоятельна идея отключения государства от управления обществом. Устранение государства от управления обществом — это не только угасание первого, но и распад последнего в силу элементарной потери управляемости им.

Вторая идея — разделение государства на три ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную. Заметим, что эту идею возводят к Монтескье, но он предлагал совсем другую модель государства, в которой действительно было три ветви власти, но все решала исполнительная власть. Реальная же разделение трех властей есть абсурд. Представьте себе, что в организме разделились органы и стали жить сами по себе. Долго ли проживет такой организм? Представьте себе, что психика разделилась на три сферы — это даже не шизофрения, а что-то пострашнее. А вот применительно к государству почему-то такое разделение считается идеалом государственного устройства.

Понять, что такое государство и как далеки мы от истинного его понимания, можно на идеях о государстве А.И. Солженицына, почему-то считающегося одним из самых умных людей России. Его главной идеей было уничтожение компартии как преступной организации. Но давайте задумаемся, за что он проклинал большевиков? За все...

Но... в чем была трагедия свержения императора Николая II? Не столько в том, что либеральные круги свергли царя, а в том, что они разрушили монархию, то есть государство. А это означает, что они уничтожили центральную нервную систему российского общества. А дальше винтовка рождала власть. В этой войне счастье оказалось на стороне большевиков, и они создали новое государство на основе коммунистической идеологии.

И когда Солженицын призывал уничтожить компартию, как абсолютное зло, он даже не понимал, что в Советском Союзе компартия была государством. Значит, разрушив компартию, мы в очередной раз разрушили центральную нервную систему общества. А в результате получили эффект саморазрушения страны, эффект, аналогичный тому, который произвел февраль 1917 года. Так интеллигенция во второй раз уничтожила свое собственное государство. И это в

стране, где в 80-е годы экономическая интеграция достигла высочайшего уровня, а экономика — это скелет общества.

Спасло постсоветские страны и то, что не было внешней агрессии, в отличие от Гражданской войны, когда в Россию вошли армии 14 иностранных государств. И этому мы были обязаны прежде всего ядерному оружию СССР. А окажись постсоветские страны втянуты во внешнюю войну, потери были бы колоссальны.

Что же такое государство? Государство есть орган управления обществом. И, соответственно, общество не может жить без государства, как не может организм жить без центральной нервной системы, и особенно без головного мозга. Когда сегодня некоторые государственные деятели озабочены уменьшением присутствия государства в разных его сферах, например бизнесе, то следует заметить: государства в обществе должно быть не много и не мало, а столько, сколько надо для нормального существования общества и его отдельных сфер.

Можем ли мы предложить что-то для более правильного устройства государственной власти? Да, можем! Это построенное целостной единой системы государственной власти. Единство государственной власти определяется единым руководителем, будь то царь или президент.

Далее власть сама в себе должна иметь три органично связанные между собой ветви: планирования, исполнения и контроля.

Первая ветвь — сфера планирования. Почему некоторые ученые ополчились против планирования? Во-первых, потому же, почему сегодня вообще ополчились против государства, а планирование и есть его важнейшая функция; во-вторых, потому что его связывают исключительно с советским Госпланом. Но в том-то и дело, что советское государственное планирование было создано под мобилизационную экономику, мобилизационное развитие общества. И со своей задачей оно успешно справлялось. Однако вместе с советским государством было разрушено и советское планирование. А в результате... Кто планирует сегодня развитие страны? Президент? Едва ли! И что, самое главное, утверждает Дума? Бюджет. Но не программу развития страны. А ведь бюджет — это крохотная часть программы развития социума. Значит, Дума утверждает крохотную часть программы развития страны? А кто все-таки планирует ее реальное развитие в целом?

В результате сегодня государственная власть России чаще всего работает в режиме живого реагирования, отвечая на те-

кущую ситуацию. Безусловно, государство должно реагировать на текущие сигналы. Но его главное предназначение — долговременное развитие страны. А для этого должно быть долговременное планирование. При этом последнее должно соответствовать сути социума: его состоянию и развитию. В современной России планирование должно осуществляться на основе долговременного прогнозирования.

А для этого должен существовать орган долговременного планирования развития страны, который на основе долговременных прогнозов мог бы предложить программу долговременного развития государства. И уже под эту программу надо создавать систему законодательных актов.

Работа будущего Комитета стратегического планирования позволит собрать в живом деле колоссальный интеллектуальный потенциал России, а также задействовать важнейшие наработки других стран. Когда сегодня возмущаются, что наука России дает такой малый практический эффект, то надо спросить: 1) во что внедрять научные достижения — промышленность и сельское хозяйство еще не возродились? 2) где механизмы внедрения интеллектуальных достижений?

Система государственного планирования, которая будет создана на всех уровнях, как раз и сможет стать реальным механизмом внедрения интеллектуальных достижений — от страны в целом до конкретных промышленных и социальных объектов.

На уровне государственной власти сфера планирования должна утверждаться в Комитете государственного планирования. Он должен собирать воедино весь прогностический потенциал страны, благодаря сбору информации и интеллектуальным разработкам, идущим от всех ветвей власти, от науки, от СМИ и т.д., и он же создает программу развития страны. Под эту программу формируется законодательная база (а сегодня каждый лепит закон, кому какой заблагорассудится) и делается государственный бюджет.

Вторая ветвь — исполнительная власть, призвана реализовывать практическое развитие страны. Организационно она будет представлена Советом министров.

И третья ветвь власти — система контроля. Сегодня она фактически представлена Счетной палатой. Как в СССР был Госплан, но не было единого органа контроля, при том, что было много контролеров, так и осталось в современной России. В чем главный недостаток современного контроля? В том, что, во-первых, у нас нет системного контроля, во-вторых, контроль — это не поймать и наказать, а система, обеспечивающая бесперебойное и оптимальное функционирова-

ние всего общества. Но если в стране нет целостной программы развития страны, то и контролировать, кроме бюджета, нечего.

Необходимо принципиально иначе понять и осмыслить цели и функции контроля на всех уровнях и прежде всего на уровне государства. Контроль должен быть качественным. А для этого нужна оптимальная система контроля и профессионалы-контролеры высочайшего уровня.

И если собрать в единую систему все системы контроля — от милиции до налоговой системы, причем в их индивидуальной ответственности за свой участок работы, то мы построим систему контроля, работающую в режиме постоянного многоуровневого и многоаспектного реагирования, подобно контрольной системе живого организма.

В связи с совершенствованием государственной власти, следует поставить и вопрос оптимальной организации представительной власти. Государственная дума — это представительная власть народа, это участие народа в государственной власти и в политической жизни страны, в осмысленной жизни политических партий. При этом непонятно, какова функция Совета Федерации и зачем он вообще нужен в системе государственной власти России?

Денационализация и деимпериализация

Сегодня на наших глазах идет стремительное разрушение наций. Между тем нация — это колыбель человеческой культуры, это условие оптимального развития каждого человека. Причем многие виды культуры могут существовать только в рамках отдельной нации, как могут существовать только в узком ареале определенные виды растений. Поэтому совершенно необходимо сохранить каждый народ и каждую нацию. К.Д. Ушинский писал: «Но если человеческая душа содрогается перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа — этого величайшего из всех созданий Божьих на земле?» Правда, в рамках развития нации возможен и национализм. Без хлеба человеку нельзя, но беда, если человек переест хлеба.

Но если с одной стороны идет разрушение национальностей, то с другой — идет не менее страшный процесс: разложение полинациональных образований, империй.

Конечно, до сих пор отношение к империям в литературе в большинстве случаев отрицательное. И нет понимания, что империя — это качественно новый и более высокий уровень

развития социума сравнительно с моногосударством и что едва ли не все самое значимое и великое в культуре человечества было создано империями. Где было бы современное человечество, если бы не было Римской империи?

При этом возможно два принципиально разных типа существования империи: империя, живущая за счет завоеванных территорий (Римская, Британская), и империя, поднимающаяся на более высокий уровень своего существования за счет сложения и развития своих внутренних потенциалов, например, Византия. Ярким примером последнего рода империи была Российская империя, а затем и СССР. Здесь включение наций в общую цивилизацию, в общую страну возвышало и усиливало каждый народ, каждого человека. Кто бы знал Чингиза Айтматова или Расула Гамзатова, если бы не было Советского Союза?

Но в любом случае, империя есть, во-первых, нечто более высокое, чем просто моногосударство, чем бы ни было представлено это «моно»; во-вторых, это особый вид социальности. Именно империя и реализует тот стиль, который получил название имперский стиль. Имперская Россия создала высочайшую культуру. И СССР создал. Распад СССР означал и деградацию всех высших культурных достижений.

Декультуризация

Духовная болезнь сегодня серьезно поразила всю культуру, и в первую очередь художественную. При этом, с одной стороны, уничтожается традиционная культура, замалчивается или извращается классическая культура, с другой — создается культура, в основе которой лежит темное начало.

И главная причина этого — отступление художника от Бога. И это не только фраза. Известный русский философ С.Л. Франк выявил, что искусство очень близко соприкасается с духовностью, и поэтому оно дает возможность хорошо почувствовать духовное начало, подчас даже раньше самой религии. И в то же время в силу этого искусство может стать и проводником темных энергий, может служить темным силам, а значит, быть причиной деэстетизации мира.

При этом особую опасность представляет то, что не только сама культура со второй половины XIX века устремилась к темным энергиям, разрушительным силам и ценностям, но и то, что с конца 60-х спецслужбы западных стран — прежде всего Англии и США, спасая правящие сословия, сумели направить развитие искусства в сторону служения темным силам — т.н. рок-культуре с ее известными слоганами: рок, секс, наркотики.

Эта опасность многократно возрастает и от того, что современное образование не видит смысла вводить подрастающее поколение в традиционную, в классическую культуру. В этой связи очень большую опасность представляет реформа российского образования, отсекающая российских школьников от русской классики. Следовательно, важнейшей задачей современного социума должно стать формирование социума и человека как носителей высокой культуры.

Дерационализация

В ряду важных факторов уничтожения духовно-нравственной сферы особую опасность представляет уничтожение науки, так как наука — это не только рациональная культура, а важнейший вид современной культуры, основа современной европейской цивилизации.

При этом уничтожение идет как физическим путем, например сокращением финансирования, так и путем различных организационных решений. Например, современная реформа РАН. Страшна и самодеградация науки. Этому процессу служит и современная постмодернистская философия с ее отрицанием положительного содержания науки.

Нельзя не видеть и серьезной опасности очередного втягивания науки в войну с религией. Следует сказать, что философы, общественные деятели и ученые, воюющие с религией, напоминают деятелей, которые воюют с искусством. Ничего путного из этого никогда не получалось.

Некоторые российские ученые в последнее время решили прославиться на поле брани с религией. Ничего хорошего из этой войны не выйдет. Поэтому для российских ученых, даже самых рассвободных, руководством к действию должны быть слова основоположника российской науки М.В. Ломоносова: «Наука и религия никак в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклеплет». Выход — возвращение науки к мировоззренческим основам, сформулированным русской религиозной философией. В более широком плане — пришло время создания в университетах кафедр теологии, так как они смогут системно знакомить будущих академиков с принципиально иным способом видения и понимания мира.

Поэтому надо сделать все, чтобы человечество осознало единство науки, классического искусства и традиционной религии и научилось противостоять разрушению этого единства.

Сегодня многие озабочены непредсказуемой судьбой нашего образования. Но надо понять, что его судьба определяется, говоря современным языком, не тревогой миллионов людей, а тем трендом, в котором развивается Россия. А этот тренд прежде всего направлен на построение капитализма в России и на уничтожение всего советского: сельского хозяйства, промышленности, медицины, пенсионной системы. Советская пенсионная система была уничтожена не потому, что она плоха или хороша. Но потому, что она не вписывалась в новый тренд. Ее надо было уничтожить. Ее и уничтожили. То, что ее уничтожил Зурабов, никогда никакими социальными вопросами не занимавшийся, — никакого значения не имеет для результата.

Какие проблемы решают бесконечно идущие реформы современного образования? Назовите хотя бы одну значимую проблему, которую удалось решить современному российскому образованию. Их нет. Во что уходит российское образование? В решение каких-то формальных проблем. Более того, трагедия его в том и заключается, что внутренние проблемы современного российского образования решают с помощью внешних реформ. Как решают проблемы развития интеллектуального воспитания? С помощью ЕГЭ. Но это, каким бы ни был сам процесс ЕГЭ, — искусственное стимулирование. А где внутренние механизмы: содержание, технологии развития умственного воспитания?

Педагогическая стратегия уничтожения современного российского образования заключается в переформатировании творцов в потребителей. Технологии разрушения будут осуществляться путем отсечения образования и воспитания от их духовно-нравственных истоков и традиций; суживания объема академического содержания образования; отключения интеллектуального и эстетического содержания воспитания от его классических основ; примитивизации содержания образования; разделения образования на всех уровнях, начиная с начальной школы, на элитное и профанное; сведение технологий образования, даже в системе высшего образования, на уровень игры или проектов (хотя эти формы и методы в определенной мере в образовании нужны); деформирования педагогического образования; постоянного роста стоимости образования на всех его ступенях.

Важнейшее направление — свёртывание духовно-нравственного воспитания. В этой связи очень интересно увидеть, как менялось в Европе отношение к духовной сфере. Если в Средние века смысл всего образования сводился к

духовному формированию, то, начиная с эпохи Возрождения, в сознании педагогов все большее значение стало придаваться интеллектуальному воспитанию, тогда как духовному все меньше и меньше. И теперь оно сводится к нулю.

Высшее образование будет уничтожаться путем введения бакалавриата и магистратуры, между собой практически не связанных (при этом количество реальных учебных часов в бакалавриате уже сегодня сокращено настолько, что говорить о фундаментальной подготовке не приходится, а значит, высшее образование автоматически опускается на уровень, высшему образованию не соответствующий, и в то же время магистратура пока не проработана концептуально); путем бессмысленной реорганизации вузов (эти бесконечные реорганизации, ничего не решающие, ничего не значащие, но держащие в состоянии напряжения и никчемной деятельности); а также путем искусственного сокращения числа вузов, под каким бы предлогом это ни делалось (за исключением закрытия вузов-фантомов, вузов-фикций, вузов-призраков).

Важнейшее средство разрушения образования — депедагогизация социальной и образовательной среды. Общество, устремленное в космос, формирует творцов, общество потребления — безликую массу, где самым значимым явлением становится преступление. Посмотрите современные СМИ: кто в них главный герой? В результате разрушения педагогического потенциала социальной, научной и образовательной среды развитие образования станет так же невозможно, как невозможен рост гриба без грибницы.

В целом же осуществление указанных организационных мероприятий приведет к тому, что через несколько лет от современного российского образования мало что останется.

Выход: создание системы инновационного образования, способного подготовить человека к жизни в принципиально непредсказуемом мире.

Деидеологизация

Всем известно, что одним из первых стратегических шагов новой России был отказ от идеологии как пережитка тоталитарной эпохи. При этом нередко в подтверждение этой версии говорят: «Вот живет же Европа без всякой идеологии». Но живет ли?

В том-то и дело, что идеология — это жизненный образ и сокровенный смысл бытия общества, поэтому отсутствие идеологии для общества — это то же самое, что отсутствие смысла жизни для человека.

Однако если говорят, что страна отказалась от идеологии, то есть потеряла смысл своего существования, то не верьте этому, потому что отсутствие смысла жизни в человеке возможно только в одном случае — если человек мертв. Даже алкоголик имеет смысл жизни — найти утром водки. И если страна еще жива, значит, страна имеет смысл своего существования. Какой же смысл своего бытия имеет современная Россия? Его она сформулировала в 90-е гг.: рынок все решит, а Запад нам поможет.

Разумеется, эта идеология настолько убога, что ее и высказать никто вслух не смеет. Но реально наша страна живет именно в пространстве этой разрушительной идеологии, потому что никакой другой у страны нет. А при существующей ныне страна обречена на разрушение и распад.

В этой ситуации, казалось бы, страна должна все сделать, чтобы создать свою идеологию. И казалось бы, проще простого ее создать. Ну что было хитрого в предшествующих идеологиях Руси-России, выражающихся в самых обыденных словах: за землю русскую, за веру христианскую; Русь святая; православие, самодержавие, народность. Казалось бы, чего проще создать нечто подобное?

Но в том-то и дело, что для того, чтобы эти абсолютно простые слова имели жизненное значение и смысл, по которым все живут и за которые все умирают, надо, чтобы эти слова имели глубоко сокровенный, жизненно важный смысл для каждого человека и народа в целом. Слова «за землю русскую» имеют смысл только тогда, когда земля — это не товар и не почва, куда можно бухать семена и удобрения, а мать сыра-земля. И если современные славяне даже не понимают, что это такое, значит, они уничтожат свою землю, если еще раньше она не отнимется у них. За веру христианскую можно умереть только тогда, когда вера — это главная цель жизни человека, заключающаяся в обретении жизни вечной в Царствии Божиим, а церковь — не просто красивое сооружение посреди села или города. Поэтому идеология — это не громкие слова или символы, а сокровенный смысл и образ жизни народа.

При этом сложно не только создать, но и понять истину идеологии. В этой связи важно заметить следующее. Сегодня сплошь и рядом на вопрос о том, почему столь драматичны, а то и трагичны сюжеты подлинной культуры, деятели искусства отвечают: мы пишем литературу, снимаем кино, а в искусстве невозможна ложь. Искусство — это не идеология, а сама жизнь. А современная жизнь трагична. Это правда. Но правда и то, что если мы возьмем массовое искусство,

то оно сплошь и рядом отрабатывает свои деньги. И потому оно столь же далеко от правды, как и идеология, обслуживающая кого-то.

Подлинная идеология, как и подлинное искусство — это тоже путь к правде. В противном случае идеология превращается в средство разрушения страны, как мы это видели в СССР, когда идеология стала обслуживать правивший партийный аппарат.

Иное дело, что понять идеологию не менее сложно, чем понять подлинное искусство и литературу. Сколько издевалась и издевается русская интеллигенция над этой идеологией: православие, самодержавие, народность! Потребовался гений мыслителей России — от К.Д. Ушинского до Д.И. Менделеева, потребовалась святость — от Филарета Дроздова до Иоанна Кронштадтского, чтобы понять смысл православия. Потребовался гений Л.А. Тихомирова, прошедшего через каторгу, чтобы понять, что именно самодержавие — оптимальный способ управления Россией (и значение этого принципа многократно возросло в наши дни. Сегодня развитие мира во многом определяют транснациональные корпорации, на протяжении сотен лет управляемые представителями одних и тех же семей, а государственная власть в каждой стране почему-то должна меняться раз в 4—6 лет, обрекая страну на разрушение преемственности); потребовался гений русских мыслителей А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, чтобы понять истинное значение народности. Но этого понимания не хватило ни российской интеллигенции, ни нынешнему российскому народу в целом. Поэтому мало создать истинную идеологию, ее надо еще и понять, и принять.

Способы преодоления духовно-нравственной деградации

Может ли современный российский народ создать новую идеологию? Да, может. Но идеологию, как и искусство, нельзя высосать из пальца. Идеология — это результат поиска всего народа и его выдающихся людей. И неизвестно, кто сможет ее создать: князя Владимир или Александр Невский; известный всей Руси преподобный Сергей Радонежский или неизвестный инок Филофей. А может, ее создаст и какое-то сообщество, подобно тому, как современную идеологию создает мировая либеральная «элита».

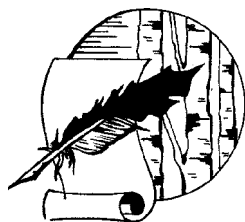
Идеология будет очень сложной. И она должна вобрать весь смысл предыдущих идеологий — от отношения к земле до устремленности народа в будущее. В этой связи одной из самых важных идеологием должна стать идея преобразования.

Не сохранение, а преобразование мира в рамках его закономерностей. Если исходить из того, что главной идеологемой Запада на протяжении веков была идея научно-технического прогресса, и этим же принципом руководствовалась последние века, начиная с Петра I, и Россия, то теперь следует ввести более глубокое понятие — понятие преобразования; преобразование прежде всего самого человека и общества, а потом и преобразование окружающего мира.

В связи со сказанным следует оговорить следующее. Либерализм — это мировое интеллектуальное движение образа жизни. В чем его смысл? Разрушение традиционных духовно-нравственных констант общества, на которых держится все — от армии до семьи, и вместе с этим разрушение всех традиционных институтов, страт и сфер — от семьи до государства.

Значит, должно быть сообщество, которое могло бы разработать иную идеологию и отстаивать ее в борьбе с либеральной «элитой». А как можно противостоять современной либеральной идеологии, если сегодня нет даже той организованной силы, которая есть у носителей духовной смерти. Поэтому необходимо создание интеллектуального сообщества, призванного осмыслить современную действительность с позиции духовности и нравственности. И найти пути выхода из существующего кризиса. Тогда можно рассчитывать на то, что появится шанс на спасение, так как у человечества будет та интеллектуальная сила, которая сможет найти оптимальные пути развития человека и общества.

Можно продолжить этот список действительно смертельно опасных угроз. Но гораздо важнее понять, что преодоление всего спектра смертельных угроз возможно при одном условии: если мы поймем, что мы попали в историческую ловушку, из которой не может быть простого выхода. И прежде всего потому, что мы по-настоящему еще не осознаём всего масштаба и всей серьезности той **духовной войны**, в которую оказалась втянута Россия.

Алексей КОРНЕЕВ

МОЙ КОСТЁР

* * *

Я не верю в то, что от рожденья
Человек со злом накоротке.
Нет в крови такого утвержденья.
Нет и в материнском молоке.

Кем бы ни был, — русским или немцем,
Под каким бы небом ни дышал,
Человек рождается младенцем —
С розовыми пятками душа!

Лишь потом, с минутой самой первой
И покуда жизни вечереть,
Радугою мыслей, чувств и нервов
Той душе светлеть или чернеть.

Окунаться в счастье и в несчастье,
Выходить на праздник и на бой.
О, какой необратимой властью
Люди обладают над собой!..

* * *

Мой дом — четыре каменных стены.
Своими крепкими тогда ещё руками
Давным-давно в развалинах войны
Отец добыл киркою эти камни.

А я, малыш-худышка, босиком,
Душой и телом всем ветрам открытый,

К нему с тяжёлым белым узелком
Бежал вприпрыжку по разбитым плитам.

Он ел... Устало поведя плечом,
Плотками долгими пил воду из бутылки.
А я стоял и думал ни о чём,
Большое сердце чувствуя затылком!

Тянулся к свету молодой бурьян,
Тревожно чуть посвистывала птаха...
Земля, своих не замечая ран,
Притихла вдруг, рождая жизнь из праха.

СЫНУ

Он не ест и не спит. Он плачет,
Мой сынок, мой первенец Димка.
Вдруг сжимается весь в калачик,
Выгибается, как пружинка.

Из усталых глазёнок выплыв,
Слёзы катятся на висок.
Из последних силёнок хриплый
Надрывается голосок.

Маму срочно, немедля маму!
Нашу, жданную так давно.
Только ей — по глотку, по грамму —
Горе это унять дано...

Не капризничай. Будем стойки.
Мамы нет, она далеко.
Есть полезные очень соки,
Есть в бутылочке молоко.

Спи, мой маленький, успокойся.
Понимаешь, у нас, мужчин,
Есть одно непростое свойство:
В одиночестве мы молчим.

* * *

Нет, не первым я вышел рано
Мять росу на травинках тонких.
Кто-то был здесь. Большой и странный,
Одиноко бродил в потёмках.

Раскалёнными пальцами трогал
Листья, будто гадал на счастье,
Превращая зелёный, строгий
В жёлтый, жаждущий соучастия.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

С гранатой прадед полз под танки,
В штыки на пулемёт ходил.
А правнук, озверев по пьянке,
Нож собутыльнику всадил.

Или, бутылки три осилив
На финише запойных дней,
Пополнил кладбище России
Могилкой горькою своей.

Прабабка лебеду с крапивой
Едала: «Милости прошу...»
А правнучка — на секс ретива,
Сосёт жестяночное пиво,
Покуривая анашу.

Её славянская природа
Живёт у дьявола в кредит.
И вот — несчастного уroda
Как продолжение народа
Врагу на торжество родит...

О Русь! За что сквозь столько гроз ты
Пробилась, путь собой стеля?!
В бурьяне мёртвые погосты,
Во мгле бесхлебные поля.

Извечный труженик и воин,
Державный сеятель страны,
Народ расхристан и опоев,
Опущен силой сатаны
В затмение разума и солнца
И поругание святынь...

Но день придёт — и он очнётся,
Отчизны непутёвый сын.
Узреет, как под бой курантов
Вдоль по России нагло прут

И на его зовущий свет,
Просты, не лживы,
Пришли и те, кого уж нет,
И те, кто живы.

Роятся искры, ввысь маня
И пропадая...
Тебе у моего огня
Тепло, родная?

У всех, с кем сам себя делю
На свет и тень я,
Кого печалю и люблю, —
Прошу прощенья...

Обугливаясь, чуть треща,
Сгорает ветка.
Спиною чувствует душа
Дыханье предка.

И близок в сумраке густом,
Во тьме влекущей,
Ветшающий отцовский дом.
И сад цветущий...

Давно в родимой стороне,
В стране безуглой,
Костёр угас мой.

А во мне
Всё плачут угли.

Олег ЧУПРОВ

СТАНОВЛЮСЬ ПОСТЕПЕННО РЕКОЙ

* * *

Путь к Благодати не напрасен...
И Светлой Пасхою храним,
Я в храм иду..
А он — прекрасен,
И ясен небосвод над ним!

Но в сердце боль ударит глухо,
И щеки вдруг окрасит стыд,
Когда на паперти старуха
Ребенком
брошенным
стоит...

ПУШКИНСКОЕ НЕБО

Вл. Кострову

Опять напомнила душа,
Что живы не единым хлебом...
Медвяным воздухом дыша,
Взлетаю
В Пушкинское небо!

Прошли над Соротью века,
И песня иволги все тише...
Но рядом — радуги строка
Сверкнула,
Как Посланье свыше!

Не канет в Лету
Дивный свет,
Струящийся от неба к полю.
И Богом избранный Поэт
Дарует нам покой и волю!

Вскипает золотом заря,
И под державным омофором,
Всевышнего благодаря,
Сплотимся
Пушкинским дозором!

России путь необъясним,
Неведомо куда несется...
Она воскреснет —
Только с ним,
Святой поэзией спасется!

Нет крепче этих кровных уз,
В победу веры не теряю...
В Михайловском
Под сенью Муз
Вслед за поэтом повторяю:
«Друзья, прекрасен наш союз!»

ПОДУШКА

И вдруг войдет,
Присядет рядом,
Посмотрит долгим, странным взглядом.
И, зябко кутаясь в платок,
Не сгорбленная, не седая,
Еще такая молодая,
Мне молча скажет: «Спи, сынок...»

К ее руке прижмусь щекою,
А сердцем — к вечному покою,
Который там, среди берез...
И засыпаю я послушно,
И просыпаюсь...
А подушка —
Вся мокрая от чых-то слез.

* * *

Ничего он у Бога не просит,
Деловой, пробивной и крутой!
На груди, как на выставке, носит
Крест массивный, литой, золотой!

Но однажды сквозь сон полупьяный,
Вдруг припомни, всего лишь на миг,
Что у матери — крест деревянный
От дождя и от ветра поник...

* * *

Вечером поздним потянет к Печоре...
Слышу вдогонку:
«Бессонница, чё ли?»
Под усть-цилёмский родной говорок
Переступаю, как в детстве, порог!
Переступаю
И сразу — вприпрыжку,
И на ходу
из мужчины —
в мальчишку!

В десять минут
Сорок лет пробегу,
Чтоб оказаться на том берегу..
Вот я в прохладные волны врываю,

Город, деревню, судьбу —
Забываю,
Сердцем вдыхаю
Полночный покой.
Сам становлюсь постепенно рекой...

КОМАР

Человек на спине лежал,
Обручальным играл кольцом.
А комар всё жужжал и жужжал
Надоедливо над лицом.
На виски давила жара,
Вспоминались жена и сын...
Человек убил комара
И остался
Совсем один.

* * *

Село, в котором я родился,
Дом с покосившимся крыльцом...
Я снова вспомню, как гордился
С войны вернувшимся отцом!
Ну у кого еще похожий —
На все на сто дворов окрест! —
Был вот такой, обитый кожей,
Никелированный протез?
Теперь пригрезится сквозь муку,
Как я отца не раз просил
Снять металлическую руку —
Перед ребятами форсил!
И он снимал...
Глядел в окошко.
Блестели тускло ордена.
И, словно мёрзлая картошка,
Катилась по небу луна.
Потом... отцовская могила
И скудный хлеб
Тех трудных лет.
И тихо мама говорила:
«Учись, сынок! Ученье — свет!»
Но, пережив и с ней разлуку,
Увижу вновь,

Как станет мать
Ту — словно бы живую — руку
К груди иссохшей прижимать...

* * *

Вот питерский двор,
Наподобье колодца,
Где гари бензиновой
запахи стойки.
И говор гортанный,
как кружево, вьётся —
Подростки играют
у самой помойки.
И странный старик,
опираясь на посох,
Поодаль застыл
в размышлениях грустных:
Всё больше становится —
черноволосых,
Всё меньше и меньше
головушек русских...

* * *

В лесу просторно, тихо, ясно.
Снег осыпается, звенит!
Сосна светла —
И жизнь прекрасна,
Когда направлена в зенит.

И солнце, и деревья — рыжи.
Покой и блеск сведут с ума.
За поворотом чьи-то лыжи
Запели истоиво... Зима!

Таинственно молчат деревья,
Хотя на эхо лес не скуп.
И неожиданно — деревня!
И дым Отечества из труб...

СТРИГУНОК

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Шаукат Сафиуллин пил страшно, запои длились месяцами. За это время его богатырское тело — двухметровый рост, больше ста килограммов веса — улечивалось. Он становился похожим на уродливый горбыль, снятый с комля старой лиственницы. Шаукат не мог даже говорить — сил не было. Только стонал и всем видом, искажёнными от боли и страданий глазами, почерневшим лицом говорил, как ему мучительно тяжело. Он требовал у жены похмелиться, а та стояла рядом и односложно, истомлённым голосом отвечала:

— Нету..

В ответ Шаукат начинал биться в конвульсиях, как эпилептик, и стонать.

— Потерпи... Уж какой месяц пьёшь... Пройдёт... — ломая до хрустов в суставах пальцы, успокаивала жена. — Какой организм выдержит такое? Посмотри на себя — лица нет... Словно обугленный... — Фаузия погладила мужа по голове словно маленького и спросила: — Хочешь, баньку истоплю? Помую, полегчает...

ПРОЗА

— Мой себя! — вдруг взъярился Шаукат. — Принеси, говорю, водки! Не то на себя руки наложу! — Он попытался было встать, но тут же завалился навзничь. Взыл на фальцете: — При-и-ини-си-ии водки!..

— Что ж ты со мною делаешь? — жалобно, по-детски всплакнула женщина, пытаясь уложить мужа поудобнее.

— Нет, что ты со мною делаешь? — огрызнулся Шаукат и попытался оттолкнуть женщину ослабевшими руками. — Не принесёшь водки — помру... Лучше принеси! На твой совети будет смерть отца твоих детей!

— Миленький, нельзя тебе... Ты совсем плохой...

— Не-е-ет, ты деньги жалеешь для отца твоих детей... — куражился пьяный. — Вы, бабы, все на одну колодку деланы... Знаю я вас! Добром прошу, лучше налей...

И что-то тут случилось с послушной, мягкой душой Фаузии. Она вдруг схватила мужа за ворот рубашки, оторвала от подушки и бросила на постель. От неожиданности Шаукат вытаращил глаза и будто протрезвел.

— Мать, что с тобой? — странно тихим голосом спросил муж.

— Вот что... — Женщина побежала за дощатую перегородку, обозначающую кухню. Неимоверно шустро спустилась в подпол и, забыв закрыть его, вернулась к мужу.

— На, жри! Подавись своей водкой! — Фаузия снова закуксулась и дрожащими пальцами стала откупоривать бутылку. Она не обращала внимания на порезы пальцев. Бутылка не откупоривалась. Тогда она вцепилась зубами во впрессованную в горло бутылки фольгу и вырвала её. Водка булькнула.

— Ты, Фаузия, настоящая жена! — похвалил Шаукат и потянулся за бутылкой. — стакан, стакан подай...

— Нет, родимый, жри так! — и женщина вставила в рот опешившего мужа горло бутылки...

Поначалу Шаукат было обрадовался такой угодливости жены. Счастливые глаза его залучились. Он жадно сделал два-три больших глотка. Решив передохнуть, Шаукат попытался отвернуть голову в сторону. Но сейчас жена была гораздо сильнее его. Она крепко держала бутылку во рту мужа и иступлёно приговаривала:

— Не-ет уж, родимый, пей! Пей! Умрёшь, так хоть на том свете не будешь проклинать жену, что она не дала тебе водки! Пей!

Не имея сил сопротивляться, Шаукат, давясь, глотал водку, задыхался, вертел головой то влево, то вправо... Попробовал что-то сказать, но водка булькала в горле, и он понял, что

сейчас он умирает по-настоящему. Раньше, оказывается, он блефовал, играл со смертью в поддавки. И всё же инстинкт самосохранения оказался сильнее.

Остекленевшими глазами Шаукат видел, что жена с каким-то наслаждением льёт ему в рот отвратительную, страшную жидкость, и при этом её всегда добрые, чистые глаза смотрели на его умирание со странным вожделением. Как же так? Ведь ему, бывало, стоило крикнуть, что он умирает, что ему нужна водка, как Фаузия подхватывалась ночью ли, зимой, в непогоду и бежала к соседям за спасительной дрянью. И, слава Аллаху, соседи всегда выручали.

И всё же инстинкт самосохранения оказался сильнее женских рук. Независимо от воли Шауката, которой уже не было, мускулы его в последний раз напряглись, напружинились, и он дёрнулся, словно его полоснули по горлу, — прогнулся, засучил ногами, отвернул голову в сторону... Бутылка выпала из ослабевших рук Фаузии. Остатки водки потекли на Шауката, закапали на пол... Муж лежал, прикрыв глаза, и тяжело дышал. Губы его посинели, щёки ввалились ещё больше.

Женщина залилась слезами, назвала мужа нежными словами и просила Аллаха сохранить ему жизнь, простить ему все его грехи и вину перед детьми и женой...

— Только не умирай! Я больше никогда не буду перечить тебе. Только не умирай... — причитала женщина.

Шаукат лежал без чувств.

И вот уже Фаузия вливала мужу в рот молоко. Плача, хлопала неподвижного Шауката ладонями по щекам, трясла за грудки, умоляла открыть глаза, просила прощения...

Наконец муж приоткрыл блеклые глаза и, не понимая, что с ним произошло, почему жена плачет и держит кружку, думая, что это водка, он схватил кружку и залпом выпил.

— Ты что мне дала? — прошипел Шаукат. — Молоко?! Если помру, смотри у меня! — погрозил муж.

— Дурачок мой, кто ж умирает от молока?

Выпив вторую кружку, Шаукат уснул, точно принял снотворное. Он проспал почти сутки. Всё это время женщина сидела возле его кровати. Детям говорила, что отец очень болен и чтоб они не шумели...

Бедная женщина думала: как жить дальше? Если после всего, что произошло, Шаукат снова ударится в загул, она не выдержит — может наложить руки на себя или прибить мужа. От таких мыслей ей становилось страшно. И решила тогда несчастная женщина пойти к известной в Тайшете знахарке — бабушке Дарье.

Из живности баба Дарья держала белую козу — бесову скотинку, кота чёрного и с десяток кур. А её здоровенный красногрудый петух с гребнем с царскую корону перетоптал всех кур в округе. Гонять петуха соседи боялись. Кто знает, может, в нём сатана сидит?!

Про своего мужа Фаузия могла и не рассказывать — вся улица знала о запоях Сафиуллина. Удивлялись соседи, каким добрым, уважительным, желающим помочь каждому бывал Шаукат, когда не пил. Его отзывчивость, умение делать любую работу поражали каждого, кто знал его. А вот когда запивал, в него будто бес вселялся.

— Баба Дарья, что мне делать? — с порога спросила Фаузия и расплакалась.

— Знаю, голубушка, знаю... Шаукат весь на виду. В нём намешано и порчи, и распушенности, доченька. Видно, сатана в душу закрался. Вот и раскаляет он эту проклятую водку...

— Другие тоже пьют и ничего... Песни поют, веселятся, а мой начинает куролесить и надолго... Нет у меня больше мочи. Сейчас, правда, притих. Лицом что негр. Исхудал. Плохо спит. Тошнило желчью...

— Душу, милая, душу его надо лечить. Слабая она у него.

— Как?

— Ну-у, думаю, ему надо к кому-то душой пристать, — осторожно, глядя мимо Фаузии, сказала баба Дарья. И тут ей на колено вспрыгнул зеленоглазый чёрный котик, замурлыкал и стал тереться большой головой о руку хозяйки. Поглаживая кота, баба Дарья заключила: — Может, кого полюбит...

— Какая любовь, баба Дарья!.. — махнула рукой Фаузия. — До этого ли ему?..

— Не о том, дочь, я не о том... Ему кого-то жалеть надо. Жалость, она иной раз сила немалая. Нередко жалость врачует упрямых, гордых.

Старушка задумалась, почесала кота за ухом, треугольничком торчащим из-под густой шерсти. Кот прикрыл глаза, замурлыкал ещё громче, точно одобрял слова хозяйки.

— Когда я жалею кота, он млеет, мягчает... Вот и думаю, может, ему какую живность приобрести? Занять его надо...

— У нас и корова есть, и овцы, и куры... Собака...

— Попробуй завести лошадь... Лучше, конечно, если жеребёнком возьмёте: возясь с малышом, попривыкнет, привяжется к нему... Это как родители к своим детям. Вы ж, татары, коней любите, у вас в крови привязанность к ним. Разных трав, настоек я дам тебе. Пусть попьёт месяц-другой. После придёшь с ним ко мне, вроде на чай, поможет мне заплот починить... Вот за чаем мы втроем покалякаем о разных разностях. Поняла?

— Ага...

— Ну, доченька, с Богом. Сделай то, что я сказала, а там будет видно... Помни, животные не злопамятны, не таят, как человек, обиду, не мстят. Доброте надо учиться у них. У животных нет корысти, не могут они и завидовать... Отсюда все беды у людей. Сатана вселяется в души...

Фаузия покинула избу старой Дарьи с некоторой надеждой: может, и правда появление во дворе жеребёнка изменит к лучшему характер мужа.

Несмотря на обиды и оскорбления, которые пришлось Фаузии испытать от мужа, она верно и преданно ухаживала за ним. Не вспоминала оскорбления, которые пришлось видеть от мужа, когда он был в запое. Женщина ухаживала за Шаукатом, как за малым ребёнком. Она чувствовала, как муж становится мягче: меньше капризов, душевных срывов.

Фаузия отпаивала Шауката травными настоями валерьяны, зверобоя, пустырника, пижмы, листьев брусники. Варила куриные бульоны, зарезала тёлку, которую мечтала вырастить в дойную корову...

Когда Шаукат чуть окреп, Фаузия истопила баню.

— Помыть тебя надо по-настоящему, — сказала она мужу. — Сколько времени твоё тело не видело бани!

— Как хочешь, — равнодушно ответил Шаукат. А было время, когда он ходил в баню почти через день... Был чистулей.

Протопив печь берёзовыми дровами, выдержав часа два, Фаузия помыла полок и скамейку хвойным настоем, размячила в крутом кипятке два небольших, но плотных веника и вернулась в избу снаряжать мужа в баню.

Шаукат раздевался в предбаннике смущённо, будто впервые видел женщину. В бане Фаузия посадила мужа на пол, чтобы его ослабленное тело постепенно втянулось в банную жару. Помыв его, она помогла ему взобраться на полок. Уложила на живот, положила под голову один веник, чтоб он дышал в него. Второй, мокрый, попридержала на раскалённых камнях и стала прикладывать к плечам, спине, пояснице...

— Отдохни, ты ж устала... — промолвил Шаукат.

Фаузия поняла, что муж обессилел. Чтобы не задеть его самолюбие, она помогла Шаукату спуститься на пол. Тут она окатила мужа теплой водой и пошла в предбанник за брусничным соком. Пока Шаукат утолял жажду, Фаузия взобралась на полок, крепко попарилась и, порозовевшая, вызывающе встала перед мужем. Тот вдруг прикрыл веником пах.

— Тю-ю, ты что это прикрылся? — нарочито бодро спросила Фаузия. — Иль я тебе уж не жена? — делано засмеялась

и, повернувшись спиной к мужу, стала ополаскивать после себя полок. Потянувшись, веником смела из дальних углов листья...

Шаукат не сдержался, подошёл к жене, прильнул губами к плечу и выдохнул шумно, со стоном, словно кит, поднявший-ся из океанских глубин:

— Как ты вкусно пахнешь...

— Отец, ты что говоришь? Я уж забыла... — не в состоянии скрыть обиду, ответила Фаузия и тут же спохватилась: что же она делает? Какую наносит боль мужу, как унижает его мужское достоинство... — Хочешь, я тебя ещё раз попарю? — нарочно угодливо спросила женщина.

— Нет, тяжело мне, — признался Шаукат, кляня свое бес-силie...

«Не пил бы, как свинья, как бы сегодня тебя ласкала здесь...» — подумала женщина. В её дрожащем голосе Шау-кат уловил незнакомые до сих пор нотки упрёка, обиды...

Когда Шаукат окончательно пришёл в себя, окреп, Фау-зия повела речь о жеребёнке. Сослалась на соседей-татар, которые ежегодно откармливают годовалых жеребят, а осе-нью закалывают их — на всю зиму диетическое мясо. Разу-меется, за ним надо смотреть, сено заготовить, овёс.

Догадавшись о сомнениях мужа, Фаузия вкрадчиво-по-кладисто сказала, что неужто вдвоём они не осилят, да и сы-нишка подрос — без малого двенадцать.

— Что ж, быть по-твоему, если так, — согласился Шаукат.

...Пятимесячного жеребёнка купили в деревне Старый Акульшет, что километрах в двенадцати от Тайшета. Жере-бёнок был редкой масти — весь шоколадный, а хвост, грива, копыта — белые, как снег. Тёмно-синие глаза смотрели до-верчиво и не догадывались, для какой цели купили его новые хозяева.

— Смотри, паря, рано не обхомутивай. Иначе загубишь скотину. Выдержи, пушай окрепнет. Послушаешь меня — не пожалеешь, — сказал продавец.

Шаукат сразу полюбил до смешного мосластого, чем-то очень похожего на кузнечика жеребёнка. Он отличался от сверстников не только мастью, но смышлённостью.

Шаукат назвал жеребёночка Стригунком и, оставаясь с ним наедине, от души смеялся над угловатостью брыкливого воспитанника. И холил его, водой ключевой поил, молока не жалел, баловал морковкой. Пас на самых сочных травах — на лугах возле Бирюсы. Мыл, чистил пластиковым скреб-ком почти каждый день... В ответ Стригунку привязался к человеку, как хорошая, умная собака.

Наедине этим двум существам — человеку и жеребёнку всегда было уютно, и они хорошо понимали и дополняли друг друга. Шаукат становился словоохотливым, шутливым, говорил Стригунку много ласковых слов. Жеребёнок, словно понимая человека, согласно кивал несоразмерно большой головой и внимательно прислушивался к каждому слову.

Привязанность Шауката к жеребёнку радовала Фаузию. Она видела, как остепенился муж, стал спокойнее. Какой месяц о водке не вспоминает. Однажды даже отказался выпить с родственниками, чем и обидел их сильно. Мало того, прощаясь, наказал: «Чтоб ко мне больше не приходили с водой. Поняли? Всё!»

Шаукат говаривал своему любимцу:

— Кузнечик, какой ты у меня славный! Ну-ка, покажи свою прыть!

Словно понимая, жеребёнок подхватывался: подняв трубой ещё не успевший распушиться белый хвост и отбежав в сторону, замирал, как бы спрашивал: «Ну и как, нравлюсь?» Но услышав гогочущий смех человека, Стригунок возвращался, смешно подкидывая гладкий, упитанный круп.

Привязанность человека к жеребёнку была странной и посторонним рассудком трудно воспринимаемой. Ведь когда-то эта привязанность, почти единство двух живых существ, должна прерваться...

...И вот Стригунок лежал на полу летника, усыпанного опилками, и не понимал, что же с ним происходит, что хотят от него чужие люди? Зачем они больно связали вожжами его ноги, навалились и до хруста в шейных позвонках зачем-то заламывают голову назад?.. Стригунок сопротивлялся отчаянно, напрягал все силы, которые он накопил на вкусном корме из щедрых рук Шауката.

Чужие люди без большого труда словили доверчивого, испуганного молодого конягу. Тем более, что хозяйка круто посолила краюху чёрного хлеба и пришла к Бирюсе, где пасся Стригунок, выбивая копытами из-под первого снега траву, чуть тронутую морозцем. Фаузия окликнула Стригунка, который тут же отозвался радостным ржанием. Ничего не подозревавший Стригунок доверчиво приблизился к хозяйке и осторожно взял упругими губами из её рук лакомство. В тот же миг незнакомые люди набросили ему на шею волосяной аркан. Молодой коняга рванулся, встал на дыбы, но аркан лишь затянулся... Стригунок смирился, уверенный, что ему ничего плохого люди не сделают.

— Теперь можете спокойно вести во двор, — сказала женщина. — Я пойду домой, посуду приготовлю ...

Стригунок очень любил эту излучину Бирюсы, где его часто пас Шаукат. Здесь всегда была сочная трава, много клевера пахучего, да и гнус не так донимал — саянские ветры разгоняли его. Пока он наслаждался свободой: скакал, вставал на дыбы, звонко ржал — требовал, чтобы отозвался хозяин, фыркал, как взрослый конь, Шаукат ложился на спину и, подсунув под голову руки, подолгу смотрел на противоположный берег и плывущие в бездонном небе стаи облаков.

Крутой берег с отвесными гранитными скалами был таинственным и мрачным. Там пенилась и ревела Бирюса. Летом на высоченных вершинах изумрудились берёзы, которые расчёсывались буйными ветрами Саян. Гранитные скалы, испещрённые прожилками кварца, сверкали цветами радуги под лучами нежаркого осеннего солнца Сибири.

Шаукат заметил, что Стригунок тоже подолгу вглядывается в противоположенный берег, забыв на время свои шалости. Он словно пытался понять нерукотворную красоту, которая царствовала на другом берегу. И прежде чем покинуть берег, Стригунок заходил в реку и начинал месить воду копытами, наводя страх на мельтешивших на отмели пескарешек.

«Неужто чертёнок что-то кумекает? — не раз удивлялся Шаукат и, поглаживая его атласную шею, говорил: — Может, не зря говорят про умных людей: «У него голова лошадиная!»

...Незнакомые люди вели Стригунка во двор на аркане, который причинял сильную боль. Мужик в телогрейке то и дело тыкал его в пах кулаком и, гогоча, приговаривал: «Хорошо откормил конягу Шаукат! Нутряного жира, поди, с пудик наберётся. Вкусна будет колбаска!» Из его рта смердело какой-то дрянью. Да и ступал он как-то неуверенно — покачивался...

Стригунок раза два пытался взбрыкнуть и показать норов, когда Ибрай в очередной раз тыкал его кулаком в бок, но его тут же ожёг прутом по нежной спине мужик в шубе и валенках. Он шёл рядом и дымил изо рта тоже какой-то дрянью.

— Фазыл, глянь, как на тебя жеребчик смотрит! — опять загоготал вонючий в телогрейке. — Ишь как зыркает на тебя! Дать волю — полруки отхватит. — Ибрай снова ткнул кулаком под ребро Стригунка. — Откормил Шаукат его на славу... — Теперь уже Ибрай почти не говорил, а мычал, как корова перед дойкой. Он икнул, и изо рта засмердело самогоном. Стригунок пронзительно заржал и, взбрыкнув, чуть не достал копытами Ибрая.

— Отойди от коня. Лошади — животные чуткие. Страсть как не любят выпивох... — как бы между прочим заметил Фазыл. — Может, потому и Шаукат перестал пить...

— Хе-хе! Из-за коняги Шаукат перестал пить? Ну, ты ска- занул! Шаукат же не чокнутый. Тут без ворожбы не обо- шлось... Или зашили бомбочку.. А ты, Фазыл, не жалей ко- нягу. Это грех большой! Когда животное ведут на убой, его нельзя жалеть... Во! — поднял вверх руку Ибрай с выставлен- ным большим пальцем.

Молчаливый всю дорогу длинный Ахмет, считающий себя самым образованным в посёлке (работал секретарём в рай- онной милиции) заявил:

— Истина! Вообще жалеть скотину грех!

— А чего это Фаузия попросила нас конягу резать? — вдруг спросил Ибрай и посмотрел на дружков точно спросонок.

— Сказала, Шаукат в тайгу пошёл, зайца погонять, — от- ветил Фазыл.

— Ну, тогда оно, конечно, почему не помочь...

Пройдя немного, Стригунок заупрямился и, упершись в землю копытами, стал вертеть головой — где же его хозяин? Должен же он наконец высвободить его из чужих рук.

— Вот чёрт, учуял свой конец. Лошадь — скотинка у-у-ум- ная! — промычал Ибрай, которого всё больше развозило.

— Много болтаете, — приструнил Фазыл. — Быстрее надо резать, не то мясо будет нехорошим. — И потянул за аркан упиравшегося Стригунка.

— Ничего, съедят. Мясо всегда мясо, — многозначитель- но заметил грамотей Ахмет и пустился в воспоминания, как в детстве в его деревне недалеко от Ульяновска он ловко и охотно резал телят и овец...

Незнакомые люди привели Стригунка в близкий ему, хо- рошо знакомый двор. Здесь ему стало спокойнее. Запахи род- ного летника, где он вырос, коровника, брёх из будки незло- бивого чёрного Полкана, гогот гусей в огороде, выгнанных пастись, мычание бурёнки — всё это действовало примири- тельно, и Стригунок теперь уже не обращал внимания на чу- жаков, настороженность исчезла. Коняга потерял страх, ког- да его завели в летник. И тут Стригунок впервые познал люд- ское коварство. Его поджидал худосочный с козлиной бо- родкой Гата-бабай в ушанке и бешмете.

— Накиньте уздечку, — негромко, но повелительно сказал он мужикам.

Хмельной Ибрай, что-то бормоча, снял с гвоздя уздечку и попытался накинуть на голову Стригунка. Но тот резко вски- нул голову, и Ибрай едва устоял на ногах.

— Разве можно так дело делать?! Вон отсюда! Чтоб я больше не видел тебя! Не смей прикасаться погаными руками к скотине! — стеганул уздечкой по спине Ибрая Гата-бабай.

Стригунок почувял, что в неказистом старике затаена какая-то сила, и она внушала ему страх больше, чем все эти мужики.

Говоря негромко ласковые слова, старик подошёл к Стригунку и ловко набросил ему на голову уздечку. Коняга задрожал всем телом, точно по нему пустили ток, и косо зыркал на всех, ожидая очередную подлость. По указанию старика мужики быстро спутали жеребчику вожжами ноги и подсекли. Стригунок грохнулся на пол.

— Голову крепче держите! — заверещал старик.

Стригунок рванулся, пытаясь встать на ноги, но ловкие и сильные руки стянули копыта в один узел. Затрещали позвонки спины, верёвки врезались в сухожилия...

Стригунок затих. Тёмно-синие глаза подпалились из глубины и излучали отчаяние — они искали Шауката...

— Животное должно смиренно принимать свой рок... — невольно заметил старик. — Тогда и мясо его будет вкусным, сочным, и греха у человека перед Аллахом не будет никакого... Он неспешно вытащил из ножен отдающий холодной синью булат, изготовленный в Бухаре. Словно лаская, провёл сухими пальцами по обеим сторонам лезвия, довольно цокнул языком. Зачем-то постучал указательным пальцем по золотому месяцу и звёздочке на инкрустации возле костяной рукоятки.

— Славно правленный.

Стригунок вслушивался в монотонный говор седобородого и ждал, когда же его освободят от пут. Но как только стали его тянуть за хвост, тащить по шершавым опилкам и заламывать назад голову, Стригунок засучил ногами, напряг все силы... Ему казалось, что в его позвонки вставляют раскалённый железный прут. А тут ещё кто-то сильно ткнул кулаком в пах.

— Откормленный! Тяжёл, как взрослый. Был бы отменным работягой.

— Цыц! Грех сейчас говорить такие слова! — одёрнул старик. — Голову, голову сильнее закиньте назад. — Он наклонился над шеей Стригунка и помолился: — Бисмиллахи рахман рахим... Благослови нас, Аллах, прими жертву чистую, безгрешную...

Стригунок словно почувствовал в тихих, монотонных словах главную опасность, которую он всё время ждал. И стояло старику приблизить руку с булатом к его шее, как он

судорожно забился в конвульсиях. Казалось, проломится пол, не выдержат пути...

— Какие же вы непутёвые! — в сердцах прокряхтел старик. — С жеребёнком не можете сладить. Давайте снова... Ох, беру с вами я грех на душу...

Мужики опять с трудом кое-как распластали Стригунка. Измученный конь тяжело дышал, сердце его гулко билось.

— Бисмиллахи рахман рахим... — прошептал старик и склонился над шеей молодого коня. Осторожно, аккуратно занёс булат, казавшийся синим осколком молнии. Тонкие губы старика продолжали молиться. Он сознавал, что прерванный ритуалом жертвоприношения, он нарушает шариат и берёт грех на душу.

...В молодые годы Гата-бабай никогда не задумывался, что, ведя на убой скотину, лишает её жизни. Эта простая, как ясный день, истина не приходила ему в голову, не трогала душу. Его руку называли «лёгкой», потому что овцы, коровы, лошади под его рукой на самом деле ментально испускали дух, не бились долго в предсмертной агонии. Поэтому Гата-бабая (а в молодости его просто звали Гата) всегда охотно приглашали соседи заколоть какую-нибудь скотину. Тем более, что и туши он разделявал опрятно, быстро и брал за работу ничтожно мало — немного требухи, почку и фунта три вырезки. Но никто не знал о его подавленном душевном состоянии в последние годы. Он часто стал отказываться, ссылаясь на недомогание, слабость руки. Да и домашние заметили, что со стариком что-то творится: мусульманин истый, аккуратно совершает все обряды, а вот мясо перестал есть совсем, молоко и то употребляет только с чаем.

Сегодня Гата-бабай не мог отказаться — Фаузия, жена Шауката, так его уговаривала и просила, и довольно серьёзный довод привела: мол, её муж ушёл в тайгу за зайцами, пока снег неглубокий, да к тому же он очень привязан к Стригунку и едва ли сможет зарезать его. Старик знал: жалея скотину, нельзя лишать её жизни, грех. Вот и согласился. И всё же Гата-бабай спросил:

— Не мужик, что ли, он у тебя?

— Почему же? Мужик... — зарделась Фаузия, опустив густые ресницы. — Не поверите, бабай, он холит Стригунка, как малое дитё. До смешного доходит — разговаривает с ним. Коняга понимает его...

Ну, как мог устоять Гата-бабай после таких доводов?

«Это последняя моя жертва, — подумал Гата-бабай и поймал себя на мысли, что в его душу закралась жалость к Стригунку. — Плохой признак...» И тут же кубарем покатился от

чьего-то удара в спину. Хорошо ещё успел каким-то чудом выронить нож. Мог напороться...

Осознав, что лежит на голове Стригунка, старик услышал над собой:

— Живодёры! Кто вас звал сюда? Тебе, Гата-бабай, давно пора о своей душе думать! Белые тапочки у порога ждут тебя, а ты всё со своим булатом не можешь расстаться! А вы, выпивохи, за магарычом притопали? Всё, давно завязано. Вон отсюда! — почти рычал Шаукат.

Бурча и матюгаясь, мужики довольно быстро покинули летник. Они знали, какой тяжёлой бывает рука Шауката, когда он расходится.

— Шаукат, сынок, ты ли это? — кряхтя, поднялся Гата-бабай. — Ты ж в тайге, сказала Фаузия...

— Я-я, кто же ещё...

— Ты ж, окаянный, чуть было на тот свет меня не отправил, — держась за поясницу, кряхтел старик.

— Не сердай, Гата-бабай. Знал бы ты, как мне он дорог!..

— Теперь вижу. Фаузия говорила, но я не думал, что так... Не хотел, чуяло моё сердце... — совестил себя Гата-бабай.

Слушая старика вполуха, Шаукат быстро освобождал своего любимца от веревок.

— Если бы опоздал, что бы они с тобой сделали?! Чуяло моё сердце, — похлопывая по спине, перебирая белую в опилках гриву конька, приговаривал Шаукат. — Ну, поднимайся, не бойся, я с тобой...

Стригунок тяжело выставил вперед отёкшие ноги и только потом медленно встал.

К нему двинулся было старик, как вдруг Стригунок ощерился, задрав верхнюю губу, обнажил широкие жёлтые зубы, которые вмиг могли превратить руку в мочалку.

— Ты что? Ты что? — шарахнулся в сторону Гата-бабай. — Я тебе скажу, Шаукат, память у твоего конька, что у хорошего имама.

— Это точно, Гата-бабай, — сказал Шаукат и обнял за шею своего воспитанника, почувствовав, как помягчал душой, а глаза увлажнились, чего с ним давным-давно не происходило.

— Ну, я пошёл... — прижимаясь к стене, двинулся к выходу старик. — Я пошёл, Шаукат.

Фаузия влетела в летник, как орлица. Покинувшие конюшню первыми, мужики успели рассказать ей, что произошло в летнике.

«Ну, подожди, алкоголик, я покажу тебе, как руки распустать на пожилого человека! Люди пришли помочь, а он дра-

ку устроил!» — костила в душе мужа Фаузия. И вдруг мелькнула тревожная мысль: неужто опять запил? Не может трезвый так поступать!

Её угрюмый, грубоватый Шаукат стоял, обняв Стригунка, и плакал... А животное, словно понимая состояние хозяина, положило ему на плечо голову и стояло не шелохнувшись, прикрыв глаза.

— Только этого ещё не хватало! Ты что со мной делаешь? — набросилась она на мужа.

— А что я с тобой делаю? — смахнув кулаком слёзы, хмуро спросил Шаукат.

— Ты ещё спрашиваешь? Я с трудом уговорила бабая, соседей, чтоб они закололи и освежевали конягу, а он бучу устроил! Сколько можно его содержать? — Женщина нарочно не называла по имени Стригунка. — Добрые люди уже давно заготовили на зиму мясо. Только у нас он гуляет... Расходы какие, знаешь? Хорошо ещё, что соседи не видели твоих слёз — позору не обобрались бы! Стыдоба! Мужик... А может, ты за старое взялся? Ну-ка, дыхни! — вплотную подошла Фаузия к мужу.

— На! — свирепея, шумно задышал Шаукат. — Да, да, пьян! От боли! Что было бы, если б я опоздал?! Он же для меня всё! Понимаешь, всё!

— Для чего же тогда мы его откармливали? Чтоб с ним целоваться? Ах, какая нежность!

— Хватит! Перестань!

— Почему хватит? Если перестал пьянствовать, значит, можно и другую дурь показать? Видите ли, ему коня жалко! А детей не жалко? Сколько денег на него угробили, не жалко? — всё больше выходила из себя Фаузия.

— Когда покупали его, я и сам не думал, что привыкну так... Он необычный, понимаешь. Он понятливый, как послушный ребёнок... Он мне и открыл красоту жизни. Своей беззащитностью, лаской он внёс в мою душу доброту... Не знаю, как объяснить тебе, но он как-то заставил меня посмотреть на себя со стороны... И я увидел, какой я мерзкий, пакостный по сравнению с ним...

— А я что тебе всегда говорила? — перебила Фаузия.

— Верно ты говорила... Это меня и бесило. А вот он не говорил, а молча своим поведением учил... Смешно? Он нуждался в моей защите. Ты сама видишь, что у него, кроме меня, никого нет. Никого... Для всех он — будущее мясо, колбаса... Для меня же...

— Шаукат, ты говоришь странные слова. Случаем, не заболел?

— Нет. Вот до него, наверно, я был болен... Я не могу многое объяснить. Со мной действительно что-то случилось с его появлением... Я чувствую, что люди делают что-то не так. Думаю, не так надо жить.

— Скажи, какой грамотный! — Фаузия ехидно, поджав полные губы, усмехнулась.

Смятение души у женщины было столь сильным и противоречивым, что, слушая слова мужа, она захотела, чтобы он был пьян. Тогда б она могла хоть оправдать свой душевный срыв, и не было бы у неё ревности, разъедающей её изнутри, ревности к Стригунку, которого она тоже любила, но по-своему, как все соседи.

— Может, ты его любишь больше меня, больше детей? — в упор спросила Фаузия и, заметив, как исказилось от недоумения лицо мужа, поняла, какую нелепость сморозила. Желая хоть как-то смягчить разговор, женщина решительно сказала: — А вообще-то, Шаукат, здорово, что ты вовремя вернулся из тайги. Ты уж не сердись на меня — ведь я думала, как лучше, о ребятах думала... — Фаузия осознала вдруг, как она быстро привыкла к домашнему покою, к покладистому мужу, заботящемуся об очаге и её покое. — Прости, Шаукат, прости. — Женщина опустилась на колени перед мужем и стала обнимать его мокрые сапоги, облепленные хвоей. — Ревность засела во мне... Ты всё свободное время отдаёшь ему, называешь его ласково...

— Встань... Я, видно, тоже был не прав... Но ты ж сама купила его... Первое время я, Фаузия, ненавидел его — всё с ним да с ним. А он, как нарочно, за мной ходил, будто собака... — Шаукат поднял жену и стал неумело ласкать её огрубевшие, жёсткие, как у кузнеца, руки, прижал ее голову к своей широкой груди, пропахшей лесом.

Подожёл Стригунок и стал тыкаться мордой между людьми, словно чуял, что вся эта катавасия случилась из-за него.

— Шаукат, неужели он и вправду что-то соображает? — растроганно спросила Фаузия.

— Может быть... — Шаукат не удержался от нахлынувших чувств и обнял Стригунка за атласную шею. В ответ тот обшлёпал его губами. — Ладно, мать, пошли домой. — Он неуклюже прижал к себе жену.

Фаузия с трудом сдерживала слёзы счастья.

ВЕЧЕР ЛЮБВИ

РАССКАЗ

После утреннего разговора с Вячеславом Семёновичем Елизавета Петровна находилась в состоянии какого-то сладкого очумения. За что бы она ни бралась, ей всё время представлялся он, её Вячеслав Семёнович, её Славик. Она долго принимала ванну и всё думала о нём, особенно остро представляя предстоящую с ним встречу. Интересно, какой он стал? Наверное, постарел. Она и сама постарела за эти годы. С горькой болью и надсадом в сердце это открылось только теперь, когда, растираясь махровым полотенцем после ванны, стояла перед зеркалом, раскрасневшаяся и влажная, с особой тщательностью разглядывая свою фигуру и всячески охорашиваясь. Да, укатали Сивку крутые горки! Укатали. И Елизавета Петровна едва не заплакала от досады. Было жалко и себя, и быстро пролетевшую молодость.

Стол и яства к нему собирала незаметно, как бы между своими думами. Спустилась на первый этаж в продовольственный магазин, купила вина и бутылку греческого коньяка. Принарядившись и прибравшись в комнате, с нетерпением ста-

ПРОЗА

ла посматривать на часы, то и дело подходить к окну и глядеть на улицу, на голые мрачные деревья, на грязный снег во дворе, весь изгаженный собаками, на скользкий обледеневший тротуар.

Славик обещался быть к шести. Оставалось не больше часа до его прихода, но это время тянулось с особой жестокой несправедливостью. Елизавета Петровна извелась вся, ожидая. И всё в ней как бы собралось и натянулось от этого мучительного ожидания.

Не виделись они со Славиком, как ласково называла она его, где-то лет восемь уже, с тех самых пор, как он уехал на Север зарабатывать себе на машину. Сам он рассчитывал, что уедет на год, на два. Но тут времена переменились, всё перемешалось, цены взлетели, и Славик безнадежно застрял на своём графитовом руднике.

Иногда они перезванивались, но потом и эти телефонные разговоры стали бить по карману, особенно после того, как два года назад Елизавета Петровна вышла на пенсию, а письма писать они давно разучились.

Надо сказать, что все эти годы Елизавета Петровна вспоминала о Славике с теплотой и любовью. И это как-то скрашивало её одиночество. Семейная жизнь у неё сразу же не заладилась. Она и года не купалась в струйных водах супружеского счастья. Муж её погиб в самом цвете лет. Работал он тогда осмотровиком вагонов на железной дороге. Весной им дали участок под дачу. Вот он и решил как-то в одну из ночных смен сбросить трубы из открытого вагона для своих садоводческих нужд. Две трубы сбросил, а концом третьей зацепил контактный провод и погиб, поражённый током.

С тех пор она и вдовствовала. Разумеется, все эти годы в вечном трауре не сидела. Водились и у неё мужики. Но это были мужики солидные, домовитые, которые хотя и блудили на стороне, однако без всякого ущерба для себя, и всё больше думали о собственном прибытке, а не о возвышенной любви. А потому и утечи с ними были мимолётными и пролетали, как дождь кошой, не успевающий утолить ни пашню, ни зреющих злаков.

Славик — совсем другое. Вячеслав Семёнович, как вьюн, вошёл в её душу и заполнил собою если и не всю жизнь, то, во всяком случае, большую часть её. Жил он бобылём. Вкусив однажды супружеских сладостей с женщиной пустой и вздорной, он боялся ещё раз обжечься и больше не желал примеривать на себя обручи семейных уз. Был он сочен, крепок и волен душой.

С Елизаветой Петровной они сходились ненадолго, самое большое на неделю, а так жили сами по себе. И всё равно

Славик был ей близок и дорог, как никто другой. И после того, как он уехал, у Елизаветы Петровны совсем не было мужчин. А тут ещё подкатились времена горбачёвских антиалкогольных борений: без горячительных градусов российский мужик совсем замер, скукожился, забился в щели семейных квартир и теперь его никакой силой невозможно было раскатать на романтические подвиги былых амурных увлечений.

Тогда далеко не одна Елизавета Петровна почувствовала тоску одиночества. Вначале она тяготилась этим, но затем в ней постепенно всё притупилось и заглохло. Она даже обрадовалась этому обстоятельству и решила, что всё — теперь ей ничего этого не нужно, а нужна лишь тихая жизнь и покой. Правда, иногда на неё находило. Она доставала с полки томик Тургенева, перечитывала знакомые сцены любовных встреч и объяснений, и тогда вдруг горячие волны как бы накрывали её, касались груди и сладкой истомой прокатывались у сердца. И она вдруг с замиранием и страхом чувствовала, как приятная холодная змея проползала по её телу, и колени её тотчас наливались упругостью и жаром. Вот этот томительный жар, бывало, по всей ночи не оставлял её. Она лежала с открытыми глазами и вспоминала Славика...

И нынешний телефонный звонок его на какое-то мгновение заставил вновь пережить то давнее сладостное состояние. Она вдруг поняла, что не всё ещё ушло, и опять ощутила себя женщиной, полной сил и здоровья. Ей даже показалось, что и груди у неё налились упругостью, как это бывало когда-то давно в минуты страстных ночных лобзаний. Елизавета Петровна даже побрызгала на себя холодной водой, желая унять жаркий трепет в сосцах и сладкое жжение.

Когда Вячеслав Семёнович позвонил в дверь, она, несмотря на свою вполне аккуратную полноту, лёгкой девочкой подхватила навстречу и сразу же повисла на нём, обнявши его за шею. Славик тоже обнял её, но как-то медленно и вяло. Он чмокнул её в губы, похлопал по напряжённой выгнутой спине и произнёс:

— А ты ничего, не то, что я...

Улыбаясь, он прошёл в комнату, из-за полы пальто, словно фокусник выхватил три красные гвоздички, сунул их Елизавете Петровне и начал раздеваться. Она заметалась по комнате, ища вазу, хотя ваза стояла на самом виду, посреди журнального столика. Но Елизавета Петровна так и не увидела её. Она схватила высокий тонкий стакан, налила воды и поставила в него гвоздички.

Славик с молчаливой улыбкой наблюдал за ней, пальцами поглаживая свой затылок и слегка переминаясь с ноги на ногу, как это делают добродушные ручные медведи, ожидая угощения.

Елизавета Петровна, наконец, принялась усаживать за стол. Придвинула кресла и села рядом с ним; налила коньяку, подняла свою рюмочку и, глядя блестящими, влажными глазами на Славика, первой же предложила и тост.

— Ну что? За встречу нашу! За старую дружбу, которая всегда пусть будет молодой!

Славик широко улыбнулся, кивнул и тоже сказал:

— Давай за дружбу!

Пошли обычные в таких случаях расспросы, как, что да где? А когда кончилось одурение первого порыва, выпили просто за жизнь, за то, что она есть у них. Обоим стало весело, как-то само собой прошла первая неловкость. И они уже вели себя так, как будто и в помине не было их многолетней разлуки. А когда выпили ещё, Елизавета Петровна раскраснелась, расчувствовалась, встала рядом со Славиком, взяла его за плечи, прижала к себе, уткнулась лицом в его волосы и счастливо рассмеялась. Она уже отметила про себя, что он мало изменился за эти годы. Разве что поседел слегка, ещё, может быть, чуть-чуть пополнил, но это совсем не испортило его. Нос вот тоже, кажется, слегка заострился. А в остальном он был всё таким же крепким, рослым мужчиной зрелых лет, модно одетым и оттого даже весьма молодцеватым.

Вот только говорить стал больше прямо как лектор, и всё о политике. А этого Елизавета Петровна сроду терпеть не могла в мужиках. Ещё не понравилось ей, что он в телевизор включился. Они и трёх рюмок не выпили, а он уже телевизор захотел. Она налила ещё, а он спросил:

— Он что, у тебя — не работает, твой ящик?.. — Елизавета Петровна опять как бы не заметила этого вопроса и всё говорила о том, как жила тут одна, как думала о нём и как ждала его, как читала первое письмо от него и плакала — так грустно ей было.

Славик кивал ей невпопад, делая вид, что вспоминает, а сам всё косил глазами по комнате, выискивая телевизор. Увидел его на тумбочке под кружевной салфеткой, встал, включил и сразу же уставился в экран.

Елизавета Петровна ещё ближе подсела к нему и, заглядывая в его сухое, продолговатое лицо, приткнулась губами к уху и стала трогать мочку.

— Слав, а ты скучал? — капризно спросила она.

— Разумеется, — ласково посмотрел он на неё и вновь утупился в телевизор.

Передавали новости, и было видно, что Вячеслав Семёнович не только жадно ловит их, но и нервно переживает. Его большие руки, лежащие на коленях, взлетали после каждого неприятного известия и опять падали, как подбитые птицы, и пальцы при этом начинали перебирать полотно брюк.

— Ну что привязались к этому Хусейну? — возмущённо восклицал он. — Американские говнюки спровоцировали его на захват Кувейта, чтобы самим влезть в нефтяной район, а наши политические идиоты проголосовали за санкции. Вот бараны!..

Он побагровел, и на высоком покатом лбу его обозначились три изломанные складки. Елизавете Петровне это показалось нехорошим знаком. Она приклонилась к Славиному плечу головой и принялась ласково тереть его мягкие, пушистые волосы. Но и они сейчас, кажется, приобретали непонятную жёсткость и были наэлектризованы.

— Слав, а ты мне изменял там? — наивно спросила она, лишь бы отвлечь его от телевизора.

— Погоди ты! — сказал он, весь подавшись к экрану, на котором показался мужчина с плотным мужиковатым лицом и казарменным, армейским слогом принялся излагать программу предвыборного избирательного движения в интересах народа.

— Слава, — капризно надув губки, потянула его к себе Елизавета Петровна.

— Вот враль толстомордый! — воскликнул Слава, не отрываясь взглядом от телевизора. — В интересах на-ро-да-а, — передразнил он. — В интересах своего кармана!.. Сунули по ваучеру, похватали рудники и заводы, а нам дерьмовую бумажку. А кто это всё наработывал? Он ведь, цэкушник вонючий, икрой обжирался, когда мы северную мерзлоту долбили! А теперь, видите ли, незаменимый двигатель реформ! Благодетель народа!.. Нет, ты видала, чтобы простой рабочий стал хозяином завода? Или пусть даже конструктор, инженер? Хрен найдёшь таких!.. Всё это вчерашняя номенклатурная стая похватила да ещё ворьё с ними вкуче! — кипел Славик. — А теперь народ по помойкам лазит!..

— Ну, хватит тебе! Бог с ними, — начала потихоньку сердиться Елизавета Петровна, бросая взгляды то на Славино лицо, то на кровать с верблюжьим одеялом и высокими подушками. — Баиньки пора...

Но Слава, кажется, не слышал её. Огоньки в его зрачках вспыхивали, как две лазерные точки, и своим жарким излу-

чением словно бы прожигали экран телевизора. Сбросив галстук, он расстегнул ворот рубахи и напряжённо откинулся на спинку кресла.

Эта его невнимательность к Елизавете Петровне начинала обижать её.

— О, о! Вылупился, как змеёныш из яйца! — закричал Славик, увидев на экране большое могущественное государственное лицо. — Давно не видели!

— Да на что он тебе? — без всякой мысли, лишь бы привлечь к себе внимание, бросила Елизавета Петровна.

— Как это на что? — взвился Славик. — Он же в президенты метит!

— Ну и пусть себе метит, а нам... в постельку пора...

Елизавета Петровна легонько чмокнула Славу в шею, в самую жилку, горячо вздувшуюся от распиравшего его возмущения и гнева.

— Да ты что? — отшатнулся он от неё. — Эта же сволочь американцам подмахивает. Полшельфа нефтеносного в Беринговом море им отпахал!..

— Отпахал. Ну и что, что отпахал? Мало ли у нас этих шельфов?

Слава даже задохнулся от этих её слов и посмотрел на неё, как на что-то совершенно непотребное, с гримасой брезгливости на лице.

— Ну, ты даёшь! — тяжело вздохнул он. — Да его мало в солдатском сортире утопить, а ты «ну и пусть»!..

Было что-то оскорбительное в этих словах для неё. Она молча отодвинулась от него и слегка покривилась, кисло сморщив свой вздёрнутый носик. Но Слава даже не заметил её неудовольствия.

— Ого, вот это настоящий генерал! — увидев примелькавшуюся фигуру военного, воскликнул он, всем телом через стол подавшись к телевизору. — Вот кого в президенты!.. Сразу бы Черноморский флот укрепил!..

— Какой? — не поняла Елизавета Петровна.

— Черноморский, какой же ещё! — с долей некоторой досады повторил Слава. — Все эти наши президенты-секретари понапахали границ, по пьяни поделили всё и разбежались по кустам, а народ — расхлёбывай. Чтob у них банан на лбу вырос!..

Елизавета Петровна потихоньку поднялась и ушла на кухню. Нет, не такой представляла она себе эту встречу. И вечер не таким. Далась ему эта политика! Как глухарь, обкормленный дурманными ягодами, бубнит и бубнит своё. И хотя не знала, что это такое «обкормленный дурманными ягодами

глухарь», и есть ли они, эти «дурманные ягоды», но всё равно ей показалось, что это сейчас очень подходит к Славику.

А он тем временем что-то вскрикивал, относящееся уже к Боснии, к коварству мирового масонства, говорил сам с собой о западных кредитах и разорении России. Елизавета Петровна стояла у тёмного окна, сжимая пальцами подоконник, смотрела в мутную темноту зимней ночи. На её глазах блестели слёзы, но она не чувствовала их, хотя и знала, что плачет. И вся душа плакала в ней. Наконец, она решительно переступила с ноги на ногу, подняла руки, сделала три глубоких вдоха, вытерла влажные глаза, вошла в зал и с холодной, однако ещё не совсем уверенной ноткой в голосе тихо произнесла:

— Вячеслав Семёнович, извините, мне пора в постель. Я теперь рано ложусь. Да и голова у меня что-то ныне разболелась.

— А-а, сейчас, сейчас, — не отрываясь от телевизора, весело отозвался он. — Вот только последний сюжет досмотрю.

Не прошло, однако, и минуты, как он встал, быстро оделся, глянул на часы и уже совсем засуетился.

— О! — говорил он. — Ныне же «Момент истины» для Говорухина. А это, знаешь, мужик — голова! Я ещё успею... Давай закрывайся за мной, чтобы всякая шпана не проникла...

Славик торопливо накинул на себя пальто и, не застегнувшись, направился к двери. На ходу, опять же поспешно, он чмокнул Елизавету Петровну в щёку и застучал по лестнице подошвами своих тяжёлых зимних ботинок.

Она щёлкнула замком, подошла к зеркалу и опять долго и внимательно рассматривала себя. Затем, горько вздыхая, ворочалась в постели, которая, несмотря на перины, показалась ей сейчас и жёсткой и холодной. И все чувства в ней как бы затухли, как затухает ход жизни в поздно распустившемся осеннем цветке с приходом холодов и снежного ненастья. И ещё в ней клубились какие-то доселе неведомые чувства: злоба и презрение к этой жизни, к этим временам, к политикам, а больше всего — к Славику..

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

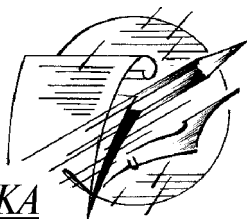
НЕРЕНТАБЕЛЬНЫЕ ЛАУХИНЦЫ

Говорят, мужчины не плачут, мужчины огорчаются. Но если настоящий мужик, глава и кормилец семьи, деревенский трудяга плачет, значит, уже совсем припекло...

Хотя на первый взгляд — с чего тут плакать. Ну, перебои с водой. Так уже и лето прошло, огороды «не пьют», воды на всех хватит. Ну, дорога плохая. Так где же их, хороших, набраться? Сёла в области медленно, но верно опоясываются всё более благоустроенными улицами, но до деревенских окраин в межсезонье без сапог по колено — а то и выше — час-тенько еще не добраться.

Впрочем, по телефону Вячеслав Куликов разговаривал вполне сдержанно, плакать не собирался. И ситуация в селе Лаухино, где он живет, особенно драматичной не показалась. Ну, трудно людям, с кем не бывает. И все же мы поехали туда, весело катаясь по асфальтовой дороге до самого села и даже по нему, еще не предполагая, что нас ждёт впереди.

Однако чем дальше, тем больше Полевая — а в Лаухино и есть-то одна эта улица — оправдывала свое название:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

гладкую дорогу сменил щебень, и начались американские, вернее, русские горки.

Временами машина грозила навсегда увязнуть в выбоинах, после дождя трехдневной давности всё еще наполненных водой. Однако наш водитель с ловкостью Мюнхгаузена, который за шиворот вытаскивал из болота не только сам себя, но и свою лошадь, вывозил нас на сушу. И мы ехали дальше, обгоняя груженных тяжелыми поклажами женщин, привычно, в соответствующей амуниции вышагивающих по грязи и топи.

И расстояние до дома Куликовых вроде бы небольшое — с полкилометра, но улица идет и дальше, куда уже ни машина, ни наш фотокор в своих щеголеватых туфлях пробраться не смогли.

Так что с состоянием дороги, по которой люди ходят на «большую землю» за продуктами и по делам, причем зачастую в крошечной темноте, ибо улица не освещается, мы ознакомимся еще до встречи с хозяином. Он рассказал, что по этой же дороге в школу и обратно ежедневно шествуют четверо местных ребятишек...

Вячеслав Викторович и его жена Галина приняли нас, как и полагается на Руси, радушно: сначала напоили горячим чаем с медом, а потом поделились своими бедами. И перебои с водоснабжением — еще не самая большая из них. Тем более что она действительно актуальна в основном летом, да и то больше для Куликовых, чем для кого-либо еще: они живут на возвышенности и в огородный сезон струя воды из их крана сходит на нет.

Гораздо хуже, что эта часть деревни не газифицирована. Газовщики вроде бы и готовы провести сюда трубы нужного давления. Но протяженность негазифицированного участка улицы — до дома Куликовых и далее — составляет примерно три километра. А это значит, что, исходя из минимальной нагрузки на километр, к газовой трубе должны быть подключены не менее 30 домов. А их, по списку Куликова, 29!

Оттого и заплакал сельский трудяга Вячеслав Куликов, рассказывая, какой беспросветной отныне и навсегда стала их жизнь.

Подумаешь, скажет кто-нибудь, люди поколениями живут с печным отоплением — и ничего, не плачут. Однако тут ситуация несколько иная: область практически вся газифицирована. Соседи, земляки Куликовых, живущие по одну сторону деревни, давно при газе. А живущие по другую — без оного. И не видать им теперь красивой жизни никогда, хотя по телевизору постоянно говорят о нанотехнологиях и всяческих усовершенствованиях российского быта.

— Обидно, — говорит Куликов, — что лучшие свои годы и здоровье потерял в местном колхозе «Заветы Ильича», где работал шофером. В уборку возил с полей зерно, сахарную свеклу: вот где была настоящая страда. Зимой тоже работы хватало — доставлял корма на фермы, работал в мастерских. В областных соревнованиях занимал призовые места, всегда был передовиком.

И вот итог: профессиональное заболевание, инвалидность 2-й группы, дом с печным отоплением на отшибе, проблемы с топливом — уголь «добывают» у частных по пять тысяч триста рублей за тонну, а на зиму надо тонн пять. А еще дрова, которые тоже и достать, и привезти, и оплатить нужно.

По иронии судьбы супруга Куликова уже много лет трудится социальным работником. И месит грязь по дороге с пудовыми сумками, в которых таскает провиант для своих семи (!) подопечных. А они все живут еще дальше по той же улице Полевой, куда Макар телят не гонял. Вот Галина Куликова ежедневно и топает по ямам и рытвинам, обеспечивая великовозрастных опекаемых всем необходимым.

Не лучше ситуация и зимой, когда дорогу заметает — а чистить ее некому. Было дело, вспоминает Куликов, когда я в снегопад на охотничьих широких лыжах вытапывал жене дорожку до магазина, чтобы она могла обеспечить стариков хлебом и съестными припасами...

Так и шли: он топчет снег, она за ним продвигается вперед. Полкилометра одолеть таким способом — нелегкое, а главное, муторное занятие. Пока закупали продукты, снег опять покрыл тропку, опять ее вытапывай...

А уж как они добывают топливо для своих престарелых земляков, это вообще отдельная тема. По объявлениям скупают «с рук» старый уголь, превратившийся в труху. Потому что централизованно углем уже никто не занимается, склад поблизости закрыли.

А ехать за тридевять земель — значит, платить еще и за доставку. При этом за качество привезенного издалека угля никто не отвечает. Зачастую это та же труха, но уже за большие деньги. Отправить уголь назад? А как потом деньги вытребовать?

Брать уголь для стариков у «подпольных» частных — опять не выход: только за приобретенный официально уголь государство компенсирует подопечным социальной службы часть стоимости топлива.

Сами старики рады малому, лишь бы дешевле. При пенсии в пять-шесть тысяч рублей не разгонишься. Привезли хоть какого уголька, и на том спасибо. С дровами полегче: пилят близлежащие деревья, благо они еще есть...

Стыдно перед сыновьями, говорит Куликов. Работал-работал отец, а заработал... грыжу. Нет, он не сидит сложа руки на мизерную зарплату жены и собственную инвалидную пенсию. Ведь ему-то всего с полсотни лет. Содержит пасеку, продает мед, однако и с рынком сбыта беда. Оккупирован он дельцами, которые скупают мед оптом у производителей за 50 рублей.... килограмм. Заплачешь тут...

В общем, крутится мужик, как может, не ожидая ни от кого благоденствий. А вот от бессилия, от обиды нет-нет, да и прослезится. Дом без удобств, без дороги стоит гроши, а новый купить не на что. Все заработанные деньги они тратят на образование сыновей. И больше всего переживает он за них.

А те оба учатся каждый в двух институтах: в одном — очно и бесплатно, в другом — заочно и за плату. Зачем? А кроме знаний им больше нечего будет предъявить обществу, где карьера и доходное место зависят в основном от связей и денег.

Ни того, ни другого у них нет, вот и пытаются ребята стать классными, универсальными специалистами, чтобы не прозябать в нищете, добиться того самого успеха в жизни, о котором талдычат на каждом канале телевидения в любое время дня и ночи.

Кроме платы за учебу, родители снимают сыновьям жилье. А поскольку один учится в Липецке, а другой в Ельце, расходы старших Куликовых удваиваются. Но на это они не ропщут: сыновья у них замечательные — спортсмены, общественники, молодежные лидеры, защитники природы и так далее.

Каждые выходные и каникулы они проводят в деревне, помогают родителям. Но что будет дальше? А не случится ли так, что сыновьям на крайний случай даже голову преклонить будет негде? А вдруг не выйдет у них с хорошей работой, приличным заработком? Да и сколько его нужно, чтобы купить в наше время квартиру?! Так и будут всю жизнь мыкаться по чужим углам и съемным квартирам?

А будь здесь газ, нормальная дорога, работа (и колхоз, и СХПК на его базе приказали долго жить, и больше никаких рабочих мест в селе и поблизости не создано) — глядишь, и вернулся бы кто-нибудь из парней, а то и оба, домой. Чтобы пригодиться там, где довелось родиться.

Впрочем, это проблема не одной улицы Полевой в Лаухино, а всей русской деревни. Хотя наверняка не такой уж это замкнутый круг — газ не проводят, потому что мало домов, а домов мало, потому что нет газа, — чтобы его не разорвать. Интересно, что думает по этому поводу сельская власть?

А вот и она: симпатичный, молодой — чуть за тридцать лет — человек, важно сидящий в своем чистеньком теплом кабинетике в администрации соседнего села. Должность ему, несмотря

на выборность глав местного самоуправления, досталась по наследству. Папа был руководителем сельского совета, и ему ли не знать, какой ресурс и выборные технологии использовать для обеспечения сыночка удобным креслом.

Впрочем, не буду гневить Бога: парнишка, на первый взгляд, скромный, уважительный. Тем более и признает:

— Да, дорога на этом участке улицы Полевой в Лаухино и впрямь разбита — один из тамошних жителей ездит домой и обратно на «КамАЗе». Пять лет назад эту дорогу «ощебенили». Ну а теперь она опять нуждается в ремонте. Мы заключили контракт на так называемый ямочный ремонт, траншеи будут засыпаны. Это нас дожди задержали.

А в следующем году заново отсыплем всю эту улицу. И освещение установим. Просто не успеваем всё сразу, бюджет не позволяет. Общая протяженность дорог на нашей территории (это семь населенных пунктов) — 25 километров. Вот и стараемся одни отсыпать, другие — ремонтировать.

Что касается водоснабжения, то летом были перепады. Одна башня выходила из строя, но после ее восстановления подача воды наладилась.

И, наконец, газификация. Вопрос упирается в несоответствие нормативам: газопроводы в первую очередь строятся там, где на километр трубы приходится десять и более домов. А на том отрезке улицы Полевой нагрузка составляет всего лишь семь — проводить газ нерентабельно.

По нашим данным, там всего в 20-ти, а не в 29 домах, как указывает Куликов, постоянно проживают люди. Он, видимо, собрал подписи и с дачников. А им газифицировать дома не резон. У нас был такой прецедент, когда километровый газопровод в качестве исключения провели для восьми домовладений. Потратили деньги, но ни один дом так и не был газифицирован. Зачем просили? А чтобы повысить престижность жилья для последующей его продажи...

По информации из управления энергетики и тарифов, газификация лаухинской улицы Полевой будет включена в программу на 2014 год после распределения годового объема финансирования между улицами с более высокой загрузкой газопроводов — если останутся средства. Нерентабельные лаухинцы на это не надеются. Семь домов на километр — это очень невыгодно. Кто же в рыночном государстве будет так глупо тратить...

ДАЕШЬ МОЛОДЕЖЬ!

— Тебе что, только «стольник» дали? — настойчиво теревит девчужка лет десяти своего скромного одноклассника, с которым едут они в школу в одном автобусе.

— Нет, — отвечает он обнадёживающе. И тут же голос падает: — Пятьдесят...

Девчушка разочарована.

— А ты какие шоколадки любишь? Я сливочные... — продолжает она испытывать парнишку. И достает непечатную упаковочку, бережно ее вскрывает и начинает откусывать...

Мальчишка вежливо отворачивается.

— А ты канал «Карусель» смотришь? — уже поддразнивает она паренька, явно предполагая, что и канала «Карусель» у него нет.

— Раньше смотрел, — пытается спасти положение ребенок. — А теперь наш телевизор этот канал не ловит...

С улыбкой превосходства на лице девочка вдруг меняет тему:

— А ты в курсе, что за троих детей сразу трехкомнатную квартиру дают?!

Мальчишка оживает. У него появилась возможность не оплошать в будущем. Девочка дала ему шанс. Интересно, как интуитивно дети находят пути друг к другу и чувствуют перспективу. С возрастом — не без помощи родителей и общества — они ее теряют.

А вот другая история, «подслушанная» мною в общественном транспорте. Юноша вваливается в автобус с телефоном возле уха и, подыскивая себе место, громко, вызывающе продолжает начатый на улице разговор:

— Ну, ты слушай, так весело вчера было! Потусили, выходим на улицу, а на остановке пусто. Автобуса нет и нет. Ну, Стас и придумал: давай, говорит, «скорую» вызовем и доедем на ней до восьмого микрорайона — там же больница....

Пассажиры автобуса невольно начинают прислушиваться к рассказу молодого человека. Честно говоря, верить в такой цинизм не хочется, особенно если знать, во что обходятся неоправданные вызовы «скорой помощи», которую часами — если не умирают — ждут люди...

— Ну, звоним, короче: мол, упал, разбился, — залихватски продолжает этот по виду вполне обеспеченный и неглупый парень. — И Стас начинает натирать ногу. Пока «скорая» приехала, нога покраснела, подпухла... Он так и так: ох, больно, ох, не могу. Ну, посадили нас в машину и повезли — представляешь?! — на «восьмой». Мы так смеялись! Прикинь, нас везут, а мы ухохатываемся! Так весело было!

В автобусе стало тихо-тихо. Сказать ему что-то никто не решился: ведь это частный разговор. А я вспомнила о «золотом» часе, в течение которого так важно помочь человеку с сердечным приступом. Но в это время у парнишек был дру-

гой приступ — безудержного веселья. И это тоже страшная болезнь. Но «скорая» помощь тут бессильна...

ЛЮБОВЬ В ПЯТЬ ЗВЁЗД

Пока мы обсуждаем судьбу нашей литературы и роль писателей в её спасении, организаторы толерантного ко всякого рода безобразиям общества разлагают людей фальшивой культурой, псевдолитературой, «реальным» якобы искусством. Особый урон наносится поэзии, под видом которой распространяются среди широкой публики тексты, исполняемые под музыку: песнями эти поделки язык не поворачивается называть...

«Ты знаешь, как хочется жить, как не напишут в газете, взять и всё раздарить, жить, чтобы помнили дети...» — такая вот песня патриотического, надо полагать, содержания, раз ее удосужились исполнить перед президентом страны, звучала в знаменательный — в честь работников полиции — день с экрана первого канала ТВ.

Не говоря уж о художественных «достоинствах» этих строк, поражает полная их бессмысленность. При чем тут газета? Разве что для рифмы, да и то не сказать, что она свежая или оригинальная. А про то, что «не напишет», так про что они только не пишут, эти газеты.

«Взять и всё раздарить» — не запретная тема. Ну а «не пишут», потому что таких героев нет: одним нечего дарить, сами выживают, а другие не спешат дарить, предпочитая земное благополучие небесному раю. А то бы писать — не переписать...

Впрочем, о чем тут рассуждать. Ясно же, что это набор случайных, необязательных строчек, даром что исполняются они на концерте, который рекламировался как большое событие в культурной жизни страны, как грандиозное и торжественное мероприятие. В действительности же это было шоу — такое же, как все остальные.

И всё же хотелось надеяться, что песня выправится, ведь День внутренних органов как-никак, важные люди в зале, миллионы телезрителей у экранов. Начала прислушиваться — и услышала:

*Ты знаешь, так хочется жить
В миг, когда тебя задавило,
Встать и всем объявить:
«Я вернусь, даже если прибило»...*

И под эти строчки на большом экране проплывали трогательные кадры с плачущими матерями, потерявшими сыновей в горячих точках... Под эти строчки вставал зал, в том числе и седовласые генералы, руководители государства и силовых структур... Под эти строчки кто-то утирал слезы... Какая профанация, какое жалкое паразитирование на гражданственной теме, на патриотических чувствах!

Просто оторопь берет: кто-нибудь оценивает уровень и содержание песенных текстов? Хотя бы тех, что исполняются на главных сценах страны, транслируются в торжественные для государства дни, на первых каналах телевидения?

Да, есть такая традиция — руководителям страны присутствовать на подобного рода массовых зрелищах, проявлять свою близость к народу. Но в былые времена не стыдно было за секретарей, министров, председателей, командиров, встающих под «Я люблю тебя, жизнь...», «Люди мира, на минуту встаньте...», «Я люблю тебя, Россия...» и тому подобное.

Эти песни хотелось петь, с ними хотелось жить, любить и строить. А когда исполняется кич, а под него плачут государственные мужи, — это, простите, ни в какие ворота не лезет.

А после двух-трех низкопробных песенок с претензией на глубокий смысл программа и вовсе понеслась по уже накатанному в поп-шоу пути — пошлости, вульгарности, выпренности и невежества.

Как поэта, писателя, меня больше всего потрясали именно «тексты»: так сами артисты и ведущие называют то, что исполняют под музыку. Я редко смотрю телевизор, но он настолько нагло и упорно втирается в жизнь, что совсем быть свободной от его экрана не удаётся. Поэтому примерное представление о том, что ныне являет из себя «попса», у меня было. Но так, чтобы одна песня за одной, и всё подряд туфта — такого я не ожидала. То, что исполняется сейчас со сцен и по ТВ, это просто какой-то кошмар.

Никогда не думала, что со словом можно обходиться так бесцеремонно, что никчемные, пустые, глупые строчки можно исполнять с таким пафосом и высокомерием.

Да за кого они нас принимают, все эти жасмины, стасы, филиппы и иже с ними, которых и на деревенскую-то сцену выпускать неприлично? Впрочем, в селах как раз поют старые добрые песни о главном, и слава Богу.

Кто сочиняет — «пишет» — сегодняшние ширпотребные, безнравственные, глупые «тексты»? Самое страшное даже не в том, что эти строки сами по себе никуда не годны, а в том, что они воспитывают, формируют вкус и уровень культуры подрастающего поколения.

Ведь если генерал плачет — значит, это чего-нибудь стоит. Да, юные и красивые не вдумываются, о чем поют их кумиры, «звезды». Они просто дергаются под музыку и запоминают одну-две строки, рефреном повторяющиеся на протяжении песенки раз сто. И на фоне отсутствия в современной жизни — в школе, в книжных магазинах, на сценах, на экране — настоящей поэзии молодежь начинает этот песенный эрзац воспринимать как стихи!

И пишет, подражая этой муре, уже свои собственные шедевры. Если кто-то скажет, что молодые не пишут стихи — значит, он ничего не знает ни о молодежи, ни о поэзии, которая умрет только с последним человеком на земле. Но, Боже, что это будет за поэзия — с таким отношением в стране к литературе, культуре, книгоизданию, когда графоманские сборники уже заполнили пространство иных регионов, выпускающих сотнями (!) книжек самодельных авторов в год, а в Интернете отбоя нет от графоманов, с восторгом рекламирующих свои т.н. «стихи»!

Тем временем ведущие в один голос твердят: выступает звезда отечественной эстрады...обаятельная... привлекательная... гениально... грандиозно... лучшие артисты... А что «извергает» эта звезда, уже никому не важно.

В итоге чести выступить на милицейском концерте, когда-то и впрямь славившемся своими исполнителями, были удостоены такие «звёзды первой величины», как «поэт» и бард Сергей Трофимов, завоевавший популярность на песенке про Сочи, «великолепная» Жасмин, больше известная своими скандальными семейными разборками, нежели творчеством, вездесущий Николай Басков и выросшая наконец Маша, ставшая Марией Распутиной...

Были и еще артисты, но пели они настолько однообразные и глупые песни, что перечислять всех не имеет смысла.

Тон концерту задал «гениальный» Майданов, ритмично скандирующий «*Я поднимаю свой флаг своего государства*».

После этого пародийно наворачивать строка на строку стал Стас Михайлов: «*И тают, словно льдинки, две жизни в бархатном вине... Она еще не знала боль, а я искал ее любовь в своей душе...*»

В припеве речь идет и вовсе о чем-то несусветном:

*Всё! Больше не любить. Как мне дальше жить?
Высоту небес я криком разрываю!
Как тебя забыть? Ты разорвала нить,
Мне сказала: «Улетаю, таю, таю!»*

Непонятно, кто и что разорвал: то ли он высоту (?!), то ли она нить, и кто где то ли тает, то ли улетает. Однако затем какой-то «голос с высоты позвал, объявлен был любви финал», и до конца песни продолжается этот абсурд...

Эстафету перенимает «великолепная» Жасмин:

*От любви до любви, от меня до тебя
Километры дорог и «люблю» в проводах.*

И это «люблю в проводах» повторяется раз семь, а то и больше.

Басков, непрерывно меняя строчки местами, плёл следующее:

*Знать бы еще в начале,
Что полюблю такую,
Не было бы печали,
Если б любил другую.
Не было бы печали,
Если б любил другую,
Я по тебе скучаю,
Я по тебе тоскую...*

А под конец вдруг громогласно заявил: «Руки выше! Я люблю российскую полицию!» После такого бреда встать бы российским генералам да уйти. Нет, сидели, аплодировали. Вежливые. Позволяли издеваться над собой. В том числе Распутиной, завывавшей:

*Не жизнь у нас с тобой, а кабаре.
Оркестры хмельно в трубы дуют,
И их дирижёр ты — герой.
Не жизнь у нас с тобой, а кабаре.
Ты ходишь в чужих поцелуях
И думаешь, что ты — король.*

Текста песни Ларисы Долиной привести невозможно, ибо пела она исключительно по-английски: видимо, полиция с переходом на новое название своей службы автоматически стала понимать иностранные языки. После этого «Принцесса на горошине» в исполнении Валерия Леонтьева почти воодушевила, но... Судите сами:

*Она любит ходить без макияжа
И собою согреть лунные пляжи...*

*Никем не взята, никем не брошена,
Никем не взята, принцесса на горошине...*

*В её венах течёт синее небо.
Она летом раздаёт взгляды из снега.
Она любит спать головой на север
И одна гулять ночью серой.*

Далее «звездой первой величины» выплыла некая Полина Гагарина с песенкой «Нет», в которой, к примеру, есть такие строки:

*Ты неизбежен, твои объятия как стальные тросы.
Ты надвигался как туман, и тучи проплывали низко.
И твои губы от меня так близко.*

Это, видимо, про участкового-«качка», заключающего свою возлюбленную в «стальные объятия».

Ну и какой концерт без любимца публики Киркорова! Весь в белом, он пел что-то непередаваемое, перевести на нормальный язык это было просто невозможно. На одном из сайтов этот текст был подан так:

*Я открыл вам сердце, словно клетку,
Как вне воли птица бьётся там
Одинокая душа.*

Что на деле, видимо, означает:

*Я открыл вам сердце, словно клетку:
Как в неволе птица, бьётся там
Одинокая душа.*

А вот что дальше:

*Мне бы птицу отпустить на свет,
Но сегодня это так непросто.
Я под кожей догола раздет —
На душе одежды нет.*

*Пой-пой-пой, птица в груди!
Бей-бей-бей крыльями в пути!*

*Пусть к земле прикован телом я (!),
Пусть мне хлещут спину плети.*

*Но поёт в душе любовь моя,
Ей лишь музыка судья.*

*Ах, как струны, разорву душой
Двери в сердце, где любовь томилась,
И свободной птицей над землёй
Вдаль умчится голос мой...*

Вот где страсть-то.

Завершился милицейский концерт песней опять же «белого, пушистого» Киркорова под названием «Любовь в пять звёзд».

Кстати, авторов текстов сейчас нигде не указывают. То ли это уже не считается искусством, то сами исполнители варганят эти «стихи» почему зря, не знаю. Но факт остается фактом: любовь теперь как гостиница класса «люкс», с широким набором и высоким качеством услуг.

Немудрено: в безыдейном рыночном государстве любовь только и может быть сексуальным обслуживанием. Что явствует и из текста:

*Мне не нужен пятизвёздочный отель,
Чтобы дать тебе любовь в пять звёзд.
Когда шторм устроит нам постель,
Ты меня придумаешь всерьёз...*

*Я подарю тебе любовь в пять звёзд,
И в ней утонут все твои мечты!
И небо брызнет лепестками роз,
Когда любовь в пять звёзд узнаешь ты...*

Да уж, брызнули слёзы из глаз «ментов» после таких откровений. А ему что Божия роса, этому Киркорову. И иже с ним.

Я к чему так подробно анализирую эти тексты? К тому, что пока мы ждем и просим от властей поддержать литературу, писателей, книгоиздание, ратуем о спасении исконной культуры народа, уповаем на Православие, Церковь, духовность, «актуальное» искусство и «реальная» литература делают своё дело: проедают мозги и душу нашим гражданам. И песенная «поэзия» в том числе, непрерывно «брызжащая» с экранов, из наушников, караоке. И это лишь частица того, что так безбожно и нагло сотворяется на нашей земле.

БУДАРОВСКИЕ БАБУШКИ

В доме Антонины Глазуновой в тербунском селе Озерки весело: там регулярно собираются на спевку ее подружки.

Все они живут на легендарной, как они считают, улице Сорочанской, издавна отличавшейся своими певуньями. Когда-то здесь был даже свой сорочанский хор, доверительно говорит Антонина Борисовна. Но не только улица и песня сдружили этих женщин, а еще и война...

— Как сейчас помню, сидят мой папа и двое его братьев за столом. И торжественно так, в тишине, едят блины. Мне лет пять тогда было, — рассказывает хозяйка дома. — Только повзрослев, я поняла, что это они уходили на войну. Мама испекла им блинов, и отец с дядьями в последний раз перед отправкой на фронт сели за стол. Оттого и тихо, молчаливо было в доме. И когда они чинно отставили тарелки и стали тоже как-то особенно старательно, но не радостно петь, даже нам, детям, стало не по себе.

Это они так прощались с домом, с семьей. Встали из-за стола, поклонились в пояс женам, матерям — и ушли. Больше я своего отца не видела: он погиб на фронте. И все заботы о нас, четверых ребятишках, легли на маму...

— И я тоже своего отца с того дня не видела, — вступает в разговор двоюродная сестра Антонины Борисовны, тоже Антонина, но Ушакова. — Один из «дядьёв» и был мой папа. Из них, троих братьев, вернулся живым лишь один. А наши с Тоней отцы сгнули на войне — и растила нас тоже мама.

— И мой отец погиб, под Сталинградом, — говорит третья бабушка, 84-летняя Мария Виноградова, бойкая задорная старушка, вмиг погрузившаяся от воспоминаний. — Как вспомню, сколько мы лиха хлебнули с мамой, так слезы наворачиваются.

— И меня мама, солдатская вдова, вырастила, — добавляет «штатный» гармонист бабушек Дмитрий Болдырев.

Ему 78 лет, во время войны был совсем мальчонкой. Мать рвала жилы в колхозе и дома, но вдовья доля и потеря маленькой дочки рано подорвали ее здоровье. И Митя тринадцатилетним подростком сам выстроил саманный домик для них с матерью, которую очень любил. Его троюродные сестры — те самые Антонины — вспоминают, как он мучился с трубой, не умея ее соорудить. Однако одолел и это испытание.

Далее выяснилось, что и его жена, Татьяна Григорьевна, и еще одна участница возрастного ансамбля — Мария Зорина — тоже сироты войны, их отцы сложили головы на фронте. А всего с Великой Отечественной не вернулись 119 уроженцев Озерок.

Яркие и, несмотря на преклонный возраст, красивые русские женщины, с виду веселые и энергичные, они через всю жизнь пронесли в своих сердцах боль и горечь от этой главной и самой большой утраты. В расписных шалих и платках

сидят вокруг уставленного яствами стола и по-доброму, светло вспоминают своих замечательных матерей, выкормивших, вырастивших их в суровое, голодное, фронтовое время.

А ведь во время войны Озерки были оккупированы немецкими войсками. В 1942 году село оказалось на направлении удара 5-й танковой армии. Бои были страшные. После освобождения Озерок многие семьи с малолетними детьми не имели крова, всё вокруг было разрушено, а поля немцы заминировали: их потом несколько лет саперы и местные подростки, призванные и обученные военкоматом, освобождали от смертоносных железок.

— Нас у мамы четверо, — вспоминает Антонина Глазунова, — чем кормить? Собирали лопухи, подорожники, сушили, мололи и даже жарили потом из этой «муки» что-то наподобие блинов. Ели анис, щавель. А то, бывало, помоем мама кормовую свёклу, разрежет на четыре части и даст каждому: грызем на печке. Да и после войны было не слаще. Бывало, мама возвращается с работы и хоть что-нибудь несёт в кармане фартука: тогда женщины в фартуках ходили. Угостят если чем, обязательно для нас в карман складывала...

Свои воспоминания и у Марии Виноградовой. Их дом в войну разбомбило. И мать с тремя ребятишками устроилась в... окопе. Верх накрыли, сделали насыпь — и получилась настоящая землянка. Но однажды землянка рухнула, да прямиком на маму. Её тогда чуть спасли односельчане, она получила серьезные травмы. Но едва окрепнув, ринулась сооружать курень, как говорит Мария Виноградова. Там и обретались они до лучших времен.

Уже после войны, в 46-м шестнадцатилетней девушке в колхозе доверили носить из Тербунов чечевицу в мешках для посадки. Ну, спасена, подумала она — и всю дорогу грызла сухие твердые зернышки, пытаясь хоть немного утолить голод. Но вместо этого только зубы разболелись, смеется Мария Афанасьевна.

А Татьяна Болдырева рассказала свою «голодную» историю. В 42-м году ей шел уже двенадцатый год, и она носила на солдатскую кухню хлеб, который пекли для бойцов ее тетки. Завертывали в дежник — холщевое полотно — несколько караваев и, прижав их к груди, бежала к передовой.

Сколько раз, говорит она, хотелось отломить корочку от хлеба, но ни разу этого не сделала. Потому что вдруг какому-нибудь солдату, который пойдет в бой, кусочка хлеба не хватит, думала она.

И вот через десять лет, в 52-м, приезжает она в один колхоз уже дипломированным специалистом, полеводом. Досеивали ячмень, и поесть было просто некогда. А если честно, то и

нечего. Старый колхозник, заметив это, после трудового дня отрезал ей большую краюху хлеба: ешь, дочка, говорит, а то весь день голодная.

Она прижала хлеб к груди — и так пошла домой. А там в каком-то блаженстве, прижимая хлеб к себе, заснула. И увиделась ей та самая дорога, по которой она носила хлеб солдатам, так же прижимая его к себе.

Проснулась вся в слезах и с такой благодарностью в сердце за этот хлеб от чужого человека! Вот они, мои дерябочки (так в селе называют корочки) меня нашли, думала она тогда. И плакала, плакала от жалости и к маме, которая натерпелась горя, и к себе, и к тем солдатикам, которые остались в поле навсегда...

После войны чем только эти женщины не занимались: пахали на себе, тяпали гектары свеклы, рожь крюками косили, прицепы таскали. А на работу ли, с работы — всегда с песней. Почему? Неужели не уставали? Антонина Глазунова раскрывает секрет:

— Это чтобы о плохом не думать. И наши матери, и мы в молодости жили очень тяжело. Матери вдовы, мы сироты. И если об этом беспрерывно думать, то как жить? А напоешься, вроде и дальше дышать и жить легче...

И хотя сейчас всё у бабушек есть: крыша над головой, тепло, свет — петь они не перестали. Постоянно собираются вместе, все праздники в селе по-прежнему отмечают сообща.

На Новый год, престольный день Петров, Яблочный Спас накрывают столы у какого-нибудь дома или клуба, поздравляют друг друга, пляшут «матаню», выводят страдания. А еще поем, читаем стихи, перечисляет одна из бабушек.

Помилуйте, какие стихи в глухих Озерках, в небольшом домишке, где собираются восьмидесятилетние старушки? А вот какие! И Антонина Дмитриевна Ушакова, скромная женщина в старинном платочке, начинает наизусть, с чувством читать длинное, очень трогательное стихотворение, в котором есть такие строки:

*Товарищ наш ползет в халате белом,
И русская метель над ним летит, поет,
И телом он своим, своим горячим телом
Фашистский закрывает пулемет.*

*И вмиг десятки пуль его пронзают,
Он, умирая, слышит, слышит он:
Бойцы идут вперед, они врага сметают.
Такой народ не будет побежден!*

И впрямь, такой народ не будет побежден, думаешь, глядя на таких стойких бабушек. Если бы только молодое поколение было на них похоже. Чтобы вот так на девятом десятке иметь замечательную память, читать стихи («Я еще могу про войну 1812 года!»), петь — с горя ли, с радости, просто потому, что с песней легче жить. И в свои немалые годы создать ансамбль, который быстро приобрел большую популярность и в селе, и в районе, и в области.

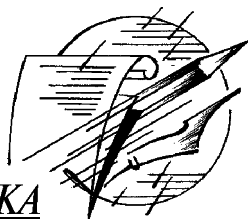
Недавно «Бударовские бабушки» произвели настоящий фурор на III областном фестивале народной музыки. А потом они подготовили целую программу народных песен к фестивалю «Рождественские встречи».

Осталось выяснить, откуда в Озерках «Бударовские бабушки». Оказалось, прежнее название села — Бударовка. А самим бабушкам не то чтобы очень хочется повторить успех бурановских участниц Евровидения, а вот прославить липецкую Бударовку на весь белый свет не мешало бы. Хотя бы в память о земляках, родных, отцах и матерях своих, которая живет в их сердцах...

О «НАШЕЙ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Слова «русский интеллигент» вызывают в воображении образ человека нервического и утончённого, ищущего смысла и жертвенного. А ещё говорят, будто Русский Интеллигент занимался богоискательством. Но всё это неправда. Русский интеллигент только и занимался тем, что искал всюду, кому бы поклониться. Он кланялся европейскому просвещению и своему народу, которого не знал. Он кланялся марксизму и революции, прогрессу и атеизму. Он кланялся даже христианству, и, за исключением, возможно, малого числа людей, именно кланялся, но не верил. Потом он кланялся абстракции под названием «свобода», протесту и правам человека. Сегодня с обычным своим рвением и с убеждённостью, что делает правое дело, он бьёт лбом перед идолом «уровень жизни». Этому идолу он кланяется, умиляясь собственной любовью к России или шипя от ненависти к ней, уезжая навсегда за границу или чая русского возрождения.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33), говорит Спаситель о пище и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

об одежде. Или, иными словами, об уровне жизни. Но русский интеллигент, презрев евангельский завет, незаметно для себя поменял местами уровень жизни и Правду. Но когда не главное становится главным, когда Правда отходит на второй план, о Царстве Божием стоит забыть, потому что наступает царство совсем иного рода.

Непоследовательность и беспринципность интеллигенции — отнюдь не новость. На этот счёт иронизировал ещё В.С. Соловьёв, отмечая, что русский интеллигент, атеист и гуманист, мыслит следующим силлогизмом: мы произошли от обезьяны, следовательно, должны любить друг друга. Сегодняшняя интеллигенция, недовольная бедностью, с большой и нескрываемой симпатией относится к тем, благодаря кому бедность в России стала нормой жизни. Кто печётся о Ходорковском? Интеллигент. А кто голосует за Прохорова? Опять интеллигент. В России в конце XX в. не просто упал уровень жизни. То, что принадлежало всем, вдруг ни с того ни с сего стало принадлежать избранным. Именно эта разразившаяся неправда сделалась причиной внезапной повальной нищеты. Сложилась уникальная ситуация превращения задуманного в действительное: к власти пришли люди, решившие, что будут опираться на крупный капитал. И в спешном порядке принялись за его формирование. Так в России появилась олигархия, то есть «преступное сообщество» власти и крупного капитала.

Итак, грянула неправда. Интеллигент не мог оставаться безучастным, но ему надлежало определиться, против чего или за что выступать: за Правду или за хлеб насущный. Интеллигенту предстояло сделать онтологический выбор и понять, с кем он: с Христом, учившим, что «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4:4), или с тем, кто обращает камни в хлебы.

Но интеллигент поступил хитро: приняв позу борца за правду, он стал требовать хлеба. Выступая против жуликов и воров за достойную жизнь. Уверяя, что стоит поменять плохое правительство на хорошее, как тотчас в России всего станет много и даром. Он не хочет знать, что финансовая олигархия никуда сама собой не исчезнет, что в империалистическом обществе всегда будет несколько богатых и много бедных, а власть всегда будет действовать в интересах прежде всего крупного капитала. Так и тянет, перефразируя М.А. Булгакова, спросить у русского интеллигента: «Простите, может быть, впрочем, вы даже Ленина не читали?»

Скорее всего не читал. Невежество отечественного интеллигента зачастую уступает разве что спеси. Сегодня всякому

чтению он предпочитает заклинания. Например, о горящих глазах у пришедших на Болотную площадь. В самом деле, когда в десятый раз от не связанных друг с другом людей слышишь об этих глазах, то понимаешь, что горящие глаза на Болотной площади — это серьёзно. Это уже атрибутика.

Другое заклинание — «пора валить из этой страны, чтобы дать детям достойное образование и воспитание». Именно так. «Дети» — ключевое слово. Его произносят даже те, у кого нет детей. Если вы говорите «пора валить из этой страны» и не вспоминаете о детях, значит, вы чужой на этом празднике жизни и чего-то не понимаете. А не понимаете вы, скорее всего, что сделать подлость, сославшись на детей, это не так уж и подло. Ведь ради детей же! Такой чувствительный предмет...

Ещё одно заклинание воскрешает в памяти 90-е, когда по улицам и поездам ходили люди и напевали: «мы-сами-не-местные-помогите-кто-сколько-может-по-копеечке». Не правда ли, чем-то отдалённо напоминает: «я-очень-люблю-свою-страну-и-хочу-чтобы-мои-дети-жили-здесь-но-не-при-нынешней-власти»? Эта пыхтелка или сопелка передаёт парадоксальное сходство между попрошайками-аферистами и интеллигентами — и те, и другие относятся к окружающим, как блоха к собаке.

Готова ли наша интеллигенция к восстановлению справедливости? Так, чтобы национализировать приватизированное, чтобы несправедливо присвоенное обратить на всеобщее благо, чтобы восстановить конфискацию незаконно нажитого имущества и смертную казнь за хищения у государства, чтобы всех принудить работать и вернуть ГОСТ? И к Леваде не ходи — ясно, что не готова. Она готова гулять с горящими глазами по Болотной площади и презирать тех, кто не гуляет рядом. Вот, пожалуй, и всё. Потому что действительное восстановление справедливости, возможно, отнимет у возмущённого борца целый ряд показателей уровня жизни. А уж это — извините!..

В общем, современная интеллигенция живо напоминает героиню чеховского рассказа «Ушла». Сюжет рассказа прост: жене вздумалось обличать перед мужем общую знакомую, вышедшую замуж за казнокрада. Далее следует такой диалог: *«Ну, а если бы ты сейчас узнала, что я тоже... негодяй? Что бы ты сделала? — Я? Бросила бы тебя! Не осталась бы с тобой ни на одну секунду! Я могу любить только честного человека!..»* После чего раскрывается, что муж — тот ещё взяточник. И жена, действительно, уходит. В другую комнату.

Каким-то непреодолимым свойством русского интеллигента является потребность в спасении Отечества. Даже если

никто его об этом и не просит. Причём интеллигенту всё равно, от чего спасать — от невежества и рабства, от тоталитаризма и деспотии, от жуликов и воров. Но если с образом интеллигента XIX — начала XX в. как-то вяжется стремление к избавлению человечества от греха и страданий, к преодолению боли и дисгармонии жизни, то стоит только вызвать в воображении парочку наиболее примелькавшихся лиц из числа современной интеллигенции и соотнести с этими лицами желание избавить кого бы то ни было от зла, то картина получится воистину эсхатологическая: «И корова будет пастись с медведицей, и детёныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому» (Ис. 11:7) В самом деле, проще представить себе льва, едящего солому или корову в обнимку с медведицей, чем какого-нибудь новомодного писателя, изводящего себя думами о народе.

Создаётся впечатление, что современная русская интеллигенция — это экзальтированная, истерическая дама, не мыслящая себя вне крайних проявлений, неуёмная и неприкаянная, но знающая, что в случае неудовлетворённости собой и жизнью всегда можно примерить тигровую шкуру спасительницы Отечества. А уж тут недалеко до гонений, страстей и мученичества, которые всё спишут и примирят что угодно и с чем угодно. Потребность заявить о себе, помноженная на борьбу со скукой, превращают интеллигенцию в штатную оппозицию, недовольную всегда и всем, на всех обиженную, считающую себя вправе взять то, что ей недодали, но при этом инфантильную, безответственную и не отягощённую никаким долгом. Главной радостью для истаскавшейся, изолгавшейся русской интеллигенции стало «трындеть», но чтобы непременно в позе борца. И тут уже в дело идут как непроверенные факты, так и невежественная чушь. И каждый почти русский интеллигент на какой-нибудь своей Болотной площади безостановочно трындит о том, в чём совершенно не разбирается: о политике и литературе, об экономике и гляциологии, об истории и медицине.

И вот спесивый, невежественный, самовлюблённый интеллигент кланяется очередному идолу и грезит борьбой, мечтает о революции, чтобы и всех заставить поклониться своему идолу. С революцией интеллигент не любит тянуть, потому что революция — это кратчайший путь заполучить внимание и, может быть, даже почести. Это даровая возможность ощутить себя нужным и бесполезным, это холостая активность, создающая иллюзию полноты жизни. Это машина, катающаяся без цели, но состоящая из множества винтиков, каждый из которых необходим на своём месте для общего движения.

Не будем путать народный бунт с интеллигентской революцией. Бунт — явление стихийное, естественное следствие истощившегося терпения. Революция — действие спланированное. Объединившись, революция и бунт становятся страшной силой. Потому и беснуется сегодняшней интеллигент, потому и брызжет слюной в сторону народа, называя его то быдлом, то рабом, что народ не отзывается на интеллигентские призывы. А революция, не поддерживаемая бунтом, — ничто, сдувшийся воздушный шар, ещё недавно яркий, горделиво плывущий над головами толпы, и вдруг жалобно свистнувший и обернувшийся тряпкой.

Зачем же сегодня нужна интеллигенту революция? Помимо того, о чём уже было сказано выше, «русский» интеллигент алчет изменить лик России. Ведь она и в XXI в. прежняя — мужицкая. Она всё ещё не похожа на Европу, она рыпается и лопочет о каком-то своём пути. Но интеллигенту с его идолом неуютно в такой России. Даже если интеллигент получает огромное, по меркам сельской учительницы, жалованье, всё равно вокруг него — не Европа, не Запад, сосредоточивший в себе все блага мира и ставший символом Града Земного. Интеллигенту неинтересна философия «бедных селений» и «скудной природы». Его тошнит от «серых изб» и «узорного плата». Потому что это не его философия. Ему милей черепичные крыши и узкие улочки, готика и Ренессанс, Реформация и Просвещение.

В России тоже встречаются черепичные крыши, узкие улочки и даже кондитерские с венскими стульями. Но это, увы, не оригинал. В отличие от «серых изб» и «скудной природы», это привнесённая часть пейзажа. Вот поэтому интеллигент, этот любитель черепицы, ненавидит Россию. Ненавидит за то, что она упорно не становится Градом Земным. Поэтому он шельмует её историю, оплёвывает могилы и втаптыкает в грязь имена. Он мстит и ненавидит, как, случается, подросток ненавидит родителей за простоту, необразованность и бедность.

Даже атеистическая интеллигенция начала XX в. всё ещё сохраняла внутреннюю религиозность, что выражалось в напряжённом поиске счастья и справедливости для всех, в готовности пожертвовать собой ради других. Минувший век. Новая интеллигенция — внешне религиозная или нерелигиозная вовсе — признала единственным своим идеалом прочное земное благополучие. Произошло сращивание интеллигенции и мещанства. Так даже, глядя вокруг, порой не понимаешь: то ли это разглагольствующий мещанин, то ли жлобствующий интеллигент. Гибрид интеллигенции и мещан-

ства породил и новую культуру, в которой с ясностью отражаются лица её создателей. Это культура человека пресыщенного, нацеленного на обладание и потребление, на успех и наслаждение. В такой культуре логика товара распространяется на все сферы человеческой жизни и на любые отношения. Всё оценивается с точки зрения прибыли и переводится в образы и знаки. Потребление основано на сведении сложного к простому, высокого — к низкому. Для человека потребления нет больше разделения на Добро и Зло, человек растворяется в системе знаков социального статуса.

Когда-то А.И. Герцен, кочевавший в поисках идеала по Европе, испытал горькое разочарование от близкого знакомства с европейцем. *«Наживайся, умножай свой доход, как песок морской, пользуйся, злоупотребляй своим денежным и нравственным капиталом, не разоряясь, и ты сыто и почётно достигнешь долголетия, женишь своих детей и оставишь по себе хорошую память»* — такими увидел он европейцев. Пожалуй, сегодня за впечатлениями, добытыми А.И. Герценом в Европе, не стоит далеко и ехать...

Тот же А.И. Герцен, наряду со славянофилами и К.Н. Леонтьевым, отмечал нелюбовь русских к юридическим законам, противопоставленным законам совести или законам правды. Но попробуйте воззвать к совести нынешнего интеллигента. В ответ он либо скривится и скажет, что «по совести» — значит «по понятиям» и что, следовательно, из зоны есть пошла русская земля; либо покивает и даже умилится знакомому слову, как умилился бы любому привету из прошлого, милому и незлобивому. В итоге, привычка не уважать внешние законы сохранилась, а вот нужда спрашиваться у совести отпала. Это относится, конечно, не только к интеллигенции. Но и к интеллигенции это тоже относится.

Всё сказанное выше может быть воспринято как страшное знамение или как естественный и закономерный ход вещей. В зависимости от того, с какой точки зрения смотреть на интеллигенцию и что понимать под этим обозначением. Традиционно интеллигенцией в России называют образованный класс. Именно в этом смысле можно говорить о слиянии интеллигенции с мещанством. Но есть и другая точка зрения, в соответствии с которой интеллигенция представляет антигосударственную силу, отрицающую государство и по мере сил труждающуюся над его уничтожением. Вторая точка зрения не отрицает и не подменяет первую, поскольку речь всё равно идёт об образованной публике, но находящей в разрушении пути и способы заявить о себе и потешить свою

самость. В известной мере и самоотверженность может стать актом самоутверждения. Что мы и видим регулярно на уличном шоу оппозиции, когда уверенная в безнаказанности, обуржуазившаяся и обмещанившаяся интеллигенция лезет на баррикады, одержимая пафосом разрушения и самоутверждения. Однако что характерно: как только государство «закручивает гайки», интеллигенция делает вид, что она просто образованная публика и не более того. Но стоит государству зазеваться, как интеллигенция или, во всяком случае, значительная часть её, тут же превращается в спасителей Отечества, угрожая России спасением от неё же самой.

П.Б. Струве настаивал на разграничении интеллигенции и образованного класса, утверждая, что интеллигенция завелась на Руси не с петровских реформ, а с М.А. Бакунина. Русских писателей П.Б. Струве категорически не желал признавать за интеллигентов и настаивал, что никто из них «интеллигентского лика» не носил. В отдельных же случаях, как, например, с В.Г. Белинским или А.И. Герценом, можно лишь говорить о борьбе писателя с «интеллигентским ликом». Но не более того. Применительно к литературе с этим сложно не согласиться, хотя бы потому, что чем больше в произведении антигосударственного пафоса, тем, как правило, меньше художественных достоинств. Пожалуй, это тот самый случай, когда, по слову А.С. Пушкина, *«две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место»*.

И конечно, говоря об интеллигенции, нельзя не упомянуть о свободе. Потому что сама интеллигенция очень любит поговорить о свободе. Это старый, излюбленный идол, всегда стоящий на пьедестале и лишь время от времени заслоняемый новыми идолами. Свобода для «русского» интеллигента — что-то вроде Афродиты в древнегреческом пантеоне. Если другим богам интеллигент молится время от времени, то о свободе он никогда не забывает. Но в том-то всё и дело, что обожающий свободу, кланяющийся свободе интеллигент, начисто её отрицает. И сложно вообразить более несвободного внутренне человека, чем представитель «русской» интеллигенции. Оттого и горят у него глаза на Болотной площади, что только среди себе подобных он не захлёбывается жёлчью от отвращения к инакомыслию, от нетерпимости к чужому мнению, от ненависти к тем, кто смеет думать и верить по-своему. Что мы и видим: любой проходимец и прощельга будет принят интеллигенцией за своего, лишь бы он льстил её слуху. И она не просто закрывает глаза на грешки, а то и пре-

ступления льстеца, но и убедит самоё себя, что преступлений нет, а есть — наветы «режима». Или что-нибудь в этом роде.

И снова интеллигент готов к борьбе, от одной мысли о которой у него загораются глаза. И, похоже, снова он наступает на старые грабли — думая, что борется со злом, он ударяет не по злу, а по отбрасываемой злом тени. Борьба превращается в фарс, в какое-то отвлечённое разглагольствование, усугублённое тем, что цель борьбы на сей раз не так уж и благородна.

Такова наша интеллигенция. Что можно сказать в её защиту? Ничего. Воспитывать её поздно и некому. Призывать к самосовершенствованию, как показала история, бесполезно. Ну и на что годна эта вздорная, экзальтированная особа, одержимая бесами разрушения, тщеславия и мшелоимства?..

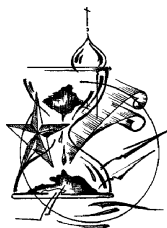
От редакции

Всё сказанное в статье касается псевдорусской интеллигенции, пораженной эпидемией либерализма, и не относится к огромному числу русских учителей, преподавателей вузов, медицинских работников, деятелей русской культуры. Эта «болотная» интеллигенция подписывала расстрельное письмо с требованием расправы над защитниками Дома Советов в 1993 году и она же выгораживала экстремистских бесовок из «Пусси Райт», кощунствовавших в храме Христа Спасителя. Эта интеллигенция на всех радиоголосах выступала против закона им. Димы Яковлева и против запрета пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. Вот такая она, «наша» «прогрессивная» интеллигенция, как справедливо пишет автор, вечно стоящая в «позе борца»...

Александр ШУМСКИЙ,
священник, публицист

НАСТУПИТ ЛИ ЭПОХА «ПРОСВЕЩЕННОГО СТАЛИНИЗМА»?

Да, снова неумолимо перед мысленным взором возникает сталинский силуэт. И происходит это не по субъективному желанию каких-то отдельных личностей, а объективно, поскольку мы живем в стране, которая сохранилась и окончательно не погибла благодаря сталинской политике, продолжавшейся почти до момента распада СССР. Следует особо подчеркнуть, что спор о Сталине в самой своей сути заключается не в том, преступник Иосиф Виссарионович или нет, а в том, хорош или плох тот факт, что он сохранил великую державу. Для патриотов этот факт хорош, для либералов и националистов плох. На «преступные» сталинские методы создания советской империи российским либералам совершенно наплевать. Дай им волю, и Сталин покажется нам великим человеколюбом. Мы все очень хорошо помним, как российские демократы в 1993 году при расстреле российского парламента, покрываясь сладострастной испариной, орали: «Раздавите гадину!». «Гадина» — это русский народ, о котором товарищ Сталин сказал самые высокие слова в своем знаменитом тосте на

РУССКИЙ ВОПРОС

праздничном застолье 1945 года. С момента произнесения этого тоста в сознании российских либералов и их западных дресировщиков понятие Русский народ и имя Иосиф Сталин окончательно переплавились, образно говоря, в единый монолит танковой брони. И ни один вражеский снаряд пока не в состоянии полностью пробить эту броню: ни мощнейший солженицынский под названием «Архипелаг ГУЛАГ», оставивший на ней лишь заметную вмятину, ни даже перестроечный горбачевско-ельцинский, почти расколовший броневой лист.

Повторяю, единство русскости и сталинизма — научный и исторический факт, реальный феномен сознания. С этим сегодня совершенно бессмысленно спорить. Можно лишь полемизировать о нюансах этого феномена, но не о самом его наличии. В этой связи очень важно еще раз проговорить, что для русского человека означает сталинизм, за что русский народ чтит Сталина, за что прощает его жестокость.

Сталинизм для русского человека — это, прежде всего, сильная государственность, способная обеспечить сохранение, выживание и развитие Российской державе, Русскому народу и другим народам, входящим в состав нашего Отечества.

Сталинизм — это высочайший уровень развития науки, образования и промышленности, без которых страна и народ обречены на полное уничтожение.

Сталинизм — это сохранение семьи и абсолютное неприятие содомии во всех формах.

Сталинизм — это неприкосновенность и целостность территории страны.

Сталинизм — это подводные атомные крейсера, самолеты пятого поколения, несбиваемые баллистические ракеты, существующие исключительно для обороны страны, обеспечивающие спокойный сон нашим детям и внукам.

Сталинизм — это неукоснительная и успешная борьба с коррупцией.

Сталинизм — это успешная внешняя политика, благодаря которой Россия называется сверхдержавой.

Сталинизм — это, в конечном счете, принятие Православия в качестве одной из главных основ русской идеологии. Этот список можно множить и множить.

Что касается ГУЛАГа, то он никогда не был для Сталина самоцелью, а рассматривался им с позиции жизненной необходимости для решения политической (борьба с троцкизмом), стратегической (дефицит времени перед войной с Германией), экономической (отсутствие достаточного количества современных технических средств производства) задач. Кроме того, более половины заключенных в лагерях были

реальными преступниками: ворами, бандитами, насильниками, предателями и т.п., которые в результате НЭПа расцвели как плесень в сыром подвале. А наши либералы и этих причисляют к жертвам сталинских репрессий. После окончания Великой Отечественной войны уже не было никаких массовых политических репрессий. Последнюю попытку таких репрессий («дело врачей») пресек сам Сталин. По статистике, общее количество заключенных в конце сороковых годов было почти таким же, как при Горбачеве. Зато именно после войны СССР, несмотря на все потери, совершил колоссальный рывок в своем развитии. Один Юрий Гагарин чего стоит! Если бы масштабы сталинских репрессий были такими, какими их изображают разного рода и племена антисоветчики и диссиденты, то ни о каком взлете нашей страны в послевоенное время не могло бы быть и речи. Да, были невинные жертвы, была в ряде случаев чрезмерная жестокость. Такова трагическая антиномия этого периода русской истории. Но я не сомневаюсь в том, что мы, русские патриоты, гораздо больше скорбим о невинных жертвах сталинских репрессий, чем фарисействующие либералы. Если они и скорбят, то только по своим, близким идейно и кровно, а до русского народа им никакого дела нет. Да они были бы очень рады, если бы русский народ вообще исчез. Так оно и произошло бы, победи Троцкий Сталина в борьбе за власть.

С распадом СССР начинается активное переформатирование советско-сталинской системы или, попросту говоря, ее уничтожение. И в результате мы получили вместо сталинизма ельцинизм. Что такое ельцинизм?

Ельцинизм — это не просто уничтожение государственности, но превращение государственной машины в орудие уничтожения страны.

Ельцинизм — это сознательное и тотальное насаждение коррупции.

Ельцинизм — это уничтожение семьи и насаждение содомии.

Ельцинизм — это распад великой страны.

Ельцинизм — это подрыв науки, производства, образования и культуры.

Ельцинизм — это распиливание ядерных подводных крейсеров, ржавение в ангарах новейших самолетов, отключение от энергоснабжения баллистических ракет.

Ельцинизм — это провальная и позорная внешняя политика, из-за которой Россия перестала быть сверхдержавой.

Ельцинизм — это попытка навязать православным почитание ложных мощей царственных мучеников.

Ельцинизм — это катастрофическое сокращение численности русского народа. Этот список можно долго продолжать. И так, как ни крути, а получается, что сталинизм — это сбережение страны и народа, а ельцинизм — их уничтожение. Сталинизм — это патриотизм. Ельцинизм — это либерализм. Сталинизм (патриотизм) и ельцинизм (либерализм) — вещи несовместные.

Некоторые монархисты наверняка зададут вопрос: «А почему вы говорите о единстве русскости и сталинизма? Не правильнее ли говорить о единстве русскости и монархизма?» Конечно, теоретически так было бы лучше. Но как быть с тем, что реально для большинства русского народа монархизм пока воспринимается исключительно в форме сталинизма. Тем более, что Ельцин пытался спекулировать на монархической идее и любил, когда подхалимы называли его «царем Борисом». Отсюда и отгораживание большей части русского народа от идеи чистого монархизма, дискредитированной в смутный ельцинский период.

В последние годы на повестку дня вновь выдвинулся извечный русский вопрос: «Что делать?». Вопрос этот сама жизнь неумолимо ставит перед верховной российской властью. Президент Путин, образно говоря, стоит на распутье перед большим камнем, на котором написаны слова: «Направо пойдешь — Россию спасешь!»; «Налево пойдешь — костей не соберешь!». И некоторые его последние решения и действия, связанные с укреплением обороноспособности страны, наведением порядка в информационной сфере (переформатированы РИА «Новости»), борьбой с коррупцией, показывают, что может наступить эпоха «просвещенного сталинизма».

«Просвещенный сталинизм» — это сталинизм, полностью отбросивший коммунистическую идеологию, но разумно, творчески и последовательно действующий на традиционалистской основе в интересах России и русского народа.

Во внутренней политике успехи не столь впечатляющи. В основном — это попытки «модернизировать» ельцинскую систему. Как это ни покажется кому-нибудь странным, но во внутренней политике у Путина значительно больше гирь на ногах и руках, чем во внешней. И здесь его ситуация в какой-то мере походит на ту, в которой в свое время оказался президент Франции генерал де Голль. Но именно разрыв между огромными успехами де Голля во внешней политике и значительно меньшими его достижениями во внутренней — предопределили во многом уход великого генерала с поста президента. И тут Владимиру Путину есть над чем задуматься. Чем

больше разрыв между достижениями во внутренней и внешней политике, тем это опаснее для руководителя страны.

Становится все более очевидным, что ельцинская система никакой модернизации не поддается. С чего в свое время начал Сталин? С лозунга «Кадры решают все!». И выиграл. А что у нас с кадрами сегодня? Вопрос, не требующий разъяснения! И здесь уместно вспомнить евангельские слова: «При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплаты к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплата от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: «старое лучше» (Лк. 5: 36-39).

Невозможно зашить и заштопать гнилую ельцинскую ткань. Любая новая заплатка на ней только еще больше обнажает гнилость ткани. И не удерживается в дырявых ельцинских мехах новое вино.

В своем последнем Послании парламенту Путин очень хорошо сказал о необходимости воспитывать в средней школе патриотов и граждан и вообще подчеркнул особую роль воспитания, о котором у нас почти забыли. Но вся нынешняя реформа образования, в том числе и школьного, не позволяет реально решать такие задачи. Реформа образования направлена на полное уничтожение системности и преемственности, которые являлись краеугольным камнем в образовании в советское время. Тогда глубоко понимали связь между качеством обучения и воспитания первоклассника и созданием баллистической ракеты. Сейчас такая связь полностью разорвана, причем сознательно! Нынешний ядерный щит ковали мои советские ровесники. А ЕГЭ — это успешная диверсионная операция иностранной разведки.

Верно сказал Путин и о значении традиционных ценностей, и о том, что мы — консерваторы. Но всё же этого сейчас недостаточно. В Послании не выделено специально значение традиционной семьи и ничего не сказано о пагубности и невозможности для России ювенальных законов, которые незаметно продолжают внедрять. И что с этим делать дальше?!

Президент подчеркнул необходимость развития местного самоуправления, вспомнив земскую реформу и аграрную реформу Столыпина. Но ведь идея развития земств и местного самоуправления в основе своей сепаратистская. Эту идею со всем жаром отстаивал Александр Солженицын, плохо понимающий смысл державности. Местное самоуправление

может дать положительный эффект только при наличии сильной контролирующей центральной власти. В противном случае, местное самоуправление неизбежно будет способствовать сепаратизму, к чему и стремятся демо-«националисты».

Следует особо остановиться на оценке Владимиром Путиным межэтнических отношений. Скажу откровенно, эта часть Послания у меня не вызвала большого воодушевления. Всё, казалось бы, верно сказано: и про «обнаглевших выходцев из некоторых южных регионов», и про «продажных сотрудников правоохранительных органов», крышующих этническую мафию, и про «так называемых «русских националистов»». Но вот здесь как раз и заключается тот момент, который мне не по душе. В Послании получается, что межэтнические конфликты, с одной стороны, разжигает какой-то безымянный «аморальный интернационал», «люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим», а с другой стороны, «русские националисты». То есть, русский этнический элемент выделяется особо, в то время как другие этнические элементы объединяются в некий «аморальный интернационал». В данном контексте прилагательное «русский» психологически бьет по русскому народу, о котором, кстати, в Послании ничего не сказано. Это особенно бросается в глаза на фоне последнего выступления Святейшего Патриарха Кирилла на Всемирном Русском Народном Соборе, в котором подчеркивается судьбоносное значение Русского народа. Кроме того, я не могу согласиться со словами Владимира Путина, что межэтнические конфликты «провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим». Мы все прекрасно знаем, что существуют малые народы (этносy), придерживающиеся давней традиции грабежа и насилия по отношению к другим народам, прежде всего к русскому. И они эти свои вековые грабительские традиции даже очень почитают и никаким другим традициям следовать не желают. И нет, на мой взгляд, никакого «аморального интернационала», а есть вполне четко очерченные этнические преступные группировки, периодически вступающие между собой в сговор для более эффективного грабежа коренного, т.е. русского населения.

Отрадно было слышать слова Владимира Путина о необходимости системного развития Сибири и Дальнего Востока. И хотелось бы надеяться, что этот сталинский размах превратится в будущий прорыв, и наступит эпоха «просвещенного сталинизма».

ЗАКРЕПИТЬ СТАТУС ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО НАРОДА

Как известно, в сентябре 2012 года рабочей группой Президентского совета по межнациональным отношениям был принят за основу проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», а 19 декабря он был утвержден указом президента РФ. По сообщениям СМИ, 19 февраля 2013 г. на заседании Совета его члены поддержали идею подготовки «Декларации национального единства народов России», в которой предлагается, в частности, разработать понятийный аппарат о российской нации, чтобы «добиться подлинного национального единства» в нашей стране. При этом российской нации дается следующее определение: «Народ Российской Федерации составляет многонациональное население Российской Федерации — все граждане России, являющиеся носителями русского языка, культурных, духовных, морально-этических и социально-государственных императивов, присущих многонациональной российской цивилизации». То есть народ России — это многонациональное население носителей многочисленных императивов с громким названием политической нации, но без каких-либо примет именно русского национального государствообразующего стержня. При этом непонятным остается статус значительной части граждан РФ с российским паспортами, но без «императивов».

Указанный документ планируется принять к 100-летию Октябрьской революции в качестве замены известной «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 года. Информационным продвижением задач национальной

стратегии России должно заниматься специальное частное агентство, а на финансирование этой программы будет выделено 124,6 млрд. руб. В этом случае ответственными за конечный результат поставленной цели могут снова оказаться частные посредники, в бездонных карманах которых растворятся, как это обычно бывает у нас, бюджетные миллиарды рублей.

Напомню, что еще в июне 1996 года появилась «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», в которой говорилось, что межнациональные отношения в нашей стране «во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа и что потребности и интересы русского народа должны... постоянно учитываться в политической, экономической и культурной жизни».

«Стратегия государственной национальной политики РФ» также подтвердила тот очевидный факт, что Россия является государством, «системообразующим ядром которого исторически выступает русский народ» и что цивилизационная идентичность России «основана на сохранении русской культурной доминанты». В нем указывалось на опасность «проникновения в культурно-информационную систему чуждых идей», были ссылки на «кризис политики мультикультурализма в европейских странах» и на опасность в связи с этим распада страны. Вместе с тем «Стратегия» допускала возможность «самоопределения народов в Российской Федерации», что, по сути, является завуалированным поощрением сепаратизма, оставляя без ответа главный вопрос — о государственном суверенитете субъектов РФ.

Как известно, до октября 1917 года Россия была унитарным многонациональным государством русских, которые были его государствообразующим стержнем. Ее нынешний федерализм государственного устройства и суверенизация входящих в нее субъектов, тем более их право на самоопределение, — реликт представлений интернационалистов о якобы великодержавном шовинизме русской нации. Этот шовинизм, как, кстати, и антисемитизм, беспощадно выжигался каленым железом большевистским руководством, в котором русских были считанные единицы.

«Стратегия» страдает несовместимостью двух диаметрально противоположных подходов к государственному устройству России. С одной стороны, ее разработчики полагают, что одной из задач государственной национальной политики в сфере федеративных отношений является апробация новых форм территориального управления России и их оп-

тимизация, то есть объединение субъектов в более крупные и экономически устойчивые территориально-административные образования. Но с другой стороны, в «Стратегии» говорится о российской нации как о «многонациональном народе Российской Федерации — сообществе граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)». Что касается «Декларации национального единства народов России», то она неизбежно станет явным шагом назад, даже по сравнению со «Стратегией», если в ней не будет четкого понимания государствообразующей роли русских в РФ, поскольку это сместит акценты с подлинных на мнимые угрозы межнациональным отношениям в России.

Статус русских как государствообразующей нации в России ничуть не умаляет достоинства других российских этносов. Конституция Татарстана, например, принята от имени татарского и других проживающих в нем народов, что подразумевает стержневую роль татар в Татарстане. Но только русские всегда играли и продолжают играть эту роль в масштабе всей России.

Национальный вопрос стал ключевым в нашей стране после октябрьских событий 1917 года. Автономизация бывшей Российской империи, курс на самоопределение наций, замена губернского деления России на национальное дробление, вплоть до мельчайшего национального округа, могли обернуться распадом российского государства. Они не привели к уничтожению российской государственности лишь потому, что интернационалистам в большевистском руководстве не удалось извести русскую национальную культуру, заменив ее пролетарским сознанием.

Нигде в мире разные нации в едином государстве не имеют права объединяться по этническим признакам и создавать национально-территориальные государственные образования. Ни в одной стране мира нет такого количества субъектов государственности, как в России, которые к тому же находятся на бюджетных дотациях федерального центра. На 1 января 2013 года уровень долгов таких субъектов составил 1,4 трлн. руб., а долги некоторых из них уже давно превышают их региональные бюджеты. Такое положение прямо противоречит Бюджетному кодексу России, в котором четко прописано, что долг субъекта Федерации не может превышать 100% доходов региона, и вообще здравому смыслу понятия суверенного субъекта.

Сохранению и упрочению единого государственного, правового и информационного пространства России способствовала бы целостная концепция национальной политики, в которой нынешний федерализм государственного устройства России не должен приравниваться к суверенизации входящих в нее субъектов и, тем более, подразумевать их право на самоопределение. Государственным суверенитетом должна обладать вся Россия в целом при сохранении национально-культурных автономий, языка, культуры и образа жизни ее коренных народов и национальных меньшинств, их права на самоорганизацию в различных формах, на предоставление налоговых льгот для финансирования национально-культурных объединений и учреждений. Самостоятельность субъектов РФ в рамках Федерации не должна превращаться в угрозу целостности единого государства. Справедливость этого вывода подтверждается и опытом государственного строительства в СССР, который по форме был псевдофедерацией, а по сути — унитарным государством. В программах национальных движений советских республик и автономий того времени преобладали культурно-языковые проблемы, а вопрос о предоставлении им экономической и национальной самостоятельности вообще не возникал в условиях всеобщей государственной собственности. Что касается термина «россияне», то он применим лишь в сфере гражданско-правовых, а не национальных отношений. То есть равенство прав народов не должно подменяться равенством прав граждан.

Отсутствие четкой и однозначной государственной национальной политики в многонациональной России становится в наши дни все более заметным. Этот вывод подтверждается, в частности, тем фактом, что оппозиция как слева, так и справа называет сложившуюся при правлении либералов российскую государственность антинациональной. Несомненно также, что в общественном сознании оформился консенсус по вопросу придания российской государственности национального характера.

Для обеспечения государственной стабильности в многонациональном государстве вопрос межнациональных отношений является важнейшим. Очевидно, что без наций не может быть и межнациональных отношений. Однако в Конституции РФ отсутствует какое-либо упоминание не только о роли русской нации как государствообразующей, но и о русской нации вообще, что на практике равнозначно ее исключению из межнациональных отношений.

Как известно, за ширмой политической борьбы нередко скрывается борьба этносов и разных цивилизаций за выжи-

вание. В условиях России, которая представляет собой уникальную цивилизацию народов, качественно отличную от агрессивных и гегемонистских этносов мира, приоритетной должна быть борьба с русофобией и укрепление государствообразующей роли русских — стержня российской государственности.

Андрей ПШЕНИЦЫН

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПОГРЕШНОСТЬ

После резонансных событий в Бирюлёво по всем каналам ТВ начались обильные разговоры. Многочисленные специалисты излагали свои драгоценные мысли, старательно обходя вопрос: «А сколько именно мигрантов находится сегодня в РФ?» Самые «смелые» озвучивали почему-то т.н. оценку ООН: «В РФ находится 11 млн. мигрантов». Стыдно за молчание Пограничной службы ФСБ РФ, потому что эта цифра не имеет ничего общего с реальностью!

Рассмотрим Федеральный закон «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», принятый Государственной думой 30.06.2006 и одобренный Советом Федерации 07.07.2006. Приведём из него несколько выдержек.

«Статья 4. Цели, основные принципы и содержание миграционного учета.

1. Миграционный учет осуществляется в целях:

— формирования полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан, необходимой для прогнозирования последствий указан-

ных перемещений, а также для ведения государственного статистического наблюдения в сфере миграции;

— систематизации сведений об иностранных гражданах, находящихся в РФ (в том числе их персональных данных (!)), и о перемещениях иностранных граждан».

Статья 8. Осуществление миграционного учета.

4. Органы пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу РФ в течение одних суток сообщают в органы миграционного учета сведения о фактах въезда в РФ либо выезда из РФ иностранного гражданина».

Т.е. практика следующая. Иностранцы граждане и лица без гражданства при пересечении границы РФ заполняют въездные либо выездные миграционные карты (с фиксацией их персональных данных), которые в течение одних суток сообщаются в органы ФМС!

Далее, те, кто, въехав, зарегистрировались в органах ФМС и прожили по месту регистрации не менее 1 года, попадают в сводку Росстата по разделу «прибыло». Именно это и есть т.н. оценка ООН — «в РФ 11 млн. мигрантов», которая стран-ным образом совпадает (!) с официальной цифрой сайта Росстата — раздел «прибыло» за 1992—2013 гг. Когда нам намекают, что эти 11 млн. «прибывших» мигрантов — и есть те самые нелегальные мигранты, нам врут! Эти 11 млн. — как раз мигранты легальные. Те же, кто, въехав, зарегистрировались, но прожили по месту регистрации менее 1 года, либо не зарегистрировались вовсе, такие внешние мигранты «статистическому наблюдению не подлежат» (стилистика Росстата)! Их как бы в РФ нет! Именно они и есть те нелегалы, численность которых якобы неизвестна.

Таблица показывает, что, по данным ПС ФСБ России, миграционный прирост за 2005—2010 гг. — 12 888 774 человек. А по Росстату, «долгосрочный миграционный прирост, зарегистрированный органами ФМС» — 1 127 328. Т.е., незарегистрированная, а потому скрытая часть миграционного прироста за 2005—2010 гг. (не отражённая хрониками Росстата) составила — 11 761 446 человек.

Как мы видим, ПС ФСБ РФ в соответствии с указанным федеральным законом выполняет свои функции исправно. И ФМС, «в течение суток», знает абсолютно всё о въехавших в РФ, «с фиксацией их персональных данных».

Но если всего за шесть лет (2005—2010 гг.) миграционный прирост, по данным ПС ФСБ РФ, составил почти 13 млн., то за 1992—2013 гг. он превысил 40 млн! Последствия известны — Кондопога, Сагра, Манежка, Пугачёво, Бирюлёво и многие другие случаи межнациональных столкнове-

ний показывают, что русский народ — прежде всего именно он — уже находится в начальной фазе разгорающейся межнациональной войны с мигрантами: как внешними, так и внутренними!

Миграционное нашествие следовало давным-давно пресечь простой очевидной практикой: добиться публикации данных Пограничной службы ФСБ РФ о суммарном въезде в РФ и суммарном выезде из РФ за каждый месяц! Публиковать, а потом информировать: сколько внешних мигрантов зарегистрировалось в органах ФМС, а сколько — просто растворилось в пространствах РФ.

Нам всем необходимо знать данные пограничного контроля по суммарному въезду в РФ и суммарному выезду из РФ за каждый год периода 1992—2013 гг. Мы, граждане России, имеем право знать, какая миграционная политика проводится в нашем общем доме!

Самое же безнадёжное для ближайшего будущего России это то, что миграционное нашествие происходит одновременно с ускоренной естественной убылью (вымиранием) русского народа!

Нам радостно сообщают, что в последнее время рождаемость почти сравнялась со смертностью и что естественная убыль (вымирание) в РФ почти прекратилась. При этом умалчивают, что вымирание (естественная убыль) русского народа в 2012 году составило не менее 600 000.

С полномасштабным вымиранием русского народа и устойчивым естественным приростом коренных для России мусульман всё понятно. У всех остальных народов России, исторически коренных для неё, суммарный показатель соотношения «рождаемость—смертность» — около «нуля» (если исходить из официальных хроник Росстата). И этот суммарный показатель практически не влияет на общий показатель естественной убыли (вымирания) в РФ, который публикует Росстат.

Но вот естественный прирост у пришлых народов из внешней миграции — это отдельный вопрос. В Россию ведь едут люди преимущественно молодого и среднего возраста. И для них жизнь в России продолжается в её естественных проявлениях: они, в частности, рожают детей. А в силу своего молодого и среднего возраста «внешние» мигранты почти не умирают, т.к. их старшее поколение остаётся на исторической родине. Т.е. у этой быстро растущей группы населения РФ такой же быстро растущий естественный прирост.

23.06.2013, телеканал «Россия-24», передача «Парламентский час». В сюжете о Дальневосточном федеральном округе

(ДФО) было сказано, что ситуация с оттоком населения в центр РФ осложняется ещё и тем, что в регионе продолжает нарастать численность граждан КНР, и что их в ДФО — «несколько сот тысяч»! Естественно, не говорится, а сколько именно «сот тысяч» граждан КНР находится в ДФО: сто тысяч или все девятьсот тысяч, а может быть, счёт идёт уже на миллионы?!

05-09.08.2013, телеканал «Россия-24», цикл «Новая Европа» — Италия, город Прато. Итальянские фабрики по пошиву одежды разорились. Теперь их арендуют или владеют ими граждане КНР. Работают на этих фабриках тоже китайцы. Как следствие (цитата): «Ежегодно в Прато рождается полторы тысячи (1500) китайских детей». — А в Дальневосточном федеральном округе, сколько рождается китайских детей? А в целом по России сколько?

По переписи-2010, китайцев в РФ — 28 943 (при этом в ДФО граждан КНР «несколько сот тысяч»). Моя версия, что граждан КНР в РФ — 10 млн. Необходимо открыть данные пограничного контроля по границе РФ—КНР — пусть граждане РФ знают фактическое положение дел.

И ещё. В том же цикле «Новая Европа» таблицей было показано, что безработица среди мигрантов в странах Европы в 3—5 раз выше, чем среди граждан этих стран. А как с безработицей среди мигрантов в РФ? И какими промыслами безработные мигранты зарабатывают себе на жизнь?

ДИКТАТУРА «ПРОСВЕЩЁННЫХ»

О духовных корнях и целях трансгуманизма

В начале июня 2013 г. прошло заседание Бильдербергской группы, которая, в свою очередь, собралась сразу после ежегодной конференции Google «Zeitgeist», на которой подводились итоги анализа миллиардов запросов пользователей системы Google. А чуть позже, 15—16 июня в Нью-Йорке в Линкольн-центре в Манхэттене прошёл Второй международный конгресс форума «Глобальное будущее 2045», собравший учёных, инженеров, специалистов в области нейронаук, обсудивших перспективы развития кибернетических технологий для достижения **бессмертия человека**. Целью участников конгресса объявлено создание научного мегапроекта «Аватар», который включает в себя разработку антропоморфных роботов, систем телеприсутствия, интерфейсов «мозг-компьютер», нейропротезирования и моделирования мозга, изучение сознания и способов переноса «я» человека на небиологический субстрат — искусственное тело.

Организатором и президентом форума этого проекта является российский мил-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

лиардер, гендиректор интернет-компания Newmedia Stars и основатель Стратегического общественного движения «Россия 2045» Дмитрий Ицков, изложивший своё кредо следующим образом: **«Человек должен быть свободным от ограниченной биологической природы, смерти, гравитации»**. Для этого человеческие тела должны быть заменены небιологическими носителями, в головы которых вживят мозг землян, и таким образом эволюция человечества будет направлена по пути достижения бессмертия.

Чтобы доказать реальность инициативы, участники форума представили результаты своей деятельности. Японский исследователь робототехник Хироси Исигуро продемонстрировал возможности изобретённого им человекоподобного робота Геминоида HI-1, представляющего точную копию его самого. Этот экземпляр был представлен пионером в задуманном плане обретения человеком бессмертия к 2045 г. Здесь также выступил первый человек-киборг, англичанин Найджел Экланд, обладатель бионического протеза руки, показавший возможности интеграции кибернетических технологий с человеческим телом. Наконец, тут была продемонстрирована андроидная (то есть человекоподобная) голова — двойник Ицкова, сконструированная американским изобретателем Дэвидом Хэнсоном в рамках первой стадии проекта «Аватар А», которой управляли 36 моторчиков.

На конгрессе выступили такие известные футурологи, как директор по техническим разработкам корпорации Google, изобретатель Рэй Курцвейл, писатель и предприниматель, крупнейший индивидуальный благотворитель Оксфордского университета Джеймс Мартин, сооснователь Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте Марвин Минский, основатель-разработчик технологии протезирования мозга профессор в Университете Южной Калифорнии Теодор Бергер, основатель первой российской лаборатории интерфейсов «мозг-компьютер» Александр Каплан, разработчик искусственного интеллекта предприниматель Бен Герцель, создатель теории субстрат-независимого разума Рэндал Куне, разработчик теории о возможной квантовой телепортации сознания в альтернативное тело Стюарт Хамерофф, руководитель компании United Therapeutics Мартин Ротблат (компания планирует с 2016 г. начать массовую пересадку распечатанных на 3-Д принтерах искусственных органов человека) и многие другие.

Основными темами на конгрессе стали кибернетические технологии продления жизни, кибернетическое бессмертие, метаразум, нечеловечество, а также духовное развитие. Те

же проблемы рассматривались и на Первом конгрессе форума, прошедшем в феврале 2012 г., среди докладов которого можно выделить, в частности, такие, как «Сравнительные истории гуманоидов», «Бионическая революция: летающие гуманоиды», «Инженерный вызов: как сделать наш разум-субстрат независимым через эмуляцию мозга уже в течение нашей жизни», «Российский проект обратного конструирования мозга», «Сознание и мозг: перспективы преобразования природы человека», «Трансцендентальный трансгуманизм как вероятное будущее человечества», «Психопрактики как ключ к космическому сознанию», «Реализация бытия нашего вида в квантово-цифровую эпоху», «Возможность построения утопии», «Гонка во Внутреннее Пространство: Как получить пользу от более быстрого, умного и богатого будущего человечества» и другие.

Всё это можно было бы воспринимать как некую экзотику, если бы речь шла просто о научной фантастике, но участники конгресса ставят перед собой задачу **«создания и реализации новой стратегии развития человечества»**. Соответственно, и все представленные технологии рассматриваются ими сквозь призму **«новой эволюционной стратегии преобразования человека как вида»**. Поэтому в конгрессе приняли участие также и «духовные лидеры», стремящиеся внести свой вклад в формирование данной стратегии, однако «духовность» эта явно односторонняя, поскольку присутствовали здесь только проживающий в Нью-Йорке тибетский буддийский лама Гаванг Сунграб (он признан «восьмой реинкарнацией» Пакъяба ламы), мастер йоги индийского ордена Джунга акхара Свами Вишнудевананда Гири Джи Махарадж, ещё один мастер йоги из того же ордена Пайлот Баба и борец за права человека Лазар Пухало, «архиепископ Оттавский» в отставке в юрисдикции обновленческой «Православной церкви в Америке», известный своими выступлениями в поддержку операций по перемене пола.

Тот факт, что основатель движения «Россия 2045» провел этот форум в Нью-Йорке, совершенно не случаен, поскольку «Глобальное будущее 2045» является частью набирающего всё большую силу международного движения трансгуманизма, ставящего целью «преодоление человеческой природы» и создание «постчеловека» или «сверхчеловека».

Речь идёт, как указывалось на форуме, о формировании «нового мирового сознания» и «новой мировой цивилизации». Об этом было заявлено и в письме Генеральному секретарю ООН, к которому участники форума обратились незадолго до конгресса с призывом обеспечить им поддержку Ге-

неральной ассамблеи ООН. В нём указывалось, что мир, переживающий кризис потребительской модели существования, кризис целей и ценностей, находится на пороге глобальной модели развития, сутью которых должна быть реализация новой модели развития, способствующей эволюции сознания индивида и «переходу к Неочеловечеству». Достигнуть этого планируется с помощью прорывных технологий, призванных обеспечить продление жизни на базе искусственного тела-аватара вплоть до бессмертия, которые позволят создать новую цивилизацию. Как подчеркнули авторы письма, данная стратегия должна стать «альтернативой национально ориентированным идеологиям и объединить нации, сделать смыслом жизни каждого служение человечеству».

Как видим, устами «учёных» мировые правители начинают открыто излагать свои планы, считая, видимо, что сознание человечества уже достаточно трансформировано, чтобы принять их.

В какой же степени новы эти идеи, каковы их корни, их истинный смысл и та роль, которую они играют в духовной перестройке, осуществляемой глобальными транснациональными элитами?

Первые опыты переделки человека

Строящаяся «новая мировая цивилизация» представляет собой в реальности лишь завершающий этап утверждения того общественного устройства, которое создаёт по своему разумению и своими собственными силами человек, отвергнувший или поставивший себя вместо Бога и идущий по пути «эволюции» и «прогресса». Цивилизация как таковая берёт своё начало от Каина, который был первым из «детей дьявола», чья деятельность, как пишет наш исследователь Е.А.Авдеенко, происходила «независимо от богопочитания», «независимо от почитания отцов» и «в отрыве от органических начал жизни — земли и почвы», то есть без Бога, без отца, отечества и земли. «Цивилизация есть деятельность, изначально несущая в себе установку на созидание целостного **рукотворного** мира. Начало цивилизации — всегда «город». Первая форма цивилизации — город Каина. Последняя в мировой истории форма цивилизации — город, распространяющий себя на всю землю. Первая цивилизация — каинская. Последняя цивилизация — «Вавилон» (Вавилонская башня и современный глобализм)».

Именно от Каина ведёт своё начало разделение человеческого общества на Церковь — богочеловечество и антицер-

ковное общество — цивилизацию. «Цивилизация, — указывал В.Н.Лосский, — это огромная попытка **восполнить отсутствие Бога**. В цивилизации люди стараются забыть Бога или заменить Его: забыть в ковке металлов, отдав себя в плен земной тяжести и сообщаемому ею непроницаемому могуществу... или же заменить Его праздником искусства, томительным утешением музыки...»

Этот богоборческий дух устроенной на человеческих началах цивилизации особенно явно воплощается сегодня в архитектуре постмодерна, воспроизводящей известную «башню до неба и от неба», о которой В.Н.Лосский писал: «Вавилонская башня — это узурпаторский прорыв безбожной цивилизации, единство только человеческое в своём чисто земном вожделении завоевать небо. Так, восточные сакральные цивилизации воздвигали свои зиккураты, эти храмы, этажи которых символизировали, по-видимому, те внутренние ступени, по которым должен был методически восходить посвящённый. Вавилонская башня типична для этих архаических примеров, но и превосходит их; она актуальна по сей день».

Но главное здесь — это внутренний мир строителей башни. Если Каин и каинитяне были осознанными богоборцами, **противопоставлявшими** себя воле Божьей, то строители Вавилона стремились **заместить** собой Бога, заместить Его волю и на земле, и на небе и поставить себя в центр мира — с помощью науки познать небесное и низвести небо на землю по воле человека. В этом суть «прогресса». Однако, как пишет Е.А. Авдеенко, хотя «исходный импульс у них различный, в конечной точке они совпадают: отречься от «Адама»... Дух Каина и дух Вавилона сошлись и срослись в одной точке: я не хочу быть «адам». Их главный внутренний помысел — избавиться от образа Божия, воспринимаемого как ограничение их свободы, изменить свою человеческую природу, создать «нового человека», и в этом смысле их можно считать первыми трансгуманистами. Но если человек отрекается от образа Божия, он поклоняется «образу зверя». Одни это делают осознанно, другие — нет, но и те, и другие борются с Церковью.

Именно этим духом проникнуты те идеи, которые лежат в основе мировоззрения современных хозяев мира. Оно уходит своими корнями в пантеистические системы иудейской каббалы, египетских верований, индуистской философии, пифагореизма, платонизма, герметизма и других оккультно-эзотерических учений, наиболее влиятельным из которых оказался гностицизм. Последний, будучи результатом смешения восточных религий с античной философией, отличал-

ся от других синкретических учений тем, что выдавал себя за эзотерическое учение Христа. Он не имеет единой стройной концепции, но при всём разнообразии его форм и наименований, при всей текучести и смутности его представлений, мы можем выделить определённую устойчивую матрицу, ключевыми положениями которой являются следующие.

Во-первых, это противопоставление двух миров: духовного мира света, знания и добра, с одной стороны, и вешного, видимого мира тьмы, неведения и зла, воплощённого в материи, — с другой. Мир света представлен безличным Первоначалом, порождающим сложную иерархию духовных сил — эонов, один из которых, соблазнённый своеволием, отпадает и порождает создателя материального мира — порочного и невежественного демиурга, существа низшего по сравнению с эонами. То есть мир произошёл из-за ошибки, его создатель и есть источник зла.

Во-вторых, соответственно и человек понимается как заключённая в темницу тела частица Мировой души (или искра божественной Плеромы), как духовная андрогинная сущность, которая не несёт в себе никакого первородного греха и целью жизни которой является избавление от уз материи и слияние (полное растворение) с полнотой божественного бытия. Путь к этому — раскрытие в себе божественного элемента, выявляемого с помощью мистического «спасительного знания» — гносиса, принесённого на землю одним из эонов — Христом. Таким образом, первичная дихотомия тут — не грех и раскаяние, а невежество и знание.

В-третьих, это идея изначальной избранности тех, кому доступны тайны гносиса, воспроизводящая иудейский постулат об «избранном семени». Отрицая идею исходного онтологического равенства, гносис **делит людей на разряды**. Спасись (то есть освободить свой духовный элемент) смогут только «духовные» люди, являющиеся таковыми в силу своей природы, остальные («душевные» и «плотские») не спасутся. Гносис, тщательно зашифрованный, раскрывается через «трансцендентное пробуждение», которое происходит в результате магических действий, психо-духовных практик, медитации и «расширения сознания», а не активного нравственного служения. Приобретший тайное знание обретает силу и бессмертие, то есть **самообожествляется**.

В-четвёртых, это биполярность всего мироздания, представленного в пантеистическом смешении. В природе каждого явления или существа присутствуют два начала: дух и материя, положительное и отрицательное, добро и зло, мужское и женское, свет и тьма, истина и ложь. Добро и зло суще-

ствуют как онтологически равные силы, как оборотные стороны одного явления. Это вытекает из учения каббалы, в соответствии с которым всякая идея заключает в себе противоречие, и поскольку Бог является суммой всех идей, он также заключает в себе противоречия. «Бог одновременно и добр, и зол, милосерден и жесток, беспределен и ограничен, непостижим и постижим; все эти противоположности объединены в великом целом, которое и есть Бог». Этот принцип присутствует в природе, обществе и мышлении, и он исключает возможность построения какой-либо этической системы. Поэтому добро может быть злом, а зло — добром.

В-пятых, это нравственный индифферентизм (иммориализм). Поскольку зло исходит от материи и плоти, а не от человеческого духа — «божественной искры», которая не несёт за это никакой ответственности, для гностика не существует социально ценных норм, нравственных установок и ориентиров. Главное достоинство — это сила, воплощённая в знании, которое и есть добро и имеет высшую ценность (вспомним бэконовское: «знание — сила!»). Это стало основой для непризнания и борьбы против каких-либо социальных и нравственных запретов, приведших к абсолютному либертинизму. Презрение к материи, телу — «темнице духа», с одной стороны, предопределило аскезу вплоть до самоистязания, а с другой — стало оправданием для нравственной и половой распущенности (в соответствии с принципом «плотское — плотскому, духовное — духовному»). Как учили отдельные гностики, люди не могут «спастись, то есть попасть к «своему» богу, если не пройдут через все виды греха». Отсюда — разврат, содомия, совместные оргии, заканчивающиеся самоубийствами и пр. и пр. Гностик видит себя абсолютно свободной, «познающей искрой», борющейся против любых внешних сил, ограничивающих и подавляющих её.

В-шестых, это сохранение в тайне «высшего знания», что предопределило двойной стандарт: одни требования — для внутреннего обихода, для своих, другие — для внешнего круга, то есть для профанов. Сознание долга упрочивается только в отношении своих, избранных, в то время как в отношении других — эксплуатация. Но тот же дуализм существует и внутри «братства» избранных — на высших ступеньках говорятся истины, которые противоречат тому, о чём говорится внизу, так же, как и в отношении морали аскезы — для низших, а для высших — вседозволенность.

Из всех синкретических учений гностицизм представляет наибольшую опасность, так как, выдавая себя за эзотерическую форму христианства, в корне искажает его. В этом

его главная опасность: гностическая антицерковь строилась на подмене основных христианских идей и понятий, разрушая веру изнутри. Бог-Отец, Творец неба и земли подменяется ограниченным, завистливым несведущим существом-демиургом, вредящим человеку, в то время как «высшим» Богом объявляется тот, кто разрешает нравственную свободу и распущенность. Действительное значение Христа здесь уничтожается. Имена Иисус, Христос, Спаситель сохранены, но получают иной смысл и присвоены различным личностям: Христос является эманацией пантеистического Божества, одним из эонов, Спаситель — созданием Плеромы, а Иисус — простым человеком, в которого вселяется Христос. У гностических сект — каинитов и офитов (от греч. *ophis* — змея) мы видим поклонение змею, проникшему в райский сад для передачи людям скрытого от них высшего знания и проклятого демиургом. То есть сатана воплощает добрую силу, верховную Премудрость, борющуюся против злого бога и выступает в более поздних учениях как «носитель света», Люцифер, «учитель» людей, обещающий: «Будете как боги и знающие хорошее и злое» (Быт. 3:5).

Наконец, происходит извращение человеческой природы, что приводит к коренной подмене смысла и цели человеческой жизни. Православие учит, что человек создан совершенным в единстве души и тела, и хотя участь людей будет различна, воскреснут все во плоти. Гностик же пытается добиться «божественного состояния», избавившись от данной Богом человеческой природы, отрекшись от образа Божия. Обожение здесь подменяется человекобожием.

Эта коренная подмена выражена в гностико-каббалистическом символе, значение которого раскрыл Сергей Нилус в своей книге «Близ есть при дверех» и который он называет «антихристовой печатью». Он представляет собой два взаимно пересекающихся треугольника, один из которых (тёмный) обращён вершиной вверх, а другой (светлый) — вершиной вниз. Как известно, равносторонний треугольник изображает христианского Триипостасного Бога. Его треугольник изображён тёмным с вершиной вверх как знак Его временного преобладания. Первый есть Альфа, то есть Тот, Кто прежде, а второй — Омега, то есть тот, кто после. Это и есть разгадка талмудического положения: «Что ниже и что выше. Что прежде и что после». Взаимопересечение треугольников изображает борьбу двух равных, по учению каббалы, сил — Бога и дьявола. Последний должен заменить имя Божье.

В другом изображении гексаграммы, воспроизводимом в книге оккультиста Элифаса Леви «Догма и ритуал Высокой

Магии», изображены те же «единство и борьба противоположностей», но треугольники имеют уже обратное расположение: светлый треугольник сверху, чёрный внизу. Рисунок показывает борьбу двух старцев: у того, чей лик увенчан короной с крестом, чёрные руки, от которых отбиваются белые руки другого. Старец со светлым ликом и чёрными руками изображает христианство — «добро по виду и зло по делу», а другой старец — сатану — «зло по виду и добро по делу». Светлые руки сатанизма держат светлую ленту, охватывающую шею светлого старца, на которой написано: «епитрахиль Бога». Надпись на латинском языке означает: что выше — то ниже, Макропрософус (большой мир) и микропрософус (малый мир). Она воспроизводит древнюю формулу Гермеса : «Как наверху, так и внизу, как внизу, так и наверху, и нет малого и великого, а всё едино». Это пантеистическое понимание видимого материального мира как отражение мира невидимого. Чёрный треугольник символизирует погружение «духа» в воды поднебесной материи, а белый — духовный подъём.

Окружает гексаграмму «Символический Змей», гностицический Уроборос, голова которого сомкнута с хвостом, что означает, что путь его пройден и то, что было ниже, стало выше, а то, что было прежде, стало после. Змей символизирует у гностиков высшую степень посвящения в оккультные знания («науки») и могущество магов, а в христианстве — «сборище сатанинское», предтечей антихриста, работающих над подчинением всего мира сатане. Так что это символ завершения цикла — земля становится, по мнению оккультистов, достоянием и царством сатаны или дьявола.

Люциферрианство созвучно греческому мифу о полубоге Прометее, так же похищающего у богов (элохимов) их тайну Творящего Огня, огня Разума, для передачи его человечеству, которое Зевс не хотел видеть богоподобным.

Учёные-маги в поисках «высшего знания»

Хотя гностицизм и был побеждён, его идеи и образы не исчезли из западного мышления, сохранившись в ересь манихейского дуализма, у богомилов, катаров и тамплиеров, уйдя в итоге в эзотерическое и алхимическое «подполье», стремившееся к достижению человеком «божественного сознания» путём духовного перерождения — алхимической трансмутации. Оно исходило из веры в то, что посредством правильного использования «полезных искусств» или технологичных человеческие существа и общество могут быть возвра-

шены к райскому совершенству. Основой для этого стали эзотерические трактаты, составившие так называемый «Герметический корпус», представлявший собой мистическую смесь между гностической психологией и оккультной механикой и служивший своеобразной «духовной инструкцией» по эксплуатации миров.

Новая вспышка интереса к Гермесу Трисмегисту оказалась связана с деятельностью гуманистов итальянского Возрождения, рассматривавших человека как «меру всех вещей» и исходивших из того, что человек может достичь богоподобия своими собственными силами.

Гуманизм основывался на этике Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы. Первый воплотил в христианстве неоплатонические и герметические идеи и создал «естественную магию», а второй соединил герметику с каббалой и открыто сформулировал новый для Европы статус учёного-мага, пытавшегося раскрыть тайны человека и космоса с помощью магических инструментов. Как утверждал Фичино, «человек не желает ни высшего, ни равного себе, и не допускает, чтобы существовало над ним что-нибудь, не зависящее от его власти... Он всюду стремится властвовать, повсюду желает быть восхваляем и быть старается как Бог повсюду...» Ему вторил делла Мирандола, цитировавший Верховного Деятеля: «Мы создали тебя существом ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, так, чтобы ты мог как свободный и гордый ваятель себя самого отлить себя в той форме, которую ты предпочтёшь».

Герметизм предвосхитил современную науку и её страсть к материальным преобразованиям. Как подметила исследовательница Фрэнсис Йейтс, показавшая в своих работах оккультные корни науки нового времени, «ренессансная концепция» анимистической вселенной, управляемой магией, подготовила приход концепции механистической вселенной, управляемой математикой. В наибольшей степени это касается алхимии, представлявшей собой гибрид материальных экспериментов (внешней алхимии) и психотехник (внутренней алхимии), направленных на овладение ключом («философским камнем»), который позволил бы управлять духами, то есть манипулировать энергиями космических сил для достижения человеком божественного состояния и бессмертия. Этим, в частности, занимался придворный астролог английской королевы Елизаветы, известный герметист и алхимик Джон Ди, пытавшийся с помощью нумерологии вызывать и общаться с «ангелами».

В результате произошедшей в постреформационную эпоху

научной революции алхимия разделилась на экзотерическую (химия) и эзотерическую (окультизм) ветви. Магия не исчезла, просто известная её часть была подменена «количественными науками», которые расширили её цели средствами технологии. Как выразился исследователь Э.Дэвис, автор книги «Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху», «магия — это подсознательное технологии, её иррациональное заклинание. Наш современный технологический мир — это не природа, а вторичная природа, сверхприрода, и чем интенсивнее мы исследуем границы сознания и материи, тем больше плоды нашего разочарованного производства сталкиваются с риторикой сверхъестественного».

Главным хранителем эзотерических традиций становится теперь орден розенкрейцеров, известный своим кредо: «Человек — это Бог, сын Божий, и нет другого Бога кроме человека». И не случайно именно Френсис Бэкон, сыгравший важную роль в становлении розенкрейцерского «братства просвещённых», стал основоположником эмпирического метода — главного признака «новой науки». Бэкон закрепил статус «научного мага», приписав науке явно религиозные измерения. Он рассматривал прикладную науку как преемницу древней магии (алхимию и астрологию он называл «царственными науками») и ратовал за «научно-техническую магию», представлявшую собой фактически магический материализм. Познание тайных законов природы должно было обеспечить человеку поистине божественное могущество и возможность творить новые законы, которые коренным образом изменили бы среду его обитания. Речь шла о духовно-научном прогрессе, опорой которого должно было стать сообщество «научных магов». Это сообщество он описал в своей книге «Новая Атлантида», повествующей о государстве, находящемся под управлением «Соломонова дома» — священников-учёных, осуществивших «великое восстановление наук», конечной целью которого было возвращение человека к состоянию Адама до грехопадения и достижение богоподобия.

Гносис мог теперь действовать под видом науки. Понимание его как «Великого Делания» учёных-магов было отобразено и в символах розенкрейцеров, значение которых было понятно только посвящённым, поскольку действовали они под прикрытием христианской культуры. Так, в алхимическом символе Ребисе Гносис изображался в виде двуглавого андрогинна — «хорошего принципа». Одна сторона его, мужская, означала «бога цивилизатора», то есть Люцифера (са-

тану), а другая — женская — Знание. В руках андрогинна циркуль и угольник, символизирующие науку, — инструменты, с помощью которых Гносис должен был избавить мир от тирании «злого бога» Демиурга, который изображён в виде дракона.

После смерти Бэкона главным «рупором» розенкрейцераства стал его почитатель, гуманист Ян Амос Коменский (1592—1670), член общины Чешских братьев, утверждавший в своих работах, что человек должен спастись своими силами. «Нет нужды приносить человеку что-то извне, — писал он, — достаточно раскрыть то, что есть в нём самом, раскрыть это и показать всю его значимость». «В чём нуждается человек? В нём самом. Он должен учиться изучать и ценить себя... Он не должен больше искать поддержки у других, но только в себе самом. Мир пребывает в тебе самом, не ищи его вне себя». Стремясь к созданию системы Всеобщего Знания, основанного на связи макрокосм-микрокосм, он собирался положить её в основу образования.

Коменский заложил основы для глобализации знания в современном смысле этого слова, составив план универсальной реформы человеческого общества. Программа его ставила следующие цели: 1) унификацию знаний и их распространение через усовершенствованную школьную систему под началом международной академии; 2) политическую координацию через управление международными учреждениями ради сохранения мира между народами; 3) примирение церковью под знаком толерантного христианства. Именно этот план и реализуется в наше время, и не случайно ЮНЕСКО считает Коменского «апостолом всемирного понимания», «великим духовным предком» и «одним из первых пропагандистов идей, которыми вдохновляется ЮНЕСКО со дня своего основания».

Рациональный и прагматичный проект переустройства мира содержался в его работе «*De regum humanarum emendatione consultatio catholica Ad Genius Humanum*» (Всеобщий совет человеческому роду об улучшении человеческих дел), проект, который некоторые исследователи считают не оригинальным произведением, а изложением манифеста розенкрейцеров, авторы которого остались в тени. Фактически он воспроизводит идеи Платона, Томаса Компанеллы и Фрэнсиса Бэкона об идеальном государстве, в котором будет процветать религиозная свобода, основанная на синтезе пантеистических систем. В разделе *Parnorthossie* он предлагал создать международную академию (своего рода международное министерство образования для унификации зна-

ний), единый язык (вместо латыни), всемирную консисторию религий (в целях формирования синкретической религии), а также трибунал мира (международный суд), который бы следил за правильным функционированием двух предыдущих учреждений во избежание каких-либо отклонений.

Высший слой этого нового общества должен состоять из учёных, священников и политиков. При этом «авторитет» принадлежит учёным, которые господствуют над священниками, задача которых — следить за претворением в жизнь разработанных учёными принципов, в то время, как «власть» исполняется политиками, которые создают структуры, необходимые для деятельности священников. Таким образом, правительства могут проводить лишь ту политику, которая определяется высшими кругами. В эзотерике эта система получила название синархия, то есть соединение религиозной и политической власти. Что же касается остальных, не принадлежащих к этим высшим классам посвящённых, то их удел — подчиняться.

Коменский предлагал, чтобы все три сферы (школа-наука, религия и государство) управлялись коллегиями руководителей, главные представители которых будут объединены в три арбитражных суда: суд учёных — Совет Света, суд священников — Консистория (Мировой синедрион или Хранители Сиона) и суд политиков — Трибунал (Всемирный Сенат или Всемирный Ареопаг). При этом Совет Света должен следить, чтобы не было допущено никакого отклонения от догматики синархии. Высшим же главой Совета является Гермес Трисмегист, которого воплощает Христос (сравнение Трисмегиста с Христом является характерным для гностицизма).

Начало практическому осуществлению планов розенкрейцеров было положено в 1645 г. основанием «Незримой коллегии» лондонских и оксфордских профессоров последователем Бэкона, астрологом и масоном Элиасом Эшмоллом. В 1662 г. колледж был преобразован в первый современный научный институт — Лондонское королевское общество, объединившее учёных-натурфилософов, почти все члены которого были масонами. Именно они, в соответствии с замыслами розенкрейцеров, решали, какие открытия братьев-каменщиков должны быть внедрены в массы и какие тайны должны быть сообщены государству. Большое влияние на работу общества оказал бывший в своё время его президентом Исаак Ньютон, являвшийся не столько учёным, сколько богословом-антитринитарием, которого крупнейший знаток его рукописей Кинес называет «иудейским монотеистом»

школы Маймонида». Ньютон в частном порядке отдавался изучению герметической науки и алхимических трактатов.

Гносис — суть и сердцевина масонства

Если розенкрейцеры разработали планы установления всемирной власти «просвещённых», основанной на экуменической сверхрелигии, то претворять их в жизнь стали духовные наследники каменщиков Вавилона — иллюминаты и управляемое ими масонство, официально объявившее о своём существовании 24 июня 1717 г. В этот день произошло слияние Братства свободных каменщиков с Обществом розенкрейцеров, позволившее последнему продолжать свою оккультную деятельность за фасадом масонства, создав внутри него «мастерскую гностицизма», работавшую на подрыв христианства.

Так, в одном из итальянских масонских документов для высших «руководящих кадров» ясно говорилось: «Только Франкмасонство обладает настоящей религией — гностицизмом. И всё истинное, что есть в других религиях, особенно в католицизме, взято ими у Франкмасонства. Их же собственные теории ложны и абсурдны...» «Прямая цель Франкмасонства — привести своих членов к «Гносису», представляющему собой единственную возможность стать Божественным существом и преодолеть противоречие между верой и наукой», — пишет масонский автор Бернар Шейкельбауэр. Как преемник мастеров «самой высокой науки» — гносиса — представляет масонство и известный «посвящённый» Альберт Пайк. А один из знаменитых итальянских раввинов-каббалистов Элия Бенамозег в своей книге «Израиль и Человечество» выразился совсем просто: «Можно уверенно утверждать, что франкмасонская теология вполне соответствует каббале...»

Действительно, в основе мировоззрения масонства представляющего собой слияние древнеязыческой философии, герметизма, гностицизма и каббалы, лежит пантеизм, понимающий высшее божество, называемое им «великим архитектором Вселенной», как первопричину или простую абстракцию высших человеческих качеств. Как указывал французский исследователь масонства Н. Дешамп, «Бог масонства есть Бог-Всё, Бог-Пан, представляющий два объединённых принципа добра и зла, Бог, делающийся вселенской квинтэссенцией, два духа — высший и низший, выдыхаемые и вдыхаемые один другим и отождествляющиеся с землёй, водой, воздухом, огнём и эфиром, которые они постоян-

но геометризируют в их вечной и продолжающейся деятельности».

Содержание этого первобытного культа объясняет и масонская символика: когда при посвящении ученика в подмастерье его спрашивают: зачем он хочет получить эту степень, он объясняет: «Чтобы узнать букву Г». Эта буква означает, во-первых, геометрию, гравитацию, гений и гносис, а во-вторых, инициал одного из имён Великого архитектора и символ божественного огня. Но огонь есть принцип двойственный, и символическое изображение этого дуализма составляют у масонов две колонны Соломонова храма, о которых другой исследователь масонства Клавель пишет:

«Колонны Яхин и Боаз представляют два порождающих фаллоса: один — света, истины и добра, другой — мрака, смерти и зла; вместе они поддерживают равновесие в мире».

Отметая истинного Бога Творца, не признавая божественную природу Христа, масонство подменяло Его человекобожием, строя собственный «духовный храм» и утверждая культ человечества. Некоторые направления масонства представляли собой прямой сатанизм. Их члены исповедовали культ Люцифера, представляя его как истинного бога, от которого они вели свою родословную. По их легенде, этот «ангел света» был настоящим отцом Каина, от которого произошли Хирам, строитель Соломонова храма, и царица Савская, являющиеся, в свою очередь, предками франкмасонов.

Поставив цель упразднить и заменить собой христианство, масонство взяло на вооружение крайне гибкие методы, соответствующие известной формуле: 33 градуса шотландского обряда «порядок через хаос». Значение её выразил один из «посвящённых» Уго Порсиати: «Девиз «порядок через хаос» представляет синтез масонской доктрины и её главную тайну. Она означает, что Великое Делание может происходить через состояние разложения и растворения (диссолюции) и учит: к новому порядку можно прийти только через искусно организованный беспорядок».

Главным инструментом организации беспорядка и хаоса в мировоззрении стал принцип «терпимости», направленный на размывание, растворение христианства в других религиях, которые нужны только для подрыва веры в Бога Творца и в воплощение Бога Слова, а в дальнейшем подлежали упразднению. Как указывалось в масонской Новой книге конституций 1723 г., «в старые времена масоны поневоле держались в каждой стране её местной религии, какова бы она ни была, но в наше время человек свободно выбирает себе веру, и лишь одна религия обязательна для всех, это — та всеоб-

шая, всех людей объединяющая религия, которая состоит в обязанности каждого из нас быть добрым и верным долгу, быть человеком чести и совести, каким бы именем ни называлось наше вероисповедание и какие бы догматы ни отличали нас от других людей». В редакции конституции 1815 г. говорилось уже откровенней: «Та или иная религия и способ поклонения божеству не может быть поводом к исключению кого бы то ни было из Общества франкмасонов, лишь бы он веровал в славного Архитектора неба и земли и практиковал священные обязанности морали», а в последующем в масонских статутах утверждалась необходимость признания «абсолютной свободы совести».

Тот же метод подрыва действует в отношении христианской нравственности, которая должна быть подменена такими этическими нормами, которые соответствуют понятию «права человека», о которых так же ясно говорилось в уже цитированном нами документе итальянского масонства: «Тайное обучение высших руководителей Франкмасонства сводится к следующему: выявлять все права Человека... требовать для Человека, чтобы он обладал всеми своими правами, лишение которых представляет собой узурпацию, против которой допустимы все средства борьбы...» Содержание же понятия «права человека» расширяется по мере укрепления позиций антицерковного сообщества.

Другим инструментом борьбы становится просветительский «рационализм», позволявший противопоставить веру и знание и превративший науку в антипод религии. Между тем, «научный» покров скрывал всё тот же гностический импульс, который иллюминированные масоны превратили в социальную технологию эпохи Просвещения, считая, что наука и техника помогут им осуществить их утопии. Масоны сыграли важную роль в создании институтов образования, благодаря которым на свет появился современный инженер. Как пишет историк Д. Ноубл в своей книге «Религия технологии», «благодаря франкмасонству апостолы технологической религии смогли передать свой практический рецепт спасения инженерам, людям новой духовности, которые со временем создали свои собственные миллениаристские мифы, закрытые объединения и обряды посвящения».

Центрами этой «технологической религии» стали Англия, Франция и США, причём в Америке это перешло в настоящий культ технологического совершенства, о котором американский религиовед Кэтрин Албанез пишет следующее: «Если какая-либо совершенно новая массовая религия и возникла в Америке Нового времени, то это была естественна-

учная религия радикального эмпиризма, а целью этой религии было объединение духа и материи и — благодаря этому — превращение людей в богов». Эта американская религия самобожествления основывалась не только на масонском гносисе и эмпирическом знании, но и на том представлении о «естественной» свободе, которая отождествлялась с дикостью Нового Света, «первооткрыватели» которого руководствовались розенкрейцерскими и платоновскими идеями об идеальном государстве, «Новой Атлантиде», управляемой учёными-философами.

Теория эволюции как диверсия «просвещённых»

Дарвинизм противоречит Библии, но он представляет собой не науку, а лишь мнение учёных, противоречащее научно установленным фактам.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Крупнейшей подрывной идеологической операцией, направленной на разрушение веры в Бога Творца и Боговоплощение и проведённой под незримым контролем Лондонского королевского общества, стала теории эволюции. В целях утверждения эволюционизма была «раскручена» фигура Чарльза Дарвина, за которым стояли масонское сообщество и купленные им учёные, обеспечившие Дарвину славу первого биолога «всех времён и народов».

Действительно, знаковый труд «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» был коллективной работой, основы которой были заложены задолго до начала научной карьеры её автора. Истоки идеи эволюции находятся в учениях философов-материалистов Древней Греции: первым произведением, в котором она содержалась, была работа Анаксимандра Милетского «О природе», а мысль о «естественном отборе» впервые высказал Гераклит. В новое время заимствованные у греков идеи ограниченного эволюционизма высказывались различными учёными и философами, но автором первой целостной теории происхождения одних видов от других, при этом не отрицавшей акт творения, стал французский естествоиспытатель Ж.Б. Ламарк. Его теория была слабо обоснована и не замечена современниками, но именно она, а также работы Ж.Л. Бюффона оказали заметное влияние на Дарвина, использовавшего их материалы.

Однако первостепенное значение для него имела идея

эволюции, сформулированная его дедом Эразмом Дарвиным, известным натурфилософом, изобретателем, физиком, врачом и поэтом, мастером знаменитой шотландской ложи Кэнонгейт Килвиннинг, поддерживавшим связи с якобинцами и иллиуминатами (масоном был и его сын Роберт — отец Чарлза). Именно его опыты использования электрического тока в целях возвращения мёртвого тела обратно к жизни натолкнули Мэри Шелли на мысль о написании романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Его теория была уже откровенно антихристианской и отрицала чисто пантеистический взгляд на природу, утверждая, что всё живое зародилось стихийно и эволюционировало в результате борьбы за существование и полового отбора. Вот что пишет об этом исследователь Р.Грин: «Идею эволюции Эразм впервые предложил в порядке рабочей гипотезы в 1770 году. На его фамильном гербе было изображено три створчатых раковины и фраза на латыни: «E Conchis omnia» («всё от моллюсков»). Он приказал, чтобы этот девиз был выгравирован на его карете, чтобы «незаметно» провозглашать свою теорию... В последующие два десятилетия Эразм всё более смело провозглашал свои эволюционные идеи. В своём труде «Экономика произрастания» (1792) он заявил о том, что земля сформировалась в результате космического взрыва. В поэме «Ботанический сад» он написал, что жизнь зародилась в океане и прогрессивно развивалась далее. Его основной труд «Зоономия, или Законы органической жизни» (в двух томах, 1794 и 1796 гг.) — это огромный медицинский трактат в прозе... Её называли «первой последовательной всеобъемлющей гипотезой об эволюции», и она была опубликована примерно за 65 лет до того, как в 1859 году Чарлз Дарвин опубликовал свою версию теории эволюции...»

Эразм утверждал, что животные произошли от одного живого волокна, которое было *первым великим существом*, обладавшим способностью приобретать новые части тела, улучшать свои способности и передавать их следующим поколениям, то есть эволюционировать благодаря своим собственным внутренним возможностям без божественной помощи. В последней работе «Храм природы» он выводил всё живое из микроскопических организмов, заменяя Бога Творца *Первой Великой Первопричиной*, а суеверную надежду и боязнь ада внёс в свой каталог болезней. Для распространения своих взглядов им было создано философское *Лунное общество*, неформальное объединение, называемое «мозговым центром промышленной революции», собиравшим

видных деятелей британского Просвещения (его членом был и Бенджамин Франклин).

Хотя Чарлз родился через 7 лет после смерти деда, он впитал в себя его антихристианские идеи, проштудировав его книги, темы и примеры из которых он воспроизвёл в своей работе, выданной за научный труд. Однако о том, как сам Чарлз Дарвин оценивал «научность» своей теории, свидетельствуют его письма, в которых он откровенно признавался: «Когда я думаю о тех людях, которые в течение многих лет живут иллюзиями, меня бросает в ледяную дрожь при мысли, не посвятил ли я свою жизнь фантастической идее». «Вы спрашиваете меня по поводу моей книги, но всё, что я могу сказать, это что я готов покончить с собой; я думал, что это написано правильно, но я нашёл необходимым столько переписать...». «Будущая книга разочарует вас, уж очень она гипотетична». В самом предисловии к первому изданию своего труда он указывал: «Я уверен, что в этой книге вряд ли найдётся хоть один пункт, к которому нельзя подобрать факты, которые приводили бы к прямо противоположным выводам, чем те, к которым пришёл я». О том же писала и тогдашняя научная критика, подчёркивавшая полную безосновательность выводов автора.

Однако Королевское общество обеспечило дарвинизму мощную поддержку. Уже в первый же день были распроданы все 1250 экземпляров его книги, и ещё при жизни автора издание вышло на второе место после Библии по интенсивности появления его переводов на другие языки. Самым же активным популяризатором этой теории, прозванным «бульдогом Дарвина», стал биолог и масон, член Королевского общества Томас Хаксли, дед известных братьев — биолога Джулиана и писателя Олдоса Хаксли.

Утверждение дарвинизма произошло не в силу его научной ценности, а в результате применения манипулятивных технологий в идеологических целях, поскольку он нужен был для борьбы с христианством, что откровенно выразил видный биолог Джеймс Уотсон, заявив: «Теория Дарвина принимается не потому, что её можно наблюдать или доказать с помощью логически непротиворечивых данных, а потому что её единственная альтернатива является очевидно неправдоподобной». Об этом пишет и антрополог Майкл Уолкер: «Неизбежен вывод, что многие учёные и технологи поклоняются теории Дарвина лишь только потому, что она, якобы, исключает Творца из ещё одной сферы материальных явлений, а вовсе не потому, что она выстраивает стройную парадигму исследовательских канонов в науках о жизни и Земле». Так же ясно духовное содержание дарвинизма выразил Джулиан

Хаксли: «Дарвинизм, опираясь на рациональные идеи, отверг саму идею Бога как Творца всех организмов... мы можем полностью считать несостоятельной любую идею сверхъестественного управления, осуществляемого каким-то высшим разумом, ответственным за процесс эволюции».

Сам Дарвин в своей автобиографии откровенно написал: «Понемногу закрадывалось в мою душу неверие, и, в конце концов, я стал совершенно неверующим... И в самом деле, вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным... Отвратительное учение!»

Эволюционизм стал крупнейшей фальсификацией в истории науки, большой ложью, запущенной масонством для утверждения так называемого «научного мировоззрения» как системы жёстких постулатов, отвергающих идею Бога Творца и не допускавших никаких возражений («наука есть высший источник истины», «наука — сила, преобразующая мир», «что не познаётся наукой, то не существует» и пр.). Он стал главным механизмом управления «научным сообществом» со стороны «просвещённых», жёстко противопоставлявших его Церкви и определявших содержание образовательных программ.

Так, на одном из заседаний Высшего совета масонских лож устава «Мемфис-Мицраим», относящихся к «Великому Востоку» Франции в Париже, утвердившем необходимость придания теории Дарвина научного статуса, цинично говорилось: «Используя такую точку зрения, с помощью наших средств информации мы вызовем **слепое доверие** к этим теориям. Интеллектуалы... переполнятся гордостью за свои знания и **без всякой логической проверки** начнут применять все те сведения, которые они могут получить с помощью науки и которые наши специалисты предусмотрительно восстановили, чтобы иметь возможность образовывать их в нужном нам духе». Как указывалось в одной из статей масонского журнала «Mason Dergisi», «наша величайшая человеческая и масонская миссия заключается в поддержке позитивной науки, в пропаганде этого **верования** среди людей и в обучении их позитивной науке, утверждая, что это единственный и наилучший путь в эволюции».

Масонство превратило теорию эволюции в религиозную догму, не допускающую какой-либо рациональной критики и не признающую научных критериев. Эта мысль звучит в словах известного философа-эволюциониста Тейяра де Шардена: «Что есть эволюция: теория, система, гипотеза? Вовсе нет. Это нечто намного большее: это общее поведение, перед которым должны склоняться и которому должны соответствовать отныне, чтобы быть истинными, все теории, все гипотезы и все системы. Свет, освещающий все факты... — вот что такое эволюция».

Другой видный эволюционист Г. Харпер называет эту теорию «метафизической верой», а известный биолог Э. Майер — «мировоззрением современного человека». Профессор физики из Манчестерского университета Х. С. Липсон пишет: «Фактически эволюционизм превратился в своего рода *научную религию*; почти все учёные приняли её, а многие готовы «втиснуть» свои наблюдения в её рамки». Так же откровенен член Королевского физического общества Л. Харрисон Мэтьюз: «Теория эволюции — стержень биологии; таким образом, биология находится в странном положении науки, основанной на недоказанной теории. Так наука она или религия? Вера в теорию эволюции, таким образом, сродни вере в целенаправленное творение — каждая концепция считается истинной теми, кто верит в неё, однако ни та, ни другая не доказаны по нынешний день». Карл Поппер также заявил, что эволюционизм — это не доказательная научная теория, а *метафизическая программа* исследований. «Исходя из того, что они говорят, — заключает исследователь М. Грен, — складывается впечатление, что эти люди дали клятву защищать свою религию любой ценой. Им не нужно следовать научному методу или вести научные споры. Они никогда не ссылаются на какие-либо опыты или открытия, но используют только слова, несущие в себе метафизический смысл».

Растворив, как писал преп. Иустин (Попович), антропологию в зоологии, эволюционизм породил ещё одно чудовищное «научное» детище — евгенику, возникшую одновременно с социальным дарвинизмом. Основы её заложил другой внук Эразма Дарвина, кузен Чарлза, член Королевского общества, мастер Научной ложи Френсис Гальтон, одним из первых осознавший значение дарвиновской теории для человечества. Исходя из того, что человек представляет собой лишь биологический вид и что существует врождённое биологическое неравенство людей (так, бедняки находятся на более низкой ступени биологического развития), он стал ратовать за искусственный отбор наиболее способных и породистых людей, который компенсировал бы отсутствие естественного отбора, невозможного в условиях христианской культуры. Гальтон отрицал тот факт, что умственные способности дарованы человеку Богом, и рассматривал религиозные чувства лишь как «эволюционные приспособления, обеспечивающие выживание человека как биологического вида». Именно он в 1883 г. придумал для обозначения своей теории слово «евгеника» (от греческого «eu» — «хорошо» + «genes» — «рождённый»).

Гальтон создал собственную модель утопического государства, включающую евгенический контроль, который осуще-

ствлялся бы коллегией специалистов, оценивавших наследственные качества индивида и выносивших своё заключение о «пригодности» или «непригодности» к размножению. Рождение ребёнка «непригодными» родителями рассматривалось как евгеническое преступление. Эволюция, таким образом, должна была стать управляемой. Как говорил Гальтон, «то, что природа делала слепо, медленно и жёстко, следует делать прозорливо, быстро и мягко». Позже философ Дж. Б.Калликот так и определит евгенику как «социальное управление эволюцией человека».

Как видим, в лице евгеники, отрицавшей христианскую антропологию с её положением о равном достоинстве человеческой личности, гносис получил «научную» базу для обоснования своей идеи деления людей на «высших» и «низших». Закономерным следствием этого было введение «позитивной евгеники» — выведения «породистых», и «негативной евгеники» — уничтожения «наименее приспособленных».

После Первой мировой войны евгеника получила широкое распространение и утвердилась на государственном уровне как политика «для улучшения человеческих качеств» в виде кастрации вредных для общества элементов. После нацистских экспериментов она вынуждена была замаскироваться, чтобы вновь явить свою inferнальную сущность уже в наше время.

Дарвинизм совершил радикальный переворот в сознании западного человека, заставив его смотреть на мир сквозь призму эволюционизма и прогресса, что глубоко противоречит христианскому миропониманию. Как пишет священник Константин Буфеев, эволюционисты являются пятой колонной, а эволюционизм «есть ересь, и всякий, исповедующий себя эволюционистом, должен знать, что тем самым отсекает себя от единой святой соборной и апостольской Церкви, как еретик».

Эволюционизм по-теософски, или апология Люцифера

Так длинным обходным путём — через рационализм, автономизм, деизм, материализм и позитивизм — люди христианского мира, от Бога отставшие, но почувствовавшие всю тоску безбожия, были приведены вновь в древнее лоно языческой мистики.

Л.А. Тихомиров

Во второй половине XIX века гностическая болезнь поразила значительную часть верхов западного общества. К этому времени рационализм с его прославлением человеческого

разума выполнил свою задачу по подрыву религиозных представлений, а наука поставила под сомнение существование духовной сферы как таковой. В этих условиях Запад, истосковавшийся по идеальному и будучи беззащитным перед натиском неведомого, оказался готов к принятию древней языческой мистики.

Как писал Л.А.Тихомиров, «элементы языческой мистики явились не из пустого пространства. Зародыши его хранились в огромных запасах пантеистических учений, в замкнутых оккультных кругах, в высших степенях масонства и т.д. Но на большую публику мистика хлынула почти внезапно. Со всех сторон явились легионы спиритических духов, пережитки гнозиса, герметизма, новые силы оккультизма, воскрешающегося индуизма, теософии. Они предлагали алчущим и жаждущим кому что более нравилось: кому колдовство и магию, кому общение с дорогими покойниками, кому философию, кому мистическое могущество превыше всякой власти человеческой. Рационализм и материализм, так авторитетно подрывающие христианство и его духовную жизнь, стали до чрезвычайности скромны, потому что новые мистики им смело бросали в глаза обвинения в узости и тупости».

В итоге к концу века стал проявлять себя характерный парадокс, заключавшийся в том, что люди, не принимавшие христианское учение об ангелах и бесах, верили в то, что в «тонких» мирах пребывают существа, называемые «великими учителями человечества», которые готовы делиться с ними высшей мудростью и знаниями об устройстве Вселенной. Этих ложных пророков в соответствии с формулой «порядок через хаос» вновь подсовывали людям, чтобы не допустить их возвращения в лоно Церкви. Многочисленные тайные «духовные лаборатории» стали работать над различными вариантами перестройки сознания, но всё это было связано в одну общую оккультную сеть, в хитросплетениях которой разбирались только высшие круги «просвещённых», скрывавшиеся под именем «Орден».

Одним из важнейших подразделений этой сети стало Теософское общество Е.Блаватской, созданное ею в США в 1875 г. совместно полковником Г.С.Олкоттом. В уставе его указывались следующие задачи: создание «ядра Всемирного братства Человечества» без различия расы, вероисповедания, пола, касты и цвета кожи; сравнительное изучение наук, религий и философии (особенно Востока) и исследование необъяснимых законов природы и скрытых сил человека. Однако такое терпимое отношение ко всем религиям допускалось только в первой степени общества, а на второй требо-

валось окончательное принятие эзотерической философии и веры в «высших учителей» — «Махатм». Само братство «Махатм», способных входить в контакт с посвящёнными на огромном расстоянии, образовывало высшую степень. Именно эти «учителя», которых никто не знал, и наставляли Блаватскую по «мистическому телефону».

Учение Блаватской, изложенное в книге «Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии», представляло собой очередной вариант «божественной мудрости» — эклектичного соединения положительной науки с учениями каббалы, гностицизма, манихейства, герметизма, индуизма, буддизма, Гегеля и Спинозы. «Я посвятила всю жизнь мою изучению каббалы и оккультизма», — писала она. На этой основе Блаватская изобрела свои концепции космогенеза, антропогенеза с элементами антропологии, ставшие догматами современной теософии.

Э.Дэвис пишет о теософах: они *«одновременно и смешивали и противопоставляли свой мистицизм и новые эволюционные и электромагнитные научные картины мира. Будучи монистами, теософы ставили перед собой двойную задачу: вписать так называемый «грубый» мир материи в бестелесную вселенную духа и влести вышние царства в эволюционирующее по чётким законам описание космоса. Сознание и материя, таким образом, становились одной и той же космической субстанцией, находясь на разных ступенях эволюции... Отдавая дань веданте и герметическому неоплатонизму, теософы в корне отвергли материализм. Они ставили сознание выше материи и принимали ту точку зрения, согласно которой наши «мыслительные энергии» обладают достаточной силой, чтобы самостоятельно творить реальность. Но они обновили это древнее воззрение, переложив его на язык эфирных волн, вибраций, космических колебаний и силовых полей. Теософский космос был одним огромным звуком, самые низкие и грубые вибрации которого составляли материальный мир, а более «тонкие вибрации» — «высшие планы»... Попытки теософов приписать духовные качества Вселенной, колонизированной физиками, сопровождалась первым великим духовным поворотом Запада к Востоку»*. Не случайно теософию называют «эзотерическим буддизмом», настолько схожи эти учения.

Действительно, теософия рисует пантеистическую картину мира, в котором каждая частица материи духовно-материальна. Дух и материя составляют неразрывную пару: «материя есть дух на седьмом плане, дух есть материя на низшей точке своей деятельности». От минералов до человека, от сверхчеловека до Абсолюта — всё подчинено одним и тем же

законам. Блаватская повторяет известную формулу герметизма: «Вселенная вырабатывается и устремляется изнутри наружу, как вверх, так и вниз, как на небе, так и на земле, и человек, и микрокосмос и миниатюрная копия Макрокосмоса, есть живой свидетель этому Вселенскому Закону и его способу действий».

Далее, теософия исходит из эволюционной парадигмы, и Блаватская отдавала должное дарвиновской теории, но считала, что эволюцию невозможно объяснить с материалистических позиций. Космогенез, по её учению, представляет собой процесс, в котором раскрывается абсолютное непознаваемое Ничто, условно называемое Абсолютом, являющееся источником невидимых свойств видимой материи. На определённом этапе он превращается в муже-женское начало, дух и материю, Мировую Душу, которая имеет форму яйца, обвитую Божественной мыслью в виде змеи. Это и есть зародыш Вселенной, которая начинает свою эволюцию в соответствии с законом Кармы, который находится вне пределов досягаемости Абсолюта и который корректирует особые духи — Липики. Карма выступает в теософии как настоящий бог, на что указывала сама Блаватская: «Замените слово «Бог» Кармой и это сделается Восточной Аксиомой». В этом плане теософский космос можно представить в виде огромного компьютера, подчиняющегося заложенной в него программе.

С Кармой тесно связаны и циклы эволюции Космоса. Как писала Блаватская, эти «таинственные подразделения времени, называемые индусами Югами и Кальпами, постоянно возвращаются периодически и разумно в Пространстве и вечности... Существуют циклы материи и существуют Циклы духовной эволюции, а также расовые, национальные и индивидуальные циклы».

Соответственно и человек есть результат раскрытия Абсолюта. Он появляется в результате воплощения («инволюции») частицы Космоса — Монады, а затем эволюционирует обратно в Монаду, чтобы раствориться в Нирване. Человечество в целом также эволюционирует — проходит семь ступеней или семь коренных рас, каждая из которых выполняет ту или иную цивилизационную задачу, причём смысл этого процесса в том, что первоначально дух всё глубже и глубже погружается в материю, а затем освобождается от плоти, пользуясь помощью «высших разумов». Названия рас или «эпох» были взяты теософами из концепции розенкрейцеров, а подробные сведения получены в результате ясновидения.

Первая и вторая расы (адамическая и гиперборейская) были соответственно астральными и эфирными, исполнис-

кими и неопределёнными, бесполоыми, обладавшие низким сознанием. Третья раса (лемурийская) развилась до более плотного тела и зачатков разума и вначале была представлена гермафродитами, которые разделились затем на мужчин и женщин (так теософия трактует «падение в первородный грех»). Эта раса создала первую разумную цивилизацию людей в Южном полушарии, в которых вселялись «высшие духи».

Отпрыски лемурийцев образовали четвёртую расу совершенных атлантов, ставших «божественными наставниками человечества». Они не имели религии, основанной на вере, но каждый из них, как писала Блаватская, «будучи одарён божественными силами, чувствуя в себе самом своего внутреннего бога, сознавал, **что по природе он человекобог**». То есть перед нами образ типичного строителя Вавилона. Атланты построили гигантские храмы в Египте и открыли там первые школы эзотерической мудрости, которая была государственной философией и которую должны были хранить «высшие посвящённые», благодаря которым древние знания могли пережить гибель континентов. После гибели атлантов спасшиеся соединились с «Божественными воплощениями» и составили современную пятую расу арийцев.

Ход эволюции ведёт к тому, что приближается время «великой и гораздо более блестящей» шестой расы, которая уже формируется в Америке. Смена рас, как и в прошлом, будет сопровождаться социальными катастрофами и климатическими катаклизмами, которые уничтожат Европу, но которые не должны пугать избранных, так как это тот очищающий огонь, в котором погибнут недоразвитые остатки пятой расы. Люди новой расы, в свою очередь, станут семенами других человеческих существ, подготавливая ещё «более великую» седьмую расу. Её представители станут более психическими, более духовными и в итоге будут представлены уже «чистыми духами» — бесполоыми андрогинами. Блаватская указывала, что поскольку сексуальная способность есть «анормальное отклонение от курса человеческой или божественной природы, и всё стремится покончить с ней», то половой способ воспроизводства есть лишь переходная фаза и человек уже в конце шестой расы не будет иметь половых органов и будут создавать «разумом рождённых», «беспорочных сыновей». Люди седьмой расы завершат цикл своей земной эволюции и, узнав протяжённость Вселенной, переселятся на другую планету, чтобы начать новый цикл. С христианской точки зрения эти «духи» будут уже не люди, а воплощённые бесы. Как это произойдёт, Блаватская описать не могла, но с изб-

ретением новейших информационных технологий средства для достижения этого появились.

По Блаватской, в процессе эволюции человечество совершило много ошибок и, дав ответвления, породило «расы чудовищ, полуживотных и полулюдей». В современной расе сохранились остатки недоразвитой лемурийской расы (аборигены Австралии, Океании) и четвертой (краснокожие представители человечества), но все они обречены на вымирание как неполноценные. «Человечество ясно делится на Богом вдохновлённых людей и на низшие существа. Разница в умственных способностях между арийскими и другими цивилизованными народами и такими дикарями, как, например, островитяне Южного моря, необъяснима никакими другими причинами», — писала Блаватская, называя их низшими расами и указывая, что «по счастью, — благодаря мудрому равновесию Природы, которая постоянно работает в этом направлении — они быстро вымирают».

Развивается же только та часть человечества, в которую вселялись «особые духи», которые стали их божественными наставниками. При этом в каждой расе существует особо избранная группа, составляющая её остов и в которую вселяются «высшие духи», которые изображаются в религиях как «Мудрые змеи и Драконы света». Поскольку в христианстве их называют собирательным именем «сатана» или «дьявол», Блаватская откровенно разъясняет, что тот, на кого христианство «указывает как на Сатану, врага Бога, в действительности является высочайшим божественным Духом — Оккультной Мудростью на Земле», «настоящим Богом нашей планеты и единым Богом». Что же касается зла, исходящего от сатаны, то она этого не отрицает, так как «зло есть необходимость в проявленном Мироздании и одно из оснований его. Оно необходимо для прогресса и для эволюции, как ночь необходима для проявления дня, и смерть для жизни, чтобы человек мог жить вечно».

Змий-сатана является и наставником пятой расы, избранными которой являются адепты-оккультисты, которые, как указывает Блаватская, «верят в «духов», ибо они чувствуют — а некоторые видят — себя окружёнными ими со всех сторон».

Как мы видим, теософы, эти посвящённые «адепты», выдают демонов за подлинных спасителей человечества. «Люцифер» — так назвала Блаватская свой теософский журнал. Для неё восставший против Творца Люцифер — «Божество всех веков и периодов», Астральный свет, Всемирная душа, «Чёрное отражение белого лика». «*Demon est Deus inversus*», — пишет Блаватская и уже совсем откровенно де-

монизирует Христа, выдавая его за Люцифера: «Логос и Сатана едины», «Люцифер есть Логос в своём высшем аспекте. Слово — первожденный брат Сатаны».

В лучших традициях гностицизма теософы обильно применяют в своих творениях христианские понятия, наполняя их собственным содержанием. Отрицая Личного Бога и Богочеловечество Иисуса Христа, они используют Его имя для обозначения «посвящённого»: «Иисус Христос — Бодхисатва, имеющий дух Будды, и он же есть одно из перевоплощений Шакьямуни, Шри-Шанкарачария, Аполлония Тианского, Цонг-Ха-Ча — реформатора тибетского буддизма», — пишет Блаватская, поясняя: «Вы спрашиваете, верим ли мы, теософы, в Христа. В Христа безличного — да. Кришна или Будда — тот же Христос... но не в Иисуса Назаретского».

Имена тех «великих учителей», которые наставляли Блаватскую, нам не узнать, но назначение теософии очевидно — подготовить замену для упраздняемого христианства, о чём сама Блаватская выразилась с предельной открытостью: «Наша цель — не в том, чтобы восстановить индуизм, а в том, чтобы стереть христианство с лица земли».

В этой связи особенно впечатляющим выглядит тот факт, что 1991 год ЮНЕСКО объявила «годом Блаватской».

Под властью «Высших Неизвестных»: миссия разрушения

Теософское течение представляло собой только часть той оккультной сети, которая в последней трети охватила собой западные страны. Деятельность многочисленных организаций, взаимосвязанных друг с другом на неформальном уровне, позволила начать выстраивать наднациональную систему управления, уже определённо направленную на реализацию мирового синархического проекта в соответствии с двухуровневой моделью: «авторитет» и «власть».

На первом уровне, при сохранении значения высших градусов масонства, в Европе формируются новые эзотерические общества, хранители старых традиций, такие как Английское розенкрейцерское общество (S.R.I.A), Орден Золотой Зари, Орден восточных тамплиеров или Орден Храма Востока (O.T.O.), Орден мартинистов, служивший, в свою очередь, лишь внешним кругом для Каббалистического ордена Розы+Креста, и другие родственные между собой по духу и сущности организации, различающиеся только по степени проникновения в глубины оккультизма.

S.R.I.A. концентрировался на оккультно-эзотерических исследованиях и объединял влиятельных общественных де-

ятелей. Среди них — высокий посвящённый, лорд Эдвард Бульвер-Литтон, писатель, автор известного романа «Последний день Помпеи», бывший статс-секретарём по делам колоний в период Второй опиумной войны. Его перу принадлежат многочисленные романы, многие из которых можно понять только в контексте его занятий оккультизмом. Так, произведение «Врил, грядущая раса» стало одним из первых фантастических романов, рассказывающим о цивилизации сверхлюдей «Врил-Йа», живущих под землёй в недрах Тибета и обладающих магической энергией. Оставив свои подземные владения, они выходят на поверхность Земли и подчиняют себе землян, неспособных противостоять их таинственной силе.

Расистские взгляды Литтона оказали сильное влияние на писателя Джона Раскина, основавшего в 1870 г. в Оксфорде группу или течение посвящённых, распространявшее идеи англосаксонского превосходства, основанного на социалистических принципах устройства мирового сообщества. Под влиянием его идей находились Елена Блаватская и её последовательница Анни Безант, а также Сесил Родс, основатель организации, известной как «Круглый стол». А в 1920 г. уже и в Германии будет создано оккультное общество «Братьев Света» под эгидой Карла Хаусхофера, которое затем будет переименовано в «Общество Врил».

Другими заметными членами общества были известный писатель и масон Редьярд Киплинг и не менее известный в кругах посвящённых оккультист Элифас Леви Захед (псевдоним писателя А.-Л. Констана), автор трудов по истории магии и каббалы. Но наибольшее влияние на деятельность общества оказал его «великий мастер» доктор Вильям Винн Весткот, «чёрный маг» и масон, личный друг Е.П. Блаватской, автор многочисленных кабалистических и герметических произведений, переведший на английский язык тексты «Халдейских оракулов Зороастра» и «Сефирота-Зогар». Именно он вместе с двумя другими членами общества основал новую магическую «ложу», известную как Орден Золотой Зари, основавшую свой храм Исиды-Урании, культ которой основывался на описаниях Блаватской.

Орден, объединивший представителей английской аристократии, имел иерархическую структуру, включавшую в себя три уровня: «внешний орден», «внутренний орден» и, наконец, третий, куда входили те, кого в системе Блаватской называют «тайными властелинами» — «невидимые существа», «Высшие Неизвестные», управляющие эволюцией нашей планеты, те, кто, достигнув совершенства, находятся

в конечной точке эволюционного пути. Внутренний круг был основан С. МакГрегори Мазерсом, требовавшим абсолютного повиновения своей власти, обосновывая это тем, что он общается с этими «тайными владыками» на астральном уровне.

Влияние Ордена Золотой Зари на европейские дела было значительным; достаточно сказать, что ряд исследователей называют его «закваской нацизма», поскольку из него вышли многие деятели нацизма. Орден имел 5 храмов в Европе и объединял знаменитых культурных и общественных деятелей, политиков и дипломатов. Так, к «внешнему ордену» принадлежал Г. Уэллс, член Фабианского общества, внёсший особый вклад в разработку программы «нового мироустройства», изложенные им в его работах «Открытый заговор», «Порядок через хаос: либертариистское разрушение», «Новый мировой порядок» и др. Орден был тесно связан с другими оккультными организациями, в частности, с одним из самых закрытых люциферианских обществ «Stella matutina», но более всего — с Теософским обществом.

В 1902 г. была создана ещё одна розенкрейцерская лаборатория — Орден восточных тамплиеров, или Орден Храма Востока (О.Т.О.), с которым связана деятельность самой одиозной фигуры XX века, сатаниста Э.А. Кроули, принявшего первоначальное посвящение в Ордене Золотой Зари. Получив в Египте откровение от магического существа, «претергуманоидной сущности Айвасс», он осознал себя зверем Апокалипсиса и выбрал себе инициатическое имя «Великий зверь» или «Антихрист». После поездки в Тибет и общения с «Высшими Неизвестными» он становится посланником Шамбалы и пишет «Книгу закона», в которой изложил свою новую гностическую и мессианскую религию — телемизм. Она должна стать доминирующей в грядущей эре («эоне»), которая наступит в результате катастрофы и в которой будут сняты все противоположности: добро и зло, мужское и женское, запретное и разрешённое (известный каббалистический принцип).

Как и Блаватская, он стал пророком нового мировоззрения, которому было поручено реализовать разрушительную программу — моральную деградацию западной цивилизации, открывающую путь новому «зону». «Телемизм» происходит от греческого «телема», что значит «воля», а «Владыка Телемы» — это гностическое понятие, под которым тамплиеры понимали Люцифера. Кроули использовал его в качестве ключевого в своём учении.

Подрывная программа его охватывала нравственно-этическую, социальную, политическую, экономическую, куль-

турную и религиозную сферы и была зашифрована в доктрине «буря равноденствий», воплощавшей собой всё тот же принцип: «порядок через хаос». Ею обозначается переходный период жёстких социальных катаклизмов, подготовка которого связана с именем «Великого зверя», осуществляющего «магию Хаоса». «Буря равноденствий» происходит от понятия «равноденствие богов», которое было введено Кроули вместо понятия «конец света» и означающее начало «нового эона». В религиозном же смысле «буря равноденствий» тождественна новозаветной «тайне беззакония» «в действии», что означает подготовку к воцарению антихриста, поэтому Кроули, как один из главных носителей «тайны беззакония», демонстративно называл себя «Антихристом» и «Зверем 666».

Поскольку он использовал всё, что работает на разрушение, высшим законом О.Т.О. провозглашалась абсолютная свобода от Бога: «Твори свою волю, таков да будет весь закон». В итоге под видом этики вседозволенности практиковались радикальные формы нравственного нигилизма и распутства. Положив в основание своего учения сексуальную магию, Кроули устраивал чудовищные обряды служения дьяволу, превосходившие средневековые черные мессы, возродил практику использования наркотиков и секса в колдовских ритуалах.

В «Книге Закона» указывалось: «Мы не хотим основать новую религию, но мы хотим вымести руины, которые христианство собрало со старого мира, чтобы древняя религия Природы вновь обрела свои права... Мы хотим восстановить в его чистоте и примитивной морали всё то, что сегодня рассматривается как «аморальное» или «порочное», мы хотим вновь поднять его на уровень святости... Мы строим общество людей сексуально свободных. Это послание будет успешным только, когда молодым с самого нежного возраста мы будем прививать принципы новой морали. С самого рождения молодых будут учить, что сексуальные органы должны рассматриваться как сакральные и что их функции должны быть представлены юношам и девушкам как священнодействие».

Эта программа реализуется сегодня полным ходом. На неё работают телевидение, масс-культура, мировая киноиндустрия, СМИ, занимающиеся либерализацией секса, пропагандой оккультизма, порнографии, извращения и пр. и пр. — всего того, что утверждает доктрина Кроули.

К началу XX в. оккультизм охватил собой значительную часть общества. «Просвещённые» не ограничивались орденами и использовали различные формы насаждения своих

идей посредством науки, искусства, философии и религиозных сект. Но наиболее активная работа шла на уровне «власти», то есть на политическом уровне, где в этот период создаётся целая сеть организаций, работающих над мондиалистскими проектами и представлявших интересы финансовых элит. К ним относятся организации «Круглый стол», Фабианское общество, Общество паломников, «Череп и Кости». После Первой мировой войны происходит дальнейшая консолидация англосаксонских элит, сформировавших американский Совет по международным отношениям и английский Королевский институт международных отношений.

Каким духом проникнуто мировоззрение высших американских финансовых кругов, хорошо демонстрирует Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке, построенный в 30-е годы XX века, оформление которого осуществлялось по личному заказу Нельсона Рокфеллера. Он стал одним из последних строгих объектов в США, который включал программу открытого публичного искусства, и надо отметить, что каждое Рождество здесь устанавливается главная ёлка города. Скульптуры, барельефы и фрески отражают всё ту же тему люциферианства, то есть торжества человека над Богом через приобретение знаний. Греческий вариант этой истории — миф о Прометее, восставшем против Зевса и укравшем у него Огонь Знания для передачи его человечеству. Именно его статуя и является центральной фигурой, вокруг которой вращается весь художественный проект центра. На фризе в верхней части входа в здание изображён гностический бог, демиург, создатель несовершенного материального мира, в который он заточает человека. Центр полон других барельефов, фресок и скульптур, имеющих множество символических значений образов, взятых из античных и древне-восточных традиций, приветствующих освобождение от низшего бога и восхваляющих стремление человека достичь божественности. Это делает Рокфеллеровский центр, по сути, храмом поклонения учению люциферианства, которое находится в центре религии правящего класса.

Продолжение следует

«АЗБУКА СМЕРТИ» НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Насаждение извращений стало основным нервом нашей жизни. Нельзя относиться к ним только как к проблеме узкой прослойки населения — содомский грех стал уже составляющей жизни общества.

Реальность такова, что как ни относиться к извращениям — сейчас они всегда в выигрыше: не замечать их — они, как сорняки, молниеносно заполняют всё пространство, говорить о них — укоренять в нашем сознании и факт их существования, и, соответственно, право на это существование.

Уже выросло не одно поколение людей, для которых извращения — просто одно из проявлений свободы, и все попытки отстоять понятие нормы воспринимаются ими как интервенция на их территорию. Да и с понятием «территория» у них тоже проблема: есть только своя, а чужой не существует.

И поэтому все мы сейчас чрезвычайно рискуем: дети, к нашему прискорбию, раньше прочих познали те слова, от которых моментально разрушается цельность ума и души, прежде называемые целомудрием. Они с лёгкостью

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

употребляют слова «гомик» и «педик» и, увы, понимают их смысл. Причём, это касается всех детей, а не только тех, кто пишет на заборах.

Эта новая азбука, азбука новейшего времени, предлагает тем, кто ещё только входит в мир, начать его познание с мерзости. А общество, кичащееся своей просвещённостью, не ужасается, а напротив, поощряет: «Молодец, будь современным!»

И скоро наши дети выучат ещё одно новое слово — «инцест», потому что началась очередная кампания по ловле педофилов. Причём, среди нормальных людей. Совет Европы трудами мадам Мод де Бур-Букиккио презентовал в России программу «Каждый пятый», суть которой в том, что каждый пятый ребёнок у нас подвергается сексуальному насилию. И не где-нибудь, а в семье.

Деньги на программу, как сказала зам. генсека, уже выделены, и теперь нас ждут конференции и «круглые столы», приучение детей к мысли, что каждый взрослый — маньяк, и далее — показательные линчевания ни в чём не повинных отцов.

И принятый недавно в России закон о запрете пропаганды гомосексуализма несовершеннолетним никак не меняет эту ситуацию: да, этот закон принят, но он отчего-то не работает, а скорее наоборот. И как тогда объяснить ребёнку, почему полиция охраняет этих двух дядь, которые делают то, ненормальность чего ощущает даже малыш — целуются друг с другом? Что должны говорить родители своему чаду, если хотят его уберечь от порока? Чтобы объяснить запрет, нужно объяснить само явление. И разрушить целомудрие собственными руками. «Если око твоё будет чисто...»

Народ уповает на то, что «у нас такое не пройдёт». Но почему? Разве кто-нибудь закрыл созданную в Интернете организацию «Дети-404»? Ведь в социальных сетях происходит бесчеловечная работа по внушению нашим подросткам, что все они — обязательно «геи», «лесби» или «би». В переводе на язык нормы — извращенцы с предпочтением своего пола или обоих полов.

И бедных детей, всего лишь пытающихся разобраться с тем, какими им быть в жизни, учат тому, что извращения — это неизбежность, а государство — это садист, который наслаждается видом страданий подростка-гомосексуала, которого преследует общество.

А «поп-звёзды» нашей эстрады? Мужчины с макияжем, в перьях и стразах и женщины, имеющие любовниц? А бесконечные ток-шоу про женщину, бросившую мужа с пятью деть-

ми и ушедшую к извращенке, или о бывшем спортивном журналисте, ставшем «длинноногой Юлей»? А анекдоты про «слесаря-гомика» Петровича на радиостанции «Юмор-ФМ», которые можно свободно слушать в любой маршрутке? Да что там — в КВНе любого уровня? А неперенные передевания мальчиков в девочек на концертах в детских лагерях? И что, никто не видел в вагоне метро на скамейке напротив на показ целующихся девиц? И традиционные (вот ужас-то!) «голубые скамейки» у Большого театра — это что, на другой планете?

Да можно сколь угодно долго говорить о необходимости возрождения ценностей, но дети не следуют за словом, а лишь только за делом. За примером.

Сколько же можно жмуриться — всё уже пришло! И стоит у порога. И требует своих прав.

А чтобы мы не запутались со списком этих самых особых прав, о которых без усталости кричат содомиты, нам его даже составили. Вот он, закон о гендере называется: ФЗ-№ 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин)».

И в нём «чёрным по белому» — новый уклад жизни: все наши достижения станут оцениваться только по одному критерию — какое из извращений ты выберешь. И если ты выбрал один из гендеров, то всё тебе отныне — в самую первую очередь: работа, карьера, социальное и медицинское обслуживание, назначение в правительство, выборы в Думу и на должность президента. А всем прочим — «позитивная дискриминация», миллионные штрафы за обиды содомитов и уголовная ответственность.

Вот так, за пропаганду гомосексуализма детям, то есть за совращение юных душ — до 4 000 рублей штрафа, а за то, что назвал извращенца извращенцем — 500 000—1 000 000 рублей в пользу обиженного (не в бюджет!) и тюрьма.

Не верится? Так этот закон и самим прочесть можно — он на сайте Госдумы размещён, в первом чтении в 2003 г. уже принят, ожидает второго чтения. И все процедуры, необходимые для принятия в основном чтении, уже прошёл. Председатель думского Комитета по семье Е. Мизулина заботливо насытила его этими самыми дополнениями, выделенными в тексте чёрным цветом, про «гендер», его особые права и про «лиц с семейными обязанностями». Вот она, «азбука смерти», которая введёт в нашу жизнь новые понятия, выстроит наши новые смыслы.

Так где же наши стотысячные митинги за право сохранить свои ценности? Мы не верим в опасность? Нам безразлично? Мы не хотим ничего сделать, чтобы всё это не выжгло нашу жизнь дотла? Нам лень организовать свой пикет с требованием отменить закон или выйти на организованный кем-то?

Тогда не будем удивляться всё ускоряющемуся движению вниз, которое скоро станет столь явственным, что мы уже не спрячемся за муляжи выхолощенных псевдозащитных законов. Если мы сегодня не в состоянии все вместе сказать «Нет!», то завтра придут те, кто за хорошие деньги громко скажет «Да!», как это происходило на «майдане независимости» в центре Киева.

А мы снова будем сидеть по кухням и хныкать, что мир так ужасно изменился, и что теперь делать, и разве от нас что-то зависит. Получим то, что заслужили, и это уже нельзя будет повернуть вспять, потому что будет поздно.

Но сейчас-то — ещё нет.

Валентин КАТАСОНОВ,
доктор экономических наук

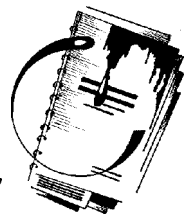
АФЕРА ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Ни одно российское СМИ не обратило внимания на событие, которое произошло в середине ноября 2013 года. Из порта Санкт-Петербурга в путешествие через Атлантику отправилось торговое судно Atlantic Navigator. На борту судна были контейнеры с российским ураном.

Сделка Гора—Черномырдина: истинные цели американских «партнеров»

Эта была последняя партия урана, которая направлялась в США на основании заключенного двадцать лет назад российско-американского соглашения. Соглашение предусматривало поставку в Америку 500 метрических тонн урана, который Россия обязалась извлекать из своего ядерного оружия и который Америка намеревалась использовать в качестве топлива для работы атомных электростанций.

Об этой урановой сделке достаточно активно говорили в 1990-е годы, но сегодня эта тема оказалась «за кадром» обсуждений ключевых проблем нашей жизни. А молодое по-

ДОСЬЕ "МГ"

коление просто ничего не слышало о сделке. Поэтому нам необходимо напомнить ее историю. Сразу отмечу, что это не обычная торгово-экономическая сделка, выгодная для обеих сторон. Это акт крупнейшего ограбления России не только в новейшей ее истории, но также всей истории страны. Россия проиграла «холодную войну» Западу, прежде всего Соединенным Штатам. Проиграла в немалой степени из-за предательской политики наших верхов. Эти же верхи продолжали «сдавать» страну и в 1990-е годы. «Урановая сделка» — согласие нашей предательской верхушки заплатить дань победителю в виде оружейного урана. Принципиальное согласие об этом было достигнуто между тогдашним премьер-министром РФ В.С.Черномырдиным и вице-президентом США А.Гором, поэтому сделку часто называют «сделкой Гора—Черномырдина». Ее также называют «аферой тысячелетия» в силу беспрецедентной масштабности. Фактически это была операция Запада, которая решала сразу несколько стратегических целей:

а) одностороннее ядерное разоружение России путем лишения ее запасов оружейного урана, а также подготовка условий для выхода США из договора по ПРО;

б) нанесение огромного экономического ущерба России (накопленный запас оружейного плутония составлял существенную часть национального богатства России на тот момент);

в) лишение России колоссальных источников энергии в будущем, после намечаемого внедрения новой технологии ториевой ядерной энергетики.

Масштабы ограбления России

«Аферой тысячелетия» сделку окрестили потому, что, во-первых, она имела громадные масштабы; во-вторых, была заключена обманным путем. Многие российские и американские СМИ стремились представить ее как заурядное коммерческое соглашение. Общая сумма сделки за поставку 500 т урана была определена в 11,9 млрд. долл. Между тем, стоимость указанного объема высокообогащенного урана несопоставимо выше. Чтобы произвести такой объем оружейного урана, в горнодобывающей и оборонной промышленности страны трудилось в течение примерно сорока лет несколько сот тысяч человек. Производство опасное, десятки тысяч людей потеряли здоровье и трудоспособность, укоротили свои жизни. Это были громадные жертвы ради того, чтобы ковать «ядерный щит» страны и обеспечить спокойную, мирную жизнь СССР и его союзников — стран социалисти-

ческого лагеря. Этим ураном обеспечивался военно-стратегический паритет в мире, что резко снижало риск возникновения мировой войны.

С другой стороны, в американских СМИ имеются такие оценки: за счет российского урана уже в начале нынешнего века на АЭС США производилось 50% электроэнергии. Каждый десятый киловатт-час электроэнергии во всей американской экономике обеспечивался за счет урана из России. Согласно оценкам, которые были сделаны специалистами еще в конце прошлого века, реальная стоимость 500 тонн оружейного плутония составляла в то время не менее 8 триллионов долларов. Для сравнения отметим, что среднегодовое значение годового ВВП России, по данным Росстата, в последнее десятилетие прошлого века находилось в районе 400 млрд. долл. Получается, что фактическая цена урановой сделки составила лишь 0,15% по отношению к минимальной реальной стоимости товара. Реальная стоимость урана оказалась эквивалентной 20 (двадцати) годовым ВВП страны!

Было много войн в истории человечества. После них побежденные нередко платили репарации и контрибуции победителям. Вспомним, например, Франко-прусскую войну 1871 года. «Железный канцлер» Бисмарк назначил побежденной Франции контрибуцию примерно в 13% ВВП (5 млрд. франков). Наверное, самую большую контрибуцию в новейшей истории заплатила побежденная в Первой мировой войне Германия. СМИ сообщают, что Германия лишь три года назад закончила выплачивать репарации по условиям Парижского мирного договора 1919 года. На Германию были наложены репарации в размере 269 млрд. золотых марок. Сумма, конечно, громадная, она эквивалентна примерно 100 000 т золота. По нынешней цене «желтого металла» получается около 4 трлн. долл. Специалисты в области экономической истории утверждают, что назначенные Германии в Париже репарации примерно вдвое превышали ВВП тогдашней Германии. Между прочим, выплаты репараций Германией растянулись на девять десятков лет (с перерывами; в чистом виде выплаты осуществлялись на протяжении примерно семи десятков лет); выплата же «урановых репараций» Россией уложилось в 20 лет (причем большая часть урана была поставлена в США еще в 1990-е годы).

На этой истории рано ставить точку

«Урановая сделка» совершалась в полной тайне от народа. Не были в курсе даже многие «народные избранники». По

той причине, что она в нарушение российского законодательства не проходила процедуру ратификации в нашем парламенте. Во второй половине 1990-х гг. ряд депутатов начали расследование по выяснению условий сделки, обстоятельств ее заключения, оценке соответствия Конституции Российской Федерации и другим нормативным актам России. В результате сильного давления определенных влиятельных сил из окружения тогдашнего президента страны Б.Н.Ельцина расследование удалось остановить. Пытались разобраться в сделке и многие другие наши политики. И даже добивались денонсации соглашения о поставках урана в США. Среди них, например, легендарный генерал Л.Рохлин, Генеральный прокурор Ю.Скуратов, депутат Государственной думы В.Илюхин. Гибель Рохлина и отставку Скуратова многие связывают именно с тем, что они проявили чрезмерную активность в расследовании «урановой сделки».

Даже если поставки урана в рамках сделки Гор—Черномырдин завершились, это не значит, что в этой истории следует поставить точку. Необходимо вернуться к серьезнейшему анализу и расследованию сделки в рамках специальной межведомственной комиссии с участием специалистов атомной промышленности, народных избранников (депутатов Государственной Думы), сотрудников правоохранительных органов, МИДа, Министерства обороны, других ведомств и организаций, независимых экспертов по техническим, военным, правовым и экономическим вопросам. Я реалист, понимаю, что сегодня такая комиссия вряд ли будет создана. Но события в России развиваются стремительно. Если завтра вектор нашего движения изменится, раскладка сил в высших эшелонах власти изменится в пользу патриотов, то вопрос о расследовании урановой сделки может оказаться в «коротком списке» неотложных дел власти.

Во-первых, есть подозрения, что целый ряд лиц, причастных к той сделке, до сих пор остаются в «обойме» действующих политиков и государственных чиновников. Нет гарантии, что они не продолжают вести работу в интересах США и Запада.

Во-вторых, нам нужно правильное и честное понимание нашей новейшей истории. Без правдивого раскрытия деталей «урановой сделки» и ее политической, военной, нравственной оценки нет гарантии, что мы опять не наступим на подобные «грабли». Анализ истинных целей американской стороны сделки ярко высвечивает истинные цели и интересы тех, кого мы, к сожалению, по инерции продолжаем называть «партнерами».

В-третьих, нам нужны обоснованные и детальные оценки того экономического ущерба, который был нанесен сделкой России и ее народу. При любой попытке России встать на путь экономического возрождения Запад будет вставлять палки в колеса наших настоящих реформ, социально-экономических преобразований. Надо быть готовым к тому, что Запад все чаще будет выставлять нам разного рода «счета». Например, если мы попытаемся проводить деофшоризацию нашей экономики. В том числе проводя национализацию находящихся в России активов офшорных компаний. Через суды США, Великобритании, других европейских стран неизбежно начнутся «разборки» со стороны владельцев офшорных компаний и/или их представителей с надуманными требованиями возмещения «ущербов». Примерно такую же реакцию можно ожидать в том случае, если Россия примет решение о выходе из ВТО, ограничении иностранных инвестиций или даже ограничении репатриации прибылей иностранных инвесторов из России.

Мы должны быть готовы к тому, что может возникнуть необходимость выставления встречных «счетов» нашим западным «партнерам». Самый крупный из всех возможных встречных «счетов» — наши требования к США по возмещению гигантского ущерба, нанесенного России «урановой сделкой».

Михаил ФРОЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН

«СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ»

Хорошо известно, что германским войскам не удалось взять Ленинград, но 8 сентября 1941 г., на 79-й день войны, они овладели Шлиссельбургом (Петрокрепостью) на Ладожском озере и блокировали город. Началась почти 900-дневная блокада. Ленинграду и его жителям была уготована страшная судьба.

8 июля 1941 г. состоялось совещание верховного главнокомандования вооружённых сил Германии (ОКВ). Генерал-полковник Ф. Гальдер отметил в своём дневнике после совещания: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы будем кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки». В этот же день аналогичная запись появилась в военном дневнике генерального штаба ОКВ. Как отмечает Х. Польшман, согласно воле Гитлера, «основанный Петром Великим город должен был исчезнуть с лица земли»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

16 июля М. Борман записывает подобные же указания Гитлера, сделанные во время «совещания у фюрера», на котором присутствовал А. Розенберг, Х. Ламмерс, фельдмаршал В. Кейтель и другие высшие чины рейха: «На область вокруг Ленинграда претендуют финны, фюрер хотел бы Ленинград сравнить с землёй, а затем передать финнам». Немецкий историк П. Ян подчёркивает, что цель — уничтожить Ленинград основана, во всяком случае, не на одной экономической стратегии — овладеть советским зерном для снабжения Германии. И не только в военных целях, отметим мы. В решении Гитлера, высказанном 8 июля, далее говорилось, что уничтожение Москвы и Ленинграда будет означать «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и всю Московию». Центром «большевизма», отмечает П. Ян, был назван город революции. «Уничтожение города, — пишет историк, — должно было символизировать уничтожение большевизма. Это указывает на господствующее в Германии представление о том, что разрушение идеологии возможно только путём физического уничтожения её действительных или предполагаемых носителей». Уничтожение Ленинграда преследовало нанесение политического и морально-психологического урона советскому народу.

Всё совершенно ясно. Однако как на Западе, так и в России есть авторы, отвергающие столь очевидное намерение военно-политических властей Германии в отношении Ленинграда.

Немецкий историк Хассо Г. Стахов вроде бы признаёт желание Гитлера стереть Ленинград с земли. «В 1941 г. Гитлер был намерен поставить здесь себе памятник особого рода, — пишет он, — уничтожив дворцы, соборы и музеи... Он действительно хотел сравнить с землёй «колыбель большевизма»... В тот момент это звучало равнозначно как безумная, но вместе с тем и правдоподобная идея». Но оказывается, что это лишь идея. Ибо он рассуждает далее, что «для тех, кто клеймит «типичный фашистский метод» притеснения целых народов... очевидным является то, что немцы атаковали и окружили Ленинград лишь для того, чтобы по воле Гитлера сравнить его с землёй, а население истребить». Однако, по его мнению, более закономерными были бы логические рассуждения о необходимости захвата города и порта.

26 декабря 2008 г. на сайте Музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда» была помещена статья одного из ис-

ториков «Блокада Ленинграда в документах Фрайбургского архива вермахта», в которой он пытается также доказать, что немцы не собирались уничтожить Ленинград. Он подтверждает своё утверждение, по существу, теми же аргументами, что и Хассо Г. Стахов, книгу которого он хорошо знал. Это планы, разработанные офицерами генерального штаба вермахта, в которых с немецкой пунктуальностью предусмотрены мероприятия по овладению колоссальными материальными ценностями города. Во-вторых, «Инструкция по обращению с населением города», подготовленная командованием 18-й армии. И, в-третьих, образец пропуска, датированный 1941 г., которым разрешалось передвижение по Ленинграду в оккупированном городе его жителям.

На основе этих документов он делает вывод: «Командование группы армий «Север» имело целью осенью 1941 г. взятие Ленинграда, но никак не разрушение». Позволительно спросить этого «открывателя» истины, какой же оккупант, захватив такой город, как Ленинград, не овладев его огромными ценностями, начал бы, сломя голову, крушить его? Для разграбления Ленинграда необходимо было немалое время, в течение которого нужно было поддерживать в нём жёсткий порядок. Но бесспорно, нацисты решили уничтожить Ленинград, его жителей самыми варварскими и бесчеловечными средствами: голодом, холодом, артиллерийскими обстрелами и бомбёжками.

Приведём ещё объективные доказательства, которые обходят, умалчивают защитники фашистов. 16 сентября 1941 г. Гитлер в беседе в рейхсканцелярии с немецким послом в занятом фашистами Париже Отто Аветцем изложил свои взгляды на судьбу Ленинграда: «Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго «бьёт ключом» яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли. Город уже блокирован; теперь остаётся только обстреливать его артиллерией и бомбить, пока водопровод, центры энергии и всё, что необходимо для жизнедеятельности населения, не будет уничтожено. Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен».

В застольных беседах, в неформальной обстановке Гитлер делился своими откровениями. Обратим внимание читателей на некоторые из них. Для господства над другими народами Германия должна «упразднить границы Европы, достичь Урала, установить там границу». При этом «Россию сле-

дует полностью уничтожить, **Москву, Ленинград стереть с лица земли** (выделено мной. — Авт.), а их названия и упоминания вычеркнуть из географии и истории». Блокада давала Гитлеру желанную возможность осуществить долговременную варварскую цель: уничтожить Ленинград и его жителей. Геббельс, пишет немецкий историк И. Ганценмиюлер, озвучил эту стратегию Гитлера следующим образом: «Раз Петербург окружён, то его план состоит в том, чтобы разрушить снабжение этого города авиацией и артиллерией. От этого города вероятно не много останется».

Чтобы завершить доказательство совершенно очевидной истины о намерении Гитлера сровнять Ленинград с землёй, приведём его приказы и высказывания летом 1942 г., когда нацисты готовились вновь овладеть Ленинградом. В директиве №45 от 23 июля 1942 г. группа армий «Север» получила конкретные указания о подготовке новой операции по захвату Ленинграда, получившей наименование «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»), а позднее — «Нордлихт» («Северное сияние»).

23 августа 1942 г., выступая на совещании в ставке, где присутствовал командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Г.Кюхлер, Гитлер говорил о необходимости полного уничтожения города и крепости на Неве. Фюрер указывал о необходимости избежать уличных боёв. Упор делался на удары с воздуха и жёсткие артиллерийские обстрелы жилых кварталов. «Я считаю, — говорил фюрер, — что положение под Севастополем было иным и что будет совершенно правильно принять обратный способ действий: сначала уничтожение города, а потом укреплений». В указаниях Гитлера говорилось, что задачей операции «Нордлихт» на втором этапе является овладение Ленинградом с тем, чтобы «сровнять его с землёй».

Гитлер приказал устроить в Ленинграде «величайший в мире фейерверк». На Ленинград нацисты планировали наносить удары в течение пяти дней, считая, что этого времени будет достаточно, чтобы превратить город в руины.

Возникает вопрос: как можно было решиться на уничтожение города, являющегося достоянием культуры всего человечества, пойти на истребление сотен тысяч людей только за то, что они живут в нём? Ответ на него дал сам фюрер. В ночь на 26 сентября 1941 г. он откровенничал со своими ближайшими соратниками: «Я могу представить себе, — говорил Гитлер, — что иные хватаются за голову: как только фю-

пер может уничтожить такой город, как Петербург! Конечно, дома я совсем другой. Я не мог бы никогда видеть страдания и переносить боль. Но если я знаю, что раса в опасности, тогда чувство уступает место холодному рассудку. Я вижу только жертвы, которые потребует будущее, если сегодня жертвы не принести». О мучениях и страданиях людей в Ленинграде, о сотнях тысяч наших жертв он не думал. С точки зрения расистского национал-социализма, это представители неполноценной расы. Их гибель — во имя господства арийской расы.

Конечно, эта политика массового террора и разрушения не была детищем одного Гитлера, как пытаются представить некоторые немецкие историки. Она являлась органической частью немецкой стратегической концепции ведения войны, которую можно свести к простой формуле: «завоевать и уничтожить». Так, командующий 4-й танковой группы генерал-полковник Э. Гёпнер ещё в мае 1941 г. заявил, что война должна вестись как «...древняя борьба германцев против славянства, защита европейской культуры от московско-азиатского наводнения, оборона от еврейского большевизма». Защита европейской культуры должна «...иметь своей целью разрушение нынешней России и вестись поэтому с неслыханной жестокостью».

Нацисты, по мнению многих историков из ФРГ, «ставили себе цель уничтожить вообще какое-либо государственное образование в Восточной Европе», в чём они видели «указующий перст судьбы». М. Барч подчёркивает, что «они не ограничивались требованием безоговорочного истребления всех коммунистов как условия будущего германо-фашистского господства на Востоке». Они стремились также «уничтожить биологическую основу государства». В. Клязе пишет, что уничтожению подлежали не только большевизм, но и русская нация». В случае со славянами «Гитлер выступал за уничтожение не только другого мировоззрения, но и чужого народа». Особенно радикальный план уничтожения города и его населения проводился в отношении Ленинграда. И вполне закономерно, что заявление фюрера 8 ноября 1941 г. перед собравшимися по поводу годовщины мюнхенского путча об уничтожении голодом населения огромного города было встречено, как сообщила национал-социалистическая пресса, бурными аплодисментами.

В ФРГ есть историки, которые оправдывают планы и цели вермахта, пытаются обелить намерения нацистов стереть

Ленинград с лица земли. И. Хоффман, например, утверждает, что «как бы трагично это событие ни было, моральный упрёк против немецких войск лишён какой-либо основы, ибо блокада и обстрелы обороняющегося города и крепости всё ещё принадлежали к употребляемым и неоспоримым методам ведения войны». При этом Хоффман обходит преступные намерения, которые осуществляли гитлеровцы, блокировавшие Ленинград. Естественно, далеко не все, в том числе и немецкие, авторы придерживаются этой точки зрения. Многие справедливо признают всю ответственность руководства вермахта за претворение в жизнь расистской политики нацистов. Совсем непророссийски настроенный автор — А. Даллин — пишет: «Ленинград является примером крайности, до которой доходило планирование нацистов. Он также иллюстрирует готовность, с которой руководство верховного командования вермахта исполняло гитлеровские приказания. Ни по одному пункту не подвергало оно сомнению директивы фюрера, исходя из моральных соображений».

Эта констатация подтверждается многочисленными директивами и указаниями ОКВ, сухопутных войск и группы армий «Север», исходившими из требований: капитуляцию не принимать, город и население уничтожить.

21 сентября 1941 г. отдел обороны ОКВ представил записку, в которой предложил вермахту решения этой «проблемы» (судьбы Ленинграда. — Авт.). Документ очень характерный и весьма красноречивый. Он оказал большое влияние на дальнейший ход мыслей политического и военного руководства Германии относительно «будущего» Ленинграда, поэтому его рассмотрим подробно. Какие же варианты действий анализируют авторы записки?

Первый. Немцы занимают город и поступают с ним точно так же, как с другими русскими большими городами. Авторы отклоняют этот вариант, ибо «тогда надо брать на себя ответственность за снабжение населения». Проще говоря, надо кормить ленинградцев, чего нацисты делать не собирались.

Второй. «Город блокируем, — говорится в документе, — окружаем колючей проволокой под током, простреливаем из пулемётов». Однако, по мысли составителей, и этот вариант имеет негативные последствия. «Наиболее слабые из двух миллионов человек погибли от голода... Возникает опасность эпидемии, которая распространится на наш фронт.

Кроме того, под вопросом, будут ли наши солдаты способны стрелять в прорывающихся женщин и детей». Этот вариант тоже не подходит.

Третий. «Женщин, детей и стариков вывести за пределы кольца блокады, остальных уморить голодом». Вроде бы появился какой-то слабый всплеск сострадания к наименее защищённой части населения блокадного Ленинграда. Да нет же! По мнению разработчиков, предложенная эвакуация «практически едва ли выполнима...». Во всех случаях отрицательным, с их точки зрения, является то, что «остальное голодающее население Ленинграда опять-таки может стать очагом эпидемий».

И, наконец, четвёртый. «После продвижения вперёд танков и осуществления блокады города отойти снова за Неву и район севернее этого участка передать Финляндии». Но и этот вариант, на их взгляд, был неприемлем. Почему? «... Финляндия неофициально заявила, что она хотела бы, чтобы её граница проходила по Неве, исключая Ленинград. Как политическое решение — хорошее. Но вопрос о населении Ленинграда Финляндия не решит. Это должны делать мы».

Как видим, все варианты неприемлемы. Какой же вывод делают составители записки? «Мы заявляем перед миром, — пишут они, — что Сталин защищает Ленинград как крепость. Таким образом, мы вынуждены (вот уж действительно нет границ одновременно лицемерию и наглости. — **Авт.**) обращаться с городом, его населением как с военным объектом».

Авторы дают циничную рекомендацию, как ввести в заблуждение мировое общественное мнение. «Мы разрешаем Рузвельту, — указывают они, — после капитуляции Ленинграда обеспечить его население продовольствием, за исключением военнопленных, или перевезти его в Америку под наблюдением Красного Креста на нейтральных судах». Но далее говорится: «Разумеется, предложение не может быть принято, но его нужно использовать в целях пропаганды». Нацисты придавали важное значение пропаганде. Английский историк Алан Кларк писал, что германскому руководству приходилось считаться с международным общественным мнением. Объяснить «необходимость» уничтожения такого всемирно известного города, как Ленинград, указывает он, было невозможно «даже тем, кто видел в Гитлере избавителя от большевизма». И тогда Геббельс получил указание сфабриковать «недавно обнаруженный» «русский план», соглас-

но которому советские войска сами уничтожили Ленинград.

Немецкая общественность также готовилась к «исчезновению» Ленинграда. 16 сентября 1941 г. газета «Фолькише беобахтер» («Народное обозрение») опубликовала мнимый план советского руководства уничтожения Невской метрополии.

Однако в ФРГ и в России есть авторы, которые считают, что Сталин действительно хотел уничтожить Ленинград. 19 июня 1997 г. в газете «Известия» С. Краюхин, ссылаясь на документы, обнаруженные в архивах ФСБ В.А. Ивановым, утверждал, что руководство осаждённого Ленинграда намеревалось путём взрыва превратить город в руины. Этот план, по существу, походил на план Гитлера, намеревавшегося сровнять Ленинград с землёй. «Если всё это так, — комментировал первые публикации об операции «Д» писатель Даниил Гранин, — то становится понятным, почему городские власти не заготовили запасов продовольствия. Они были заняты минированием».

В работах А.Р. Дзенискевича и других отечественных историков достаточно подробно разработана версия о якобы желании властей взорвать, разрушить Ленинград и доказана её несостоятельность. «Мы не будем заострять внимание на том, что автор пытался сделать Гитлера и Сталина, — пишет в своей монографии А.В. Кутузов, — одинаково рассуждающими близнецами-братьями: один хотел сровнять Ленинград с землёй, другой — погрузить в пучину морскую, подобно Атлантиде». Опираясь на документы, на утверждения того же С. Краюхина, он указывает, что подлежало уничтожению 58,5 тыс. городских объектов, под которые на 15 сентября 1941 г. было заложено 325 тонн взрывчатки. И далее продолжает: «Важно подчеркнуть, что, вопреки надуманным утверждениям, взрывы предполагалось производить не одновременно, а по мере вынужденного отхода войск и продвижения немцев». Он делает вывод, что любой непредвзятый читатель может сам определить, «кто из исследователей объективен, а кто в угоду политическим соображениям называет операцию «Д» надуманным словом «дно».

Чудовищный план уничтожения Ленинграда фашисты не смогли осуществить. Не была опубликована и состряпанная ими фальшивка.

Что же предложили авторы записки? «Сначала, — говорится в ней, — герметически блокируем Ленинград и разрушаем город артиллерией и, возможно, вместе с авиацией.

Когда террор и голод сделают своё дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей. Остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникаем в город (если финны сумеют сделать это раньше, то не возражать), вывезем всё, что осталось ещё живого, в глубь России и передадим район севернее Невы Финляндии».

Выбор вариантов и колебания продолжались недолго. 29 сентября 1941 г. в недрах германского военно-морского штаба родилась уже официальная, широко теперь известная директива «О будущем города Петербурга». В ней говорилось: «...фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого населённого пункта. Финляндия также заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у её новой границы (севернее Невы. — Авт.). Прежние требования военно-морского флота о сохранении верфей, гавани и прочих важных военно-морских сооружений, известны ОКВ, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду генеральной линии поведения в отношении Петербурга. Предложено тесно блокировать город и путём обстрела артиллерией всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй, если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города».

Известно высказывание Гитлера по поводу требований, прежде всего моряков, сохранить город как гавань. В апреле 1942 г. в одной из своих ежедневных бесед он заявил, что ленинградские верфи и гавани при переходе их в руки Германии «придут в упадок... Ибо в Восточном море (Балтийском море) может быть только один господин. И поэтому раз навсегда необходимо заботиться о том, чтобы ни одной большой гавани на периферии нашего рейха не должно остаться... Мы ни в коем случае не нуждаемся в замерзающих на полгода ленинградских гаванях».

Начальник оперативного отдела ОКВ генерал А.Йодль сообщил 7 октября главнокомандующему сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу волю фюрера, который вновь решил, что «капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником...» С циничной предусмотрительностью эта директива предупреждает об

опасности эпидемий, которые могут распространяться на войска из уничтожаемого города. «Поэтому, — говорится в ней, — ни один немецкий солдат не должен вступить в город» и приказано: «Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнём... Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счёт германской родины... Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

По меньшей мере странно, что при наличии этих и других подобных директив и указаний в России находятся историки и журналисты, отрицающие варварское намерение руководства Германии уничтожить Ленинград.

ЗАРНИЦЫ

МИНИАТЮРЫ

Общение с людьми, о которых я хочу рассказать, продолжается недолго: с иными — несколько дней, с иными — даже часы. Но и в эти короткие часы или дни герои моих миниатюр, знаменитые и любимые многими, сумели проявить особенности своего характера, своей личности. И как зарницы, яркие вспышки света, надолго запечатлелись в памяти.

Глядишь на фронтовиков, и сжимается сердце. Как все же безжалостно время! В какой-то книге Михаила Алексева есть фотография: он — молодцеватый офицер, гимнастерка в ремнях, улыбка во все широкое русское лицо... А в конце жизни перед тобой был старичок, осторожный в движениях, с нетвердой походкой. И только книги «Вишневым омут», «Карюха», «Хлеб — имя существительное», «Мой Сталинград» — только книги, как дети за его спиной, отменяли людскую жалость.

Он не сдавался до конца своих дней. Я видел его на писательских съездах последних тридцати лет. Он никогда не

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

стоял в одиночестве, а только в окружении соратников и говорил только им, а не врагам и недоброжелателям, презирая словесные бои. В девяностых годах, когда на редуты писателей-фронтовиков полезли брызжущие слюной фарисеи, а молодые демагоги на съездах литераторов напористо доказывали, что «руководство творческого союза надо обновить», Алексеев, как старый саратовский крестьянин, убеждал зал: должны остаться опытные, надежные вожаки; в дни смуты новобранцы поддадутся губительным поветриям. И собратья верили ему.

Однажды у нас, в забайкальской степи, с Михаилом Николаевичем случилось чудо. Кто-то в дороге сказал ему, что тут, поблизости, живет фронтовик, потомственный чабан, который будто бы служил с Алексеевым в одной части и даже спас его в какой-то заварухе. Старый писатель насторожился:

— Не Шахаев ли это? — Сержанта, с которым Михаил Николаевич делил смертельные дни под Сталинградом и на Курской дуге, он запомнил крепко и даже вывел его под собственной фамилией в романе «Солдаты». — Где он живет? Заедем!

Дали крюк в несколько десятков километров и — такое бывает раз в жизни! — встретились два однополчанина в юрте на продутом, заснеженном луговом пятачке, под боком улеска.

Вечером в городском театре проходило торжество, ради которого, собственно, и был приглашен в Сибирь Михаил Николаевич. Из-за нежданной встречи он опоздал. Торопливо выйдя из машины, в распахнутой куртке, со сбитой набок шапкой, он оторвался от спутников, влетел в зал и мягко перебил какого-то оратора:

— Прости, браток! У меня радость. Сегодня, через тридцать с лишним лет, я нашел своего фронтового друга!

И мы, сотни человек, оказавшиеся свидетелями его счастливых минут, встали как один.

Те, кто читал роман «Солдаты», шептали не читавшим: «Он нашел Шахаева». «Сержанта Шахаева», — шелестело по всему залу.

В Иркутске, где я увидел его уже в преклонных годах, Михаила Николаевича старались поддержать под руку, усадить в лучшее кресло, не перебивать его тихой речи. Эта заботливость незнакомых людей трогала фронтовика. Я принес с собой первую книгу его трехтомника для автографа и напомнил давнюю его радость от встречи с Шахаевым. Он просиял: оказывается, есть свидетели того памятного дня! И строки, которые писатель набросал на титульном листе своей книги, сохранили частицу его тогдашнего ликования.

В молодости довелось мне быть несколько лет редактором районной газеты в Бурятии. Чуть ли не все деревни в округе населяли потомки старообрядцев, изгнанных в Сибирь еще при Екатерине Второй. В новые времена их вера пошатнулась, а быт приобрел причудливую смесь стародавних правил и привнесенных жизнью привычек. В иных кондовых домах хозяева, напоив гостя-иноверца чаем, разбивали его чашку вдребезги, в других стакан с вином, считавшимся когда-то дьявольским зельем, пускали по кругу в компании новых побратимов, не брезгуя ими и не боясь оскорбить свои уста. Мне приходилось бывать среди тех и этих, но чтобы вместе со знаменитым гостем из Москвы — впервые! Я был рад, что районные власти не нашли другого сопровождающего, кроме меня, в его недельной поездке по нашему краю.

Популярность киноактера Бориса Андреева была оглушительной. Но я не знал тогда, что любимец миллионов людей, сыгравший в фильмах «Трактористы», «Два бойца», «Сказание о земле Сибирской», в длительных перерывах между киносъёмками оказывался без средств и вынужден был ездить по российским захолустьям, зарабатывая на жизнь выступлениями в деревенских клубах.

Борис Федорович был тогда уже в годах. Немного тучный, медлительный в движениях и разговорах, он оставался неотразимо обаятелен той бездонной душевностью, которая, казалось, течет из его простодушно-хитроватых глаз, таится в его крупных мягких ладонях, согревает каждое его скупое и обдуманное слово. Он сошел с экрана неуклюжим, добрым, доверчивым — таким, которого так не хватало в нашей жизни, и мы поверили, что похожие на его героев люди есть среди нас.

Андреев простудился еще до приезда в Сибирь, мало ел и постоянно пил густой чай с малиной, вместительную банку которой принесла из дома в первые же минуты появления артиста в районной гостинице ее заведующая.

Важно чихающий, в мелких испаринах на мощном лбу, он выходил на щелястую и скрипевшую под его могучим телом сцену, извинялся за нездоровье и начинал свой рассказ густым медвежьим голосом. В его речи было много шуточных находок.

— Мальчишкой вечерами идешь по берегу Волги, а на встречу тебе кочегары с пароходов, ремонтники, смазчики двигателей. И каждый норовит погладить тебя по макушке. То ли ласкает, то ли руку о твою голову вытирает...

В одном богатом селе, где накануне вечером выступал Борис Федорович, председатель колхоза со звездой Героя на

выходном пиджаке с утра повез нас на артельную пасеку. В доме пасечника уже ждал крепко заваренный чай и чашки с медом. В каждой посудине был особый мед: гречишный, клеверный, таежный, луговой. На приставном столике стояла большая банка с медом — подарок гостю.

— Это вы хорошо придумали, — прогудел Андреев. — Благодарствую, благодарствую...

Между прочим, председатель рассказал, что вчера его восьмилетний внук, вернувшись с концерта, предупредил его:

— Ты мне, деда, больше руку на голову не клади. А то вытираешь об меня всякую грязь!

Борис Федорович, неспешно потягивая чай, вспомнил, как в первый день его принимала старообрядческая семья в другом селе. Хозяйка в цветастом сарафане до пят, с бесчисленными оборками и складками, в кичке на голове, вопросительно глянув на мужа, отягощенного русой, во всю грудь, бородой, потянулась за чайной парой, особняком стоявшей на верхней полке комода.

— Что вы, что вы, маманя, — испуганно отвела ее руку дочка, клубная работница, которая и привела нас в родительский дом. Она метнулась в горницу и принесла посуду из чайного сервиза.

— Неужели они разобьют мою чашку? — полюбопытствовал Андреев у председателя.

— Не ждите! — расхохотался потомок ревнителей старой веры. — Дочка поставит ее на видном месте как реликвию!

* * *

С послевоенных лет, когда в нашей деревеньке появилось проводное радио, в музыкальных передачах часто звучал бас особой распевной красоты. Даже моя бабушка, любительница послушать чародейные мелодии, знала, что голосистый мужчина — это солист Большого театра, народный артист СССР Иван Петров.

— Русский человек, — говорила она, восхищенно примолкнув. — Имя в аккурат дадено, и фамилией наградил не иначе как пращур, Петрован.

Она была Петровной, фамилия певца как будто льстила ей.

К тем дням, когда я оказался причастен к Комитету по телевидению и радиовещанию Бурятии, бабушка уже ушла из жизни, преклонение же перед талантом Ивана Петрова оставалось в доме прежним. Он был неподражаемым Годуновым, Кочубеем, Мефистофелем. Но разве мог я подумать, что когда-нибудь расскажу ему о своей бабусе Аграфене Петровне?

Музыкальная редакция Всесоюзного радио время от времени — раз этак в двадцать лет — записывала на пленку голоса провинциальных талантов. Буряты — народ песенный, они прославили свою землю талантами высшей пробы. Московская бригада редакторов, режиссеров и операторов, приехавшая к нам, записала здесь столько вокальных и музыкальных номеров, что они могли звучать без перерыва около двадцати часов.

Оценить это богатство, отобрать в фонды радиовещания и телевидения страны лучшее поручили специальной группе, в которую вошли известные композиторы, дирижеры, оперные и эстрадные певцы. Мне пришлось представлять родную республику: должен же кто-то рассказать высоким ценителям о возрасте каждого артиста, его образовании, месте работы — словом, о его певческой биографии.

Чтобы не смущать читателей громкими именами судей, назову только одного из них. Да, да, знаменитого солиста Большого театра Ивана Петрова.

— Мы ведь с вами земляки, — сказал он в первый день прослушивания записей.

— Как?

— Детство я провел в чудесном городке Слюдянке на Байкале.

— Что-то я не слышал о таком, — поднял брови его товарищ по театру, знаменитый дирижер.

— А вот послушайте. Если вы поедете поездом с запада на восток, до Тихого океана, или с востока на запад, в Москву, то отличный омуль на закуску вы сможете купить только на перроне в Слюдянке. Соленый, копченый, вяленый и всякий другой. Описать нельзя: объедение! — Петров блаженно провел ладонью по резко очерченным губам и закрыл глаза, погасив живущую в них улыбку.

— Так было до конца шестидесятых, дорогой Иван Иванович, — пришлось мне разочаровать Петрова. — Позже поэт Николай Тряпкин застал прибайкальские рынки уже такими. — Я прочитал несколько строк из его стихотворения:

Никаких омулей и ни бочек тебе омулевых!

Это все — лишь эмблемы да песен старинных тавро.

Рядовая свекла. Да ряды из орехов кедровых.

Да говяжьих остатки — по восемь рублей за ребро.

Проходная морковь. Да какие-то постные дыни.

Да какие-то старцы с каких-то песчаных сторон.

Да испытанный венник — из лучшей байкальской полыни.

Да под крышей стеклянной две штуки заблудших ворон.

Иван Иванович потускнел, его высокий лоб, переходящий в лысину, покрылся мелкими морщинками, как озерцо рябью при легком ветре, он перевел руку с глаз на острый подбородок с продольным углублением, печалью оперся на стол и произнес слова царя Соломона:

— Allepasse (всё проходит).

Но в какой-то из дней, когда мы по заведенному порядку прервали прослушивание на десять-пятнадцать минут, я рассмешил его рассказом о своей бабушке, так любившей, кроме голоса, его фамилию.

Ухватив рукой подбородок, он открыл мне тайну своей фамилии. Оказалось, что он никакой не Петров, а Краузе и, понятно, не мог с этой немецкой фамилией петь в главном театре страны, поэтому выбрал запоминающийся сценический псевдоним. А, как известно, псевдонимы прилипают к артистам, писателям, музыкантам навечно.

— Фамилия придуманная, а талант подлинный, — философски произнес прославленный дирижер.

* * *

Одного поэта-сибиряка я отличал по-особому. Не зная его лично, часто перечитывал созданные им поэмы «Проданная Венера», «Седьмое небо», лирическую «Книгу любви и веры». Мне даже казалось, будто я давно знаком с автором.

Наконец однажды знакомство состоялось наяву. Василий Федоров окликнул меня и заговорил не о чем-то житейском, а сразу о главном для пишущего человека, судьбоносном.

Надо сказать, что произошло это в день, на который был назначен творческий отчет литераторов-сибиряков в Союзе писателей России. Мне заранее сказали, что о моих книжках будет говорить Василий Дмитриевич, но до самого начала обсуждения в здании на Комсомольском проспекте его не было видно. Он пришел в последние минуты, и, видимо, кто-то указал ему на меня.

— Ты не волнуйся, оборона будет крепкой, — сказал он приятельски, как сибирский чалдон чалдону. И без всякого перехода спросил: — Иркутск же рядом с вами? Как там поживают мои дружки Дениска Цветков и Васька Стародумов? Знаком с ними?

О Цветкове я не слышал до этого (он оказался поэтом), а сказочник Василий Пантелеймонович Стародумов был известен и в Бурятии, где я тогда жил. Здесь, как и в Иркутске, издавались его байкальские волшебные истории.

О сибирской родословной самого Федорова я, конечно, знал. В юности, после учебы в техникуме, он работал на авиа-

ционном заводе в Прибайкалье, там начал печататься, но поэзия, как цепкая, ухватистая невеста, заманила его в Москву. Так что грустные и нежные воспоминания Федорова о молодости на Ангаре были понятны моему сердцу.

Обсуждение стихов оказалось теплым, может быть, даже непозволительно мягким для нашего дела. Но кто даст в обиду земляка, да еще из медвежьего угла? Так что об этом разговоре больше ни слова. Добавлю только пару строк о застолье после него. Подняв рюмку, Федоров, словно пробуя полными губами брусничный сок, запроваженный сахаром, сладко замурился:

— Счастливый вы народ... тайга под окном... парни ушлые, девки сдобные... А тут глянешь с высокого этажа: людей, как муравьев, машин, как льдин в половодье. Душа за каменной стеной!

— Так что ж, Вася, за счастливых людей? — поторопил его кто-то из москвичей.

— А мне нельзя! Жена взбучку устроит... Эх, была не была! — и в неожиданном ухарском жесте, как в стихах, опять проглянул бесшабашный чалдон.

* * *

С поэтом Анатолием Передреевым меня познакомил Александр Вампилов. Сейчас думается: неспроста в Москве второй половины шестидесятых годов, где толклось немало даровитых ровесников, молодой драматург высмотрел зорким взглядом, а точнее сказать, зорким сердцем, и выбрал себе в друзья Николая Рубцова и Анатолия Передреева. Было же у всех троих что-то магически притягивающее друг к другу, что-то сокровенно объединяющее их! Может быть, то, о чем с братской доверчивостью и нежностью, сказал Анатолий в стихах, обращенных к еще одному другу — Владимиру Соколову:

*В атмосфере знакомого круга,
Где шумят об успехе своем,
Мы случайно заметим друг друга,
Не случайно сойдемся вдвоем.*

*В суматохе имен и фамилий
Мы посмотрим друг другу в глаза...
Хорошо, что в сегодняшнем мире
Среднерусская есть полоса.*

*Хорошо, удивительно, славно,
Что тебе вспоминается тут,*

*Как цветут лопухи в Лихославле,
Как деревья спокойно растут.*

*Не напрасно мы ищем союза,
Не напрасно проходят года.
Пусть же — девочка русая — муза
Не изменит тебе никогда.*

*Да шумят тебе листья и травы,
Да хранят тебя Пушкин и Блок.
И не надо другой тебе славы,
Ты с этой не так одинок.*

Когда, почти через двадцать лет, в Кутулике, где отмечался пятидесятилетний юбилей Александра Вампилова, я напомнил Передреву о нашей первой встрече, он спросил:

— А что Вампилов говорил обо мне?

В этом было что-то ребяческое. В отрочестве мы с острым любопытством хотим знать, что думают о нас учителя, сверстники, даже мать и отец. Вдруг узнаешь о себе что-то неожиданное, необычное!

На осенней, скупо освещенной улице, по которой мы с Анатолием гуляли уже за полночь, было зябко. Лужицы в выбоинах темнели, как разлитое машинное масло.

После выступления в клубе на вечере воспоминаний, ужина и разговоров литературной братии, собравшейся в большой комнате гостиницы, Передрев выглядел усталым и угрюмым. Лишь полчаса назад, когда иркутский актер, взяв гитару, предложил спеть вместе рубцовскую «Звезду полей», Анатолий на минуту оживился:

— Друзья, — сказал он, нависая над столом и прося тишины, — вы только послушайте: «В комнате моей светло...» — обычная строка, простое начало... Но дальше! — Передрев перешел на таинственный, мистический шепот: — «Это от ночной звезды...» Светло от ночной звезды! — полным голосом повторил он, глянув в широкое окно, в липкую октябрьскую темь. — Вот где поэзия!

Но эта минута, как вспышка, не оставила на хмуром лице Анатолия долгого следа. И теперь он шагал рядом, качаясь над сколькой мокрой землей длинным тонким телом. Не зная причины его потерянности и замкнутости, я пытался развеять его дурное настроение, рассказывал без пауз то о родных местах Вампилова, то о Байкале, где тот любил рубачить.

— Ты бывал на восточном берегу Байкала? — спросил я.

— Нет.

— Приезжай летом. Съездим на мою родину. Там есть красивый поселок с бурятским названием Энхалук. Высокий берег, заповедная тайга... Встанешь в ясный день на яру, над морем, — перед тобой, как будто рядом, через дорогу, противоположный берег, правее — остров Ольхон, а по нашей стороне к северу — поселки Горячинск, Усть-Баргузин, Давша. В тех местах рождается знаменитый ветер. Помнишь: «Эй, баргузин, пошевеливай вал...»? А названия какие: речка Гремячая, Ушканьи острова... Чем не поэзия? Даст бог, и стихи напишешь.

Он спросил:

— А можно поехать в эти дни? — и заговорил о том, что именно сейчас у него много неприятностей в Москве.

Я стал убеждать его, что в октябре на Байкале нечего делать. Студеные ветра, густой клубящийся туман над вздыбленным и ревущим морем... В такие дни здесь не излечишь хандру, наоборот, отсюда захочешь убежать.

Передрев согласился со мной и опять хмуро замолк...

А через месяц, прочитав в «Литературной газете» некролог о его кончине, я с болью подумал, что там, в Кутуликке, я не понял его...

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2014 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

С признательностью, **редакция журнала.**